Мы вернулись

Иван Фёдорович Хомич

SHOUT
SHARE
IT

- Хомич Иван Фёдорович

Хомич Иван Фёдорович
Мы вернулись

Хомич Иван Фёдорович

Мы вернулись

{1}Так обозначены ссылки на примечания. Примечания в конце текста книги.

Литературная обработка Е. Леваковской

Аннотация издательства: Воспоминания офицера Советской Армии о последних днях обороны Севастополя, о том, как, тяжело раненный он попал в плен к немецко-фашистским захватчикам, бежал из плена, организовал партизанский отряд и впоследствии стал командиром бригады И Хомич с большой проникновенностью рассказывает о своих боевых товарищах, о дружбе, скрепленной кровью, о героических подвигах своих боевых соратников.

Содержание

От автора
На помощь Севастополю
Последний этап обороны
Плен
В симферопольской тюрьме
В Днепропетровске
Снова в тюрьме
Житомирский подкоп
В Славуте
"Метро" в Славуте
Побег
За рекой Горынью
Снова в Армии
Примечания

От автора

Немало книг написано о грозном и славном для нашего народа пятилетии Великой Отечественной войны, но как много подвигов советских людей и поныне остаются еще неизвестными, сколько примеров героической самоотверженности, поданных нашими соотечественниками, солдатами и офицерами, людьми военными и невоенными, хранится пока лишь в памяти очевидцев!

А годы идут, и плохо, думается, будет, если мы, современники, не оставим потомству своих свидетельств бессмертного подвига нашей Родины в борьбе за счастливое

будущее всего человечества.

Я - военный человек, вся жизнь моя связана с армией. Осенью 1918 года по путевке Нижегородского губкома я прибыл в Москву на командные пулеметные курсы. В декабре того же года нас, курсантов, перевели в Кремль для учебы и несения охраны. В те годы мне доводилось стоять на посту у квартиры Владимира Ильича Ленина.

В августе 1919 года молодым командиром я отбыл на Южный фронт, где и воевал до 1921 года. Потом я учился в Высшей стрелковой школе и на курсах усовершенствования Высшей, пограничной школы, служил в пограничных и сухопутных войсках. В 1936 году окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе.

Как и любой кадровый офицер, многому был я свидетелем за эти годы. В конце 1941 - начале 1942 года мне довелось участвовать в обороне Севастополя, когда весь мир отдавал должное беспримерному мужеству защитников города-героя.

О тяжких и славных днях последних боев за Севастополь, о борьбе наших людей в плену и возвращении их в ряды родной Советской Армии рассказано в этой книге.

В 1944 году в город Славуту, после освобождения его Красной Армией, выезжала Чрезвычайная Государственная Комиссия под председательством Никиты Сергеевича Хрущева. В работе Комиссии принимали участие эксперты-медики. Было установлено, что в "Гросс-лазарете" Славута гитлеровцы замучили, истребили, уморили голодом и болезнями более ста тысяч офицеров и бойцов Красной Армии.

Из этой-то "фабрики смерти" осенью 1943 года через подкоп и бежала в лес наша группа пленных.

Я не писатель. Пусть те, кто прочтут эти записки, простят мне неумелость, может быть, скупость многих страниц.

О бесстрашии моих товарищей, об их несгибаемой верности, Родине я рассказал, как мог, в своих воспоминаниях.

На помощь Севастополю

Положение наших частей под Севастополем особенно осложнилось во второй половине декабря 1941 года.

После оккупации Симферополя большая группировка немецко-фашистских войск упорно рвалась к Севастополю, но к полной неожиданности для гитлеровского командования натолкнулась здесь на стойкое сопротивление, хотя поначалу яростное наступление гитлеровцев сдерживали лишь моряки Черноморского флота и бойцы народного ополчения (части Приморской армии с боями через горы отошли к побережью и в начале ноября стали подходить к Севастополю со стороны Ялты).

Севастополь геройски оборонялся, и не единожды проваливались "авторитетнейшие" прогнозы врагов о его падении. Город не только держался, но и со страшной силой перемалывал гитлеровскую армию.

17 декабря 1941 года гитлеровцы, имея крупный перевес в силах, начали второе, декабрьское наступление на Севастополь. В наступлении участвовали пять немецких пехотных дивизий, три горнострелковые бригады и 5-я моторизованная бригада румын.

По указанию Верховного Главнокомандования на помощь севастопольцам были направлены корабли и транспорты с войсками, вооружением и боеприпасами. Враг рассчитывал захватить Севастополь через четыре дня - 21 декабря 1941 года. В эти дни была переброшена под Севастополь и наша стрелковая дивизия.

Мы грузились в Туапсе вечером, по мере сил и возможности маскируясь от вражеских самолетов. Черное море в декабре не слишком приветливо. На вторые сутки нашего плаванья разыгрался шторм, опытным морякам и то пришлось нелегко. Каково же было нашим пехотинцам, из которых многие море-то увидели в первый раз.

Наконец волнение утихло, на небе появилось множество ярких южных звезд. Похоже, и звезды обрадовались, что снова можно спокойно глядеться в тяжелую черную воду. Нам же и желанная тишина покоя не принесла. Мы знали, что под Севастополем идут горячие сражения, оборона бросает в бой последние резервы, а мы, задержанные штормом, опаздываем.

Пришлось учесть, что турки, несмотря на свой нейтралитет, все-таки пустили в Черное море немецких фашистов. Море буквально кишело вражескими подводными и надводными кораблями и минами. Наши моряки сразу из Туапсе взяли курс в нейтральные воды и шли неподалеку от турецких берегов, так было несколько безопаснее. Лишь выйдя на траверз Севастополя, мы повернули к городу.

И вот - ночь, корабли идут в кильватерной колонне, по бокам - миноносцы, наша охрана. Настроение тревожное, неверными кажутся и тишина и мрак, похоже не сомкнуть глаз, а люди, измученные штормом, все-таки спят, и, увидев спящего, радуешься: хорошо если успеет человек хорошенько выспаться, отдохнуть, подготовиться к выгрузке, а возможно и к бою.

В пять часов утра стал слышен глухой гул артиллерийской канонады. Мы подходили к Севастополю. Я вышел на палубу, кругом было сыро и темно, звезды померкли, вдали, в тумане, виднелись смутные очертания города. Где-то, очевидно в горах, вела методический огонь дальнобойная артиллерия.

Наш транспорт шел с потушенными огнями, море поэтому казалось сумрачным, а силуэты кораблей зябко таяли в полутьме.

На флагмане была получена шифрованная радиограмма, в которой определялось место разгрузки.

Мы поднялись в кают-компанию и стали изучать на карте Северную бухту, куда подходил в редеющем утреннем тумане наш транспорт.

Обстановка последних часов в Севастополе нам, естественно, не могла быть известна, не знали мы и последних решений командования. Но, ознакомившись приближенно с топографией местности, решили, что дивизию целесообразнее всего расположить в Графской балке, на Мекензиевых горах, на Сапун-горе и в Инкерманской долине. Один полк мы оставляли во втором эшелоне, два выдвигали в первый, намереваясь усилить пехоту артиллерией. Это предварительное решение представители полков и нанесли на свои карты, пока наши транспорты скрытно приближались к намеченному месту выгрузки.

Тревога и тщательная подготовка оказались не напрасными. Как впоследствии выяснилось, самое тяжелое положение на фронте в тот день создалось именно в районе Графской балки - Мекензиевых гор. Когда наш транспорт вошел в бухту, с гор доносился уже не только артиллерийский гул, но и пулеметная трескотня.

Выгрузка! Непосвященный человек и представить себе не может, какой сложной, до мелочей продуманной подготовки требует эта, как будто несложная операция. Ведь не под чистым мирным небом она проводится, тысячи людей, десятки орудий, тонны боеприпасов должны быть в минимальный срок сняты с кораблей и рассредоточены.

Нами было сделано все для того, чтобы избежать опасной разгрузочной сутолоки и толчеи. Помогла, как говорится, и крымская земля. По словам стариков - жителей, сам бог прикрыл нашу разгрузку. Первые корабли уже вошли в бухту, когда в небе появились два вражеских самолета. Севастопольские зенитчики открыли по ним огонь, самолеты скрылись, по всей вероятности, не обнаружив транспорта, а тут, как по заказу, густой туман плотной пеленой окутал бухту и горы. Выгрузились мы благополучно, руководствуясь мудрым правилом моряков-десантников - "Последних не должно быть!"

Вскоре скрылась в тумане разведка дивизии, за ней и полковые разведчики ушли в горы. С новой силой вспыхнул пулеметный и автоматный огонь - это два стрелковых полка нашей дивизии, поддержанные, как и было намечено,

артиллерией, втягивались в бой. Словом, все пришло в относительный порядок.

К вечеру, ведя тяжелые бои, мы продвинулись где на один, а где и на два километра и к утру освободили совершенно разрушенную станцию Мекензиевы Горы, то есть фактически вышли на ставшее главным направление, где нашу дивизию и использовал командующий Приморской армией генерал-майор И. Е. Петров. Тяжко пришлось бойцам, особенно в первые дни. . Бои идут днем и не прекращаются ночью. Немцы непрерывно подбрасывают свежие части, вводят их в бой, а нам замены нет. Надо спешно рыть окопы, строить наблюдательные и командные пункты, землянки, траншеи. А земля каменистая, мерзлая, ничем ее не возьмешь... Не хватало больших лопат, ломов, кирок.

Мучительно морозные стояли ночи. Дул пронизывающий ветер такой силы, что из траншеи, хоть сколько-нибудь прикрывавшей, просто невозможно было подниматься На ничем не защищенную поверхность каменистой, голой, казалось, давно и навеки обледеневшей земли. Только по ночам, в темноте удавалось вытаскивать с поля боя раненых, в неглубоких, с трудом вырытых могилах хоронить убитых и собирать пострадавшее в боях оружие.

С большой опасностью для жизни люди собирали винтовки, автоматы, пулеметы. Все, что не в клочья разорвал вражеский снаряд, с надеждой доставлялось в дивизионные и армейские мастерские, и снова с этим старательно отремонтированным оружием мы вступали в бой.

Сильно поредевший личный состав пополняли тоже из "собственных" резервов. Крепко почистили и сократили дивизионные и полковые тылы, ввели в строй всех, без кого еще месяц назад в какой-нибудь штабной канцелярии обойтись казалось невозможным. Да, многому научили нас декабрьские бои!

За несколько дней до нового года ценой большой крови гитлеровцам удалось потеснить нашу оборону местами от трехсот до семисот метров. Я раньше говорил - да это широко известно, - что под Севастополем буквально перемалывались в кровопролитнейших боях гитлеровские части. Немецкое командование тщательно маскировало свои потери. Давно уж пора было немцам сводить полки в батальоны и даже в роты, но их пополняли все новыми и новыми резервами. Фактически только номера полков оставались старые, а личный состав был почти полностью заменен.

Настроение у вновь прибывающих в Крым "завоевателей" было еще бодрое. Ведь они не знали, сколько их

предшественников навечно окопалось уже в крымской земле.

В карманах многих солдат, унтеров, в полевых сумках офицеров мы находили хвастливые письма и телеграммы, так и не успевшие уйти в "Райх".

Вот некоторые из них:

"Вчера я видел в бинокль красивый Севастополь, завтра в канун Нового года мы будем там".

Однако между "вчера" и "завтра" пролегло для унтера роковое "сегодня" по пословице: "Не кажи гоп..."

Другой писал: "Мы подошли совсем близко к Севастополю, уже видны его дома, к ночи мы будем в городе".

А к ночи он был убит.

30 декабря эшелоны подвезли немцам на станцию Дуванкой новое пополнение: солдат, пушки, танки... В тот день немцы беспрерывно атаковали" наши позиции на Мекензиевых горах.

Во второй половине дня было получено распоряжение штаба армии: комдив, комиссар, я - начальник штаба дивизии - и командир одного из полков вызывались к командующему армией в так называемый "домик Потапова". В мирное время это был домик путевого обходчика, сейчас там помещался командный пункт 79-й морской бригады.

В обычных, "нормальных", так сказать, условиях фронта прибыть на совещание к командарму значило бы заметно отойти от переднего края в глубину обороны, то есть углубиться в тыл, попасть в относительно более спокойную обстановку. Но к концу декабря под Севастополем совершенно сместились все понятия переднего края и глубины обороны, тыла и фронта.

Передний край был всюду. Достаточно сказать, что к вечеру этого дня отдельные немецкие автоматчики стали просачиваться уже в дивизионные тылы со специальным заданием: выводить из строя командиров и сеять панику. Один такой лазутчик был пойман в расположении нашей дивизии.

"Домик Потапова" находился, без всякого преувеличения, на переднем крае, неподалеку от шоссейной дороги, где проходил стык между нашей дивизией и частями моряков и куда упорно устремлялись немцы.

Могут сказать, зачем было командованию подвергать себя излишнему риску? Но обстановка складывалась сложная, каждый человек был на счету и оставить хотя бы на несколько часов без командиров полки, непрерывно ведущие бой, командарм не мог. Самое же, думается, главное - ничто так не поднимает дух солдат, как если они знают, что и командир, большой командир, в трудную минуту рядом с ними руководит боями и несет все их тяготы.

Представителей командования армии мы сплошь да рядом видели именно на позициях, там, где решалась судьба Севастополя. Так, в один из декабрьских вечеров у нас же, на Мекензиевых горах, был тяжело ранен начальник штаба армии Николай Иванович Крылов. Ему, естественно, предложили эвакуироваться, но он категорически отказался, и его лечили в Севастополе.

Я далек от неверной мысли - проповедовать непременное нахождение командира в цепи. Этак и боем управлять будет некому. Но есть какие-то момента, когда солдату необходимо знать, может быть, даже видеть, что командир - рядом. Стойкость командующего армией генерала И. Е. Петрова и таких офицеров штарма, как Н. И. Крылов, крепила упорство людей, защищавших Севастополь.

Командир дивизии Гузь и комиссар Пичугин выехали на КП 79-й бригады раньше меня. Когда я вошел в битком набитый людьми домик и увидел, что их еще нет, сердце ёкнуло: что-то случилось!

Оговорюсь сразу: товарищи вскоре прибыли, но, как позднее выяснилось, от немецких автоматчиков им все же отбиваться пришлось. Потому и опоздали.

Необычное это было совещание. Поблизости то и дело рвутся тяжелые снаряды, заглушая голоса. Народу - присесть негде. Речь военных обычно сдержанно немногословна, а тут уж прямо-таки сокращенную стенограмму напоминает.

Да это и не удивительно. Все было понятно собравшимся, каждый торопился обратно на свое место, где он вносил свою лепту в общую, ставшую невероятно трудной борьбу. Вопрос стоял в сущности один: если 31 декабря мы не удержим Мекензиевы горы, враг столкнет нас в бухту Северную, в море, и захватит Севастополь.

Этого допустить нельзя!

Командующий сурово предупредил командира полка майора Петрова, плохо проявившего себя в последнем бою, и вдруг как-то устало отвернулся от стоявшего перед ним офицера. Видно, ему самому было неприятно так говорить. Все мы помногу раз встречали командующего на позициях и в штабе, это был удивительно приветливый, заботливый, учтивый человек. Как правило, он редко повышал голос.

А сегодня...

В домике стояла гробовая тишина, нарушаемая лишь грохотом близких разрывов. Командующий стоял, опустив глаза на карту, лежавшую перед ним на столе, и думал минуты две - три.

В числе других офицеров он спросил и меня:

- Полковник Хомич, что вы можете доложить? Доклад мой был кратким:

- Положение очень тяжелое, но не безнадежное. С Мекензиевых гор уходить не думаем. Будем завтра драться, как и сегодня, до конца. Просьба поддержать дивизию пятью - шестью дивизионами артиллерии, полком пехоты и боекомплектом снарядов, мин, патронов, гранат.

Командующий кивнул, как мне показалось, одобрительно и спокойно сказал:

- Задача триста сорок пятой дивизии: удержать Мекензиевы горы любой ценой. Завтра тяжелый артиллерийский полк Богданова будет работать на вас. Сделайте заявку в штаб артиллерии, вас поддержат дополнительно орудия с кораблей Черноморского флота. Кроме того, на фронте дивизии будет действовать бронепоезд моряков. Снаряды, мины и патроны ночью подвезет в Графскую балку армейский транспорт, но не боекомплект, а меньше. Свежего стрелкового полка не дам. У меня его нет.

- Вы свободны. Ступайте и организуйте бой, - закончил командующий.

По его приказу ночью в Графскую балку, Инкерманскую долину и другие пункты были доставлены боеприпасы.

На позициях было относительно спокойно, изредка только взвивались и медленно оседали ракеты, освещая притихшую землю. Наша разведка пыталась проникнуть в расположение немцев, однако тщетно - малейший шорох вызывал пулеметный и автоматный огонь. Дороги методически обстреливались вражеской артиллерией. Снаряды проносились через каждые пять - шесть минут.

В пять часов утра меня разбудил, как и условились, дежурный. Я вышел с КП. Было зябко, темно, даже ракеты не поднимались. Немцы явно рассчитывали на внезапность.

Мы быстро собрались и отправились на командно-наблюдательный пункт дивизии. Через полчаса подошли к железнодорожному тоннелю, где стоял бронепоезд.

Как ненавидели этот бронепоезд немцы и сколько добрых, полных благодарности слов говорилось в его адрес нашими бойцами и командирами! На бронепоезде работали моряки. Отвага черноморцев давно вошла в поговорки. Бронепоезд их в самом деле налетал на противника и вел огонь с такой стремительной неожиданностью, словно бегал не по рельсам, а прямо по неровной земле полуострова.

Командно-наблюдательный пункт был скрытно расположен

на большой горе, почти в центре обороны дивизии. Отсюда в ясную погоду - просматривались позиция перед фронтом и далеко в тыл позиции трех полков. Но последний день сорок первого года занимался хмурый, словно и сама природа ничего хорошего от него не ждала. Тишина была такая, что казалось седые Мекензиевы горы спят вечным сном. Редко-редко проскрипит запоздавшая повозка или походная кухня, возвращающаяся в тыл.

На НП тоже было тихо, настроение у всех, я бы сказал, сосредоточенно-деловое. Люди сделали решительно все, что могли, и это рождало какое-то чувство относительного удовлетворения. За ночь каждый воин был обогрет и проспал от двух до трех часов в теплой землянке. Снаряды были укрыты на огневых позициях, бойцы полностью обеспечены патронами и гранатами. Правда, снарядов и мин было маловато, но артиллеристы знали, что расходовать их можно только по видимым целям, а уж на выдержку и уменье наших артиллеристов мы могли положиться - сколько раз спасали они пехоту от неминучей, казалось, беды!

В последних боях меткостью огня особенно прославились артиллеристы полка Богданова, того самого, который по приказу командования должен был сегодня "работать" на нас. Корректировщики у них спускались в батальоны и роты, чтобы своими глазами видеть цель и направлять огонь.

Полкам было приказано не открывать сразу своей огневой системы, чтобы враг не подавил ее до общего штурма.

Придя на НП, мы по всем линиям проверили готовность обороны. Настроение было хорошее.

Комдив и комиссар, в этот день руководили боем с командного пункта.

Ну вот и все, кажется. Теперь только ждать. Начали украдкой поглядывать на часы - заспались немцы сегодня.

Как-то мгновенно разлилась серая рассветная муть и - словно бы сигналом она была - одновременно ударили сотни орудий. Только на фронте доводилось мне наблюдать такие молниеносные переходы от почти полной тишины к грохоту, от которого глохнут люди. Буквально лавина снарядов и мин, больших и малых калибров, налетела на нас, взрыхляя землю, перемешивая черный грунт со снегом. Позиции скоро покрылись воронками, стольких трудов стоившие окопы сравнивались с землей, в воздух летело все: камни, колья проволочных заграждений, разбитое оружие, повозки...

А маша оборона все молчала, засекая огневые точки врага. Похоже, немцы решили, что мы оставили горы, покинули свой рубеж. Во всяком случае, до десятка групп противника в разных

местах поднялись и с криком бросились в атаку. Но тут с ходу ударили по ним пулеметы и минометы. Наконец заговорила и наша тяжелая артиллерия. Полк Богданова удачным налетом накрыл засеченные вражеские пушки. Но в бой вступили сотни немецких пулеметов, минометы, ротные и батальонные. У немцев-то хватало и орудий и боеприпасов!

В десятом часу утра враг перешел в атаку по всему фронту. Впереди шли танки, за ними тысячи гитлеровцев. Наша артиллерия поставила отсечные и заградительные огни, отделив танки от пехоты. Во многих пунктах танки взорвались на минных полях и были подбиты пушками части подполковника Веденеева, но несколько десятков машин пробились и стали утюжить наши позиции. Немецкая пехота ворвалась в окопы.

В бой мы ввели батальонные, а в двух полках и полковые резервы, однако положения они не восстановили: в центре, на стыке двух полков, образовался глубокий прорыв, оборона рухнула и подалась назад.

Каменная толща горы дышала холодом, а мне на наблюдательном пункте стало жарко. В такие минуты всегда кажется, чего-то не доложат, если не увидишь сам. Только хотел выйти из укрытия, посмотреть, что творится, - зазуммерил аппарат. Звонил командир полка, на участке которого прорвались немцы:

- Противник прорвал оборону, обходит мой НП, разрешите перенести в тыл.

- Нельзя!

Я напомнил вчерашний разговор у командующего:

- Артиллеристы поддержат.

Действительно, в этот один из труднейших моментов памятного дня нас крепко поддержала артиллерия. В направлении станции Мекензиевы Горы был введен последний резерв дивизии, из тоннеля вышел бронепоезд с моряками и ударил по врагу, а орудия кораблей Черноморского флота открыли губительный огонь по артиллерии и свежим колоннам противника.

Так мощно прозвучал этот массированный удар, так обрадовала четкость взаимодействия, что все мы на НП ободрились. Не сговаривались - некогда было, - но все почувствовали: вот он, близок тот заветный перелом в бою, после которого много еще будет труда и крови, а. все-таки ясно, что враг в затруднении, и всякий сколько-нибудь опытный боец отлично это понимает.

Но опять позвали к аппарату. По лицу моему товарищи поняли, что до перелома нам еще далеко. Звонил командир полка

майор Мажула:

- На правом фланге накапливаются тысячи немцев с танками, позиции полка на флангах прорваны, резервы израсходованы, прошу помощи!

Я уточнил место сосредоточения немцев и тут же передал начальнику артиллерии дивизии подполковнику Мукинину:

- Подавить!

Тотчас за Мажулой докладывает командир полки майор Оголь:

- Гора "Длинная" {1} обходят немцы. Прошу поддержать огнем и людьми!

Майор Оголь зря просить не будет, а у нас в резерве - ничего.

Я сказал:

- Поддержим огнем двух артиллерийских дивизионов, людей нет, держитесь, уточните концентрацию противника и сообщите Мукинину.

Только положил трубку, вызвали из штаба армии. Услышал знакомый голос:

- Говорит Петров, доложите обстановку.

Я доложил. Обстановка создавалась нелегкая: позиции всех полков прорваны, враг подводит новые резервы.

Может, потому, что я не видел лица генерала, голос его мне показался спокойным.

Командарм сказал:

- Уточните группировку и передайте генералу Рыжих - это был командующий артиллерией армии, - что мы их накроем огнем. Держитесь!

Сколько раз за тот день было произнесено это многозначащее русское слово! Но "держаться" на НП и не взглянуть своими глазами, что же делается на местности, я уже не мог и вышел из укрытия в открытый окоп.

Овеянное снежной и земляной пылью неровное поле было сплошь усеяно людьми. Тут и бой вели, тут и уводили и уносили раненых. Артиллерийский огонь противники несколько поутих. Однако затишье это не радовало. Я подумал: "Наверняка подтягивает часть артиллерии ближе к фронту, а там и начнет последний штурм".

Я так и сказал бывшим со мной в окопе командирам саперной части и батальона связи:

- Всем, кто на КП, приготовиться к обороне. Сейчас немцы...

Я не успел договорить "пойдут в атаку", как из НП выбежал старший лейтенант Львов с сияющим лицом и закричал:

- Товарищ полковник! Атаку в центре артиллеристы отбили! Докладываю, товарищ полковник!

Поземка била ему в лицо, он жмурился и не сразу разглядел меня в окопе, а сам так и светился от радости.

Вести в самом деле были хорошие. Немцев, наступавших в направлении железнодорожного полотна, задержал бронепоезд и второй батальон полка майора Петрова; из танков, прорвавшихся к Сухарной, многие подорвались на минах, а те машины, которые повернули в нашу сторону, бойцы первого батальона полка майора Оголя забросали связками гранат и бутылками с горючим. В общем, противник отброшен с большими для него потерями и отходит к северу.

Явственный вздох облегчения прошелестел по окопу, так осчастливила людей эта весточка победы, первая за много часов боя" Наверно, те из молодых, что присутствовали на НП, подумали обрадованно: перестраховался на сей раз полковник Хомич, ожидая еще какого-то последнего штурма. Я сам был бы рад ошибиться! Но примерно после одиннадцати часов поднялся ветер.

Воспользовавшись этим, немцы поставили дымовую завесу и под ее прикрытием по всему фронту поднялись в атаку. Многие шли, сбросив шинели, в одних мундирах, как потом выяснилось, изрядно хватив рому.

С нашей стороны в бой было введено все: армейская артиллерия, орудия береговой обороны, бронепоезд моряков, а по особому сигналу - серия красных ракет с НП - все пушки, пулеметы и минометы дивизии. На нас в этот момент работал, кроме того, тяжелый артиллерийский полк Богданова и даже многие дивизионы артиллерии "соседей".

Около часу длилась эта атака - и захлебнулась. Ее утопили в крови противника. Немцы атак больше не возобновляли. Ветер уволакивал с поля рваные клочья дыма.

Из штаба армии вызвали к телефону. Второй раз в этот день я услышал голос командующего. Доложил:

- Бой утихает. Все горы усеяны трупами гитлеровцев. Кажется, немцы выдохлись. В двух полках выделяем группы преследования.

Мне показалось, что я кричу в трубку, даже неловко сделалось. Потом понял: просто на земле стало тише.

Командующий приказал преследовать немцев неотступно, не давать закрепиться ни в коем случае. Сказал еще, что Военный совет объявляет благодарность всему личному составу дивизии, а списки особо отличившихся, представленных к правительственным наградам, будут завтра опубликованы в нашей газете.

До поздней ночи мы преследовали врага. На главном

направлении противник был разбит и с большими потерями отброшен за Бельбекскую долину. К вечеру пошел снег и белым саваном прикрыл всех, кто остался лежать на земле Мекензиевых гор.

Дивизионная разведка и рота полка майора Петрова вновь заняли сожженную дотла станцию Мекензиевы Горы. Новый командно-наблюдательный пункт наш был организован в немецком блиндаже, солдаты разместились в оставленных врагом окопах и землянках.

Ничего не скажешь, комфортабельно располагались гитлеровцы, не допускали, видимо, и мысли об отходе! Во многих землянках стояли маленькие украшенные елки, на одной даже свечи еще тлели, когда мы вошли. Пустые винные бутылки, с этикетками крымскими и французскими, ватные одеяла и подушки, отнятые у местных жителей, на стенах портреты фюрера...

Торжество большой победы как-то отодвигает на время чувство усталости. Да и не до отдыха было командирам в ту ночь: надо было убрать поле боя, помочь медикам.

Без всяких просьб с нашей стороны из города пришли коммунисты, комсомольцы, просто жители всех, возрастов: мужчины, женщины, подростки. Пришли и принялись помогать нашим медработникам.

Всю ночь ходили люди по горам, по местам боев, прислушиваясь, не слышно ли стона, приглядываясь - может, не убит, а только потерял сознание. Обшаривали все балки и ущелья - не остался ли тяжелораненый. А ведь это было не только трудно, но и небезопасно. Каждый знал, что на поле есть мины - и наши и противника. Могло статься в темноте, в снегу, что не все они сняты нашими уставшими саперами.

Спасибо севастопольцам!

Едва стал стихать в тот вечер бой, к переднему краю потянулись обозы. Каждый боец и командир получил подарок из тыла, многим пришли письма. Впервые после долгой боевой страды люди смогли наконец согреться душою, поговорить о доме, о близких.

В двенадцать часов ночи вместе со всем советским народом мы чокнулись за нашу победу.

После декабрьских боев писатель С. Сергеев-Ценский в газете "Правда" писал: "Севастополь, наша гордая крепость, сжался сейчас, как тугая пружина, но он не потерял своей упругой силы.

...Он подает пример того, как следует защищаться против разбойничьей гитлеровской военной машины. Пусть мы теряем много, - придет час и фашисты потеряют все".

Последний этап обороны

Истрепанные в декабрьских боях, немцы более пяти месяцев не рисковали наступать.

В этот период все усилия врала были направлены к тому, чтобы помешать подвозу войск и оружия к Севастополю. По морю рыскали вражеские подводные и надводные корабли.

В двадцатых числах мая гитлеровцы начали стягивать к Севастополю значительные силы.

К началу третьего, июньского, наступления на Севастополь немцы сосредоточили на его подступах до 300 000 своих солдат, свыше 400 танков и до 900 самолетов{2}.

Второго июня началась длительная авиационная и артиллерийская подготовка, а седьмого июня на рассвете немцы, имея многократный перевес в силах, перешли в наступление.

Летние бои были вершиной севастопольской эпопеи. По своей массовости и грандиозности, по упорству, стойкости и храбрости моряков и пехотинцев эти сражения далеко позади оставили все, что было в период ноябрьских и декабрьских боев.

Бывало сотни самолетов и пушек противника часами громят наши северные позиции. Встают огромные фонтаны пыли и дыма, все живое, кажется, перемешалось с землей, щебнем гор и взлетает в воздух, даже маленькие деревца, кустарник и тот выгорает дотла. Гитлеровцы вылезают из окопов, сначала наступают шагом, потом бегут вперед с автоматами и... натыкаются на непреодолимый пулеметный и автоматный огонь. Фашисты падают, залегают, снова бегут, ползут, но уже в обратную сторону, в свои окопы. Однако их настигает меткий огонь нашей артиллерии, и редко кому удается вернуться целым. На командных и наблюдательных пунктах врага недоумевают - откуда возник пулеметный огонь такой силы, ведь окопы, траншеи и землянки русских, несомненно, разрушены и засыпаны землей? Откуда опять взялась русская артиллерия?

Известно, что только за последние 25 дней июньских боев за Севастополь гитлеровцы потеряли убитыми и ранеными до 150000 солдат и офицеров, из них не менее 60000 убитыми, более 250 танков, до 250 орудий, более 300 самолетов{3} .

От Верховного Главнокомандования была получена телеграмма: "...Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером для всей Красной Армии и советского народа".

"Правда" писала в те дни: "Лондон, 17 июня (ТАСС). Героическая оборона Севастополя вызывает восхищение в Англии. Агентство Рейтер указывает, что можно лишь преклоняться перед невиданной стойкостью и хладнокровием советских войск, обороняющих Севастополь, и жителей города. Несмотря на то, что

немцы обрушивают на город и на позиции его защитников дождь бомб и снарядов, нет никаких признаков ослабления духа моряков и красноармейцев".

Даже враги признавали нашу силу и волю. Вот сообщения зарубежных газет, перепечатанные той же "Правдой".

"Стокгольм, 17 июня (ТАСС). Гитлеровская печать вынуждена признать, что германские армии натолкнулись под Севастополем на невиданный героический отпор. Газета "Берлинер берзенцейтунг" пишет, что "так тяжело германским войскам нигде не приходилось". Газета жалуется на губительный огонь советской артиллерии, на умелые действия советских пулеметчиков. "Кругом свистят пули, пишет газета, - а противника не видно. Вражеская артиллерия беспрерывно обстреливает нас".

Военный корреспондент газеты "Гамбургер фремденблат" пишет, что Севастополь оказался самой неприступной крепостью мира и что германские солдаты никогда не наталкивались на оборону такой силы".

Кровопролитные бои шли днем и ночью. Защитники Севастополя сражались без сна, без отдыха. От усталости нередко падали и засыпали тут же в окопе, несмотря на артиллерийский грохот и пулеметную трескотню.

Улицы города ничем не отличались от переднего края. Мне довелось побывать в самом Севастополе в те дни. Забыть этого нельзя.

Весь город был объят пламенем пожаров, то и дело слышались разрывы авиационных бомб и тяжелых снарядов. Огня уже никто не тушил, да и тушить его было невозможно. Матери, прижав малышей к груди, с маленькими узелками, искали укрытий; мужчины, подобрав винтовку или автомат убитого бойца, размещались в больших воронках и вели огонь по врагу. Старики и старухи прятались в катакомбах, пещерах города. Все делалось молча, без криков, казалось, людей покинул страх. К нашим окопам подходили, подползали мужчины, женщины, даже подростки с одной просьбой:

- Товарищ, дай патрон или гранату.

Но боеприпасы кончались и у нас. Оставалась неизменной только стойкость да воля к победе.

К двадцатым числам, июня немцам удалось прорвать оборону и на главном направлении выйти к Северной бухте. Подковообразная линия фронта была нарушена, но ожесточенные бои продолжались.

Свои разбитые и уставшие части гитлеровцы заменяли свежими резервами, которые тотчас шли в атаку. Наши войска

дрались бессменного конца выполняя свой долг перед Родиной, отстаивая каждый метр земли.

Был получен приказ Верховного Главнокомандования Советских Вооруженных Сил оставить Севастополь.

Утром первого июля 1942 года в разрушенный город вступили немцы.

Севастополь горел. Жить в городе оказалось невозможным, и вражеские части, не успев войти в Севастополь, постарались как можно скорее покинуть его. А бой продолжался. Когда рассеялся утренний туман, мы увидели полчища немцев. Впереди развернулись до сотни танков, за ними двигались тысячи автоматчиков, в воздух поднялась целая армада вражеских самолетов.

Весь день пехотинцы и моряки дрались отчаянно. Связь со штабом армии часто прерывалась, а к ночи прекратилась совсем. Утром вернулся легко раненный командир противотанкового дивизиона, которого я ночью направил в штарм, и сообщил, что командный пункт армии перенесен на 35-ю морскую батарею. К вечеру мне удалось повидаться с генералом Новиковым, который остался за командующего.

- Тяжелые бои идут юго-западнее Севастополя и в районе Камышовой и Казачьей бухт, каковы планы на дальнейшее?

Все это я выпалил залпом.

Генерал Новиков сидел за столом командного пункта в подземелье морской батареи. Он отдавал какие-то распоряжения майору, на столе перед ним лежала карта, много шифрованных радиограмм.

Генерал посмотрел на меня и сказал:

- На тебе лица нет, весь в пыли и дыму. Ступай умойся, поешь. Я разберу шифровки, тогда поговорим.

Я ушел, быстро умылся, почистился, как мог, поел кое-как, торопясь к командующему. Встал - и тут у меня закружилась голова, перед глазами пошли круги, и я свалился без памяти. Сказались все-таки последние трое суток, без единого часа сна и отдыха.

Очнулся я ночью. Кругом было темно, сыро, но очень шумно. Ломило тело, голова и перед гимнастерки были мокры - меня, очевидно, обливали водой. Какой-то моряк поддерживал меня, а медсестра подносила к носу ватку с нашатырным спиртом. Я услышал ее голос: "Надо его на воздух, к морю, а то кончится..."

Моряк помог мне пробиться к выходу.

Генерала Новикова в ту ночь повидать мне больше не удалось. Берег весь кипел. Все, что нельзя было взять на корабли, уничтожалось. Взрывались доты, дзоты, моряки жгли склады с

обмундированием, разбивали оставшиеся без горючего автомашины, чтобы ничего исправного не оставить врагу.

Утром второго июля ни одна из сторон долго не открывала огня. Воздух был чист. Тихо плескались волны.

Командиры и комиссары посовещались. Требовалось немедленно организовать уже разрозненные группы людей, чтобы каждый боеспособный дрался на том участке, где застало его утро.

Когда немцы начали бой, как им казалось - последний, их снова встретили организованным огнем, а во многих местах - массовой контратакой.

Началась тяжелая битва на последнем рубеже. Опять шли кровопролитные бои, продолжавшиеся днем и ночью.

Приморцы вынуждены были беспрерывно переходить в контратаки, так как боеприпасы кончались, а враг наседал. По всему берегу неслось тогда ожесточенное хриплое "ура" и часто наши контратаки заканчивались бегством фашистов (особенно в ночное время) и захватом их автоматов, патронов и гранат.

На одном участке немцы даже бросили свою батарею. Русские артиллеристы захватили пушки, повернули их и огнем заставили отойти наступавшие немецкие танки.

В ночь на третье июля, прямо с поля боя, с автоматом в руках на 35-ю морскую батарею пришел представитель Генерального Штаба. Мнение наше было единым: бой нужно вести до последнего.

Связь с частями осуществлялась теперь только посредством связных. Продовольствие и пресная вода кончились, было отдано распоряжение экономно расходовать носимый запас сухарей, которые тоже были на исходе. Бойцы требовали боеприпасов, оружия, но командиры ничем не могли помочь. Весь начальствующий состав вместе с бойцами дрался на позициях.

О питании уже никто не говорил, зная, что пищу можно только отнять у врага. Половину того, что добывали в бою, отдавали раненым. На долю бойца оставалось два - три сухарика в день.

Четвертого июля немцы прорвались к берегу.

В ночь из пятое июля старшие командиры и комиссары собрались на 35-й морской батарее. Решено было пробиваться в горы, а там перейти к партизанским методам борьбы.

В ту же ночь мы завязали бой, понесли большие жертвы, но пройти в горы не удалось. Враг укрепил каждый метр земли, расставил прожекторы. Теперь уже и ночь перестала быть нашей союзницей.

К утру, оставив батарею, мы ушли под кручу. С этого времени

батарея как центр управления перестала существовать.

Немцы повсеместно заняли крутой, высокий берег, но мы и под кручей, разбившись на группы, продолжали сопротивляться. Очаги обороны находились теперь в скалистом берегу у самого моря. Со стороны суши мы - как гнезда ласточек - были мало уязвимы, нас защищала крутизна и толща скалы. Когда немцы стали бросать гранаты вниз, многие воины поднялись выше. Так в выступах и пещерах крутого берега образовалось несколько "ярусов".

Расчеты гитлеровцев на голодную блокаду не оправдались. Люди держались, а при случае еще и отстреливались.

Весь день фашисты бомбили нас, под вечер стрельба утихла. Мы сидели у моря в пещере, прикидывая, что можно еще предпринять, как прорваться в горы. Вдруг донесся еле уловимый плеск. Посмотрели на море, но ничего не заметили. Однако плеск снова повторился. Кто-то плыл к берегу!

Ночь. Немцы, можно сказать, над нами. Нервы напряжены до крайности. Ничего нельзя было разглядеть в густом мраке южной ночи, но все-таки кое-кто приготовил автоматы. Правда, мы сообразили, к счастью, что вряд ли кто-либо из немцев поплывет к нам, рискуя получить пулю.

Мы ждали, тихие всплески приближались. Вот что-то чернеет и движется внизу, зашуршала галька... Шорох, видимо, и наверху расслышали. Немцы ударили из автоматов, срикошетила о камни одна, другая очередь. Теперь уже можно было разглядеть, как на фоне чуть фосфоресцирующего моря поднялась и метнулась под кручу маленькая фигурка.

Следили за ней, видимо, все "ярусы" и пещеры, потому что отовсюду раздавался гулкий шепот:

- Эй, давай сюда! Сюда давай!

Велико же было наше удивление, когда в пещеру к нам поднялась девушка. Полураздетая, мокрая, она привалилась к скале, с облегчением переводя дыхание, а мы так растерялись, что даже не вдруг заметили, как ее знобит.

- Я врач медсанбата 109-й дивизии,- сказала девушка, чуть отдышавшись - Я к вам на связь...

Только тут мы пришли в себя. Моряк, укутав девушку в свой бушлат, вторым бушлатом укрыл ее босые ноги. Рассказывала она, прерывисто дыша:

- Мы еще вчера хотели установить связь с соседом слева. С вами, значит. Справа - гитлеровцы. Все не выходило, фашисты бьют и бьют... А сегодня огонь чуть утих, меня незаметно спустили в воду, я и поплыла. Немцы заметили. Хорошо - я нырять умею... Пришлось до большого выступа плыть, а потом

уже к вам...

Моряки переглянулись - конец получился порядочный. Матрос молча заботливо поправил бушлат, сползший с мокрых исцарапанных ног девушки.

Мы сказали ей, что будем во что бы то ни стало пробиваться в горы, а если не выйдет, может, дождемся все-таки своих кораблей.

Девушка повеселела. Даже засмеялась тихонько и несколько раз повторила:

- Вот и мы так. И мы так.

Она немножко согрелась. Как нам хотелось сделать ей что-нибудь хорошее, хоть покормить бы! Но у нас не было даже сухарей. Каждый говорил ей ласковые, дружеские слова, она благодарно отвечала. Мы всячески уговаривали ее остаться с нами. Связь связью, конечно... Если б это был мужчина, а ее так страшно было отпускать опять в это ночное море, да еще под огонь...

Она не осталась. Сказала удивленно даже:

- Что вы! Меня там и так заждались товарищи. Как ящерица; она сползла к воде. Опять всплески, теперь уже удаляющиеся. Все тише, тише... Кто-то из моряков сказал:

- Вот это герой!

Если можно волей, мыслями, чувством помочь человеку в трудную минуту девушка должна была доплыть: с такою силой и искренностью все мы желали ей счастливого пути.

А вот имени - как это часто бывает на фронте - так и не спросили. Только и знаем: это был врач медсанбата 109-й стрелковой дивизии.

Очередная попытка пробиться в горы не увенчалась успехом. Снова сильно поредели наши ряды. Немцы, окрыленные удачей, попробовали на наших плечах спуститься к морю, но, получив крепкий отпор, сочли за благо остаться наверху. А зачем им было спешить?

Теперь вся верхушка крутого берега оказалась в руках врага. Мы сидели в пещерах. Началось мучительное томление без пищи, без пресной воды. Немцы с крутого берега кричали на русском языке:

- Сдавайтесь в плен! Уничтожайте командиров, комиссаров и коммунистов!

Потерпев неудачу с такого рода "агитацией", гитлеровцы решили просто истребить нас: бросали вниз гранаты разных калибров, били косоприцельным огнем из пушек и крупнокалиберных пулеметов, потом стали закладывать динамит и взрывами обваливать скалы. Осколки и щебень сыпались на

наши головы. Раненых становилось все больше и больше. Умирали они молча.

В некоторых пещерах после обстрела все затихало. Надеясь, что воля к сопротивлению сломлена, гитлеровцы спускали веревочные лестницы, предлагая уцелевшим подниматься наверх, в плен. Лестница висит. В пещере ни признака жизни. Тогда с кручи несется на чистом русском языке:

- Вы что, околели все?

Выждав некоторое время, немцы автоматчики с большими предосторожностями спускаются, и вот тут-то раздаются автоматные очереди - наша оборона расходует последние патроны.

Лестница быстро втягивалась наверх, и снова начиналась многочасовая бомбежка, обвалы, ливень гранатных осколков.

Всем вам пришлось нелегко, но особенно - раненым. Есть врачи, фельдшеры, медсестры, а лечить и кормить нечем. Пресную воду доставали изредка, с большой опасностью для жизни. Пили морскую, горько-соленую, с трупным запахом.

Седьмого июля на рассвете возле маленького, стекавшего с гор ручейка был тяжело ранен майор Трофимов, офицер связи Генерального Штаба. Он застрелился там же, у еле журчащей струйки воды.

Утром и днем мы пытались вынести тело майора, но немцы нас не подпустили. Они давно засекли все узкие места и в последние дни фактически запретили нам движение по берегу. Только вечером удалось похоронить товарища в глубокой расщелине береговых скал. Когда тело опускалось на дно, раздалась пистолетная очередь - наш салют.

Вечная слава тебе, дорогой товарищ!

Потянулись опять тоскливые, безысходные часы. Длинный июльский день нехотя клонился к вечеру, и багровое солнце оседало медленно, словно не желая погружаться в море. С рассвета и до поздних сумерек люди покрасневшими от напряжения глазами, до боли, тщетно обшаривали море - не видно ли кораблей?

Помню - смеркалось уже. Вдруг видим: сверху на шпагате опускается какой-то сверток. Мы решили, что фашисты посылают нам очередной сюрприз - мину замедленного, действия или что-либо столь же "приятное".

Сверток уже к морю спустился, на щебне лежит, а к нему никто не подходит все насторожились и ждут.

Однако, когда стемнело, любопытство взяло верх. Мы подобрались, осторожно стали развертывать пакет, и в эту минуту, впервые за много тяжких дней, почувствовали себя по-

дружески обласканными и пригретыми.

В кусок армейской газеты было завернуто немного муки, несколько граммов соли и приложена записка: "Ночью мы пробрались на батарею и раскопали муку и соль. Это вам гостинец с бывшего КП для подкрепления сил".

Как мы были благодарны "верхним" друзьям за солидарность, за братскую поддержку! Мы написали ответ и дернули шпагат, шпагат потянули вверх, и отправилась наша благодарность к адресату, как живая, карабкаясь по камням.

Какою-то более теплой, обещающей показалась ночь. Великое чувство локтя, когда друзья рядом, да и мучная кашица на воде взбодрили людей. Мы дожидались рассвета странно обнадеженные.

Можно ли передать наши чувства, когда утром девятого июля мы увидели на горизонте катера! Быстроходные "охотники" шли к берегу. Люди прыгали, кричали, как дети, уверенные, что приближаются наши корабли.

И вдруг все как-то одновременно притихли. Раздались недоуменные вопросы:

- Почему немцы по ним не стреляют?

Катера еще приблизились и не спеша начали наводить на нас дула орудий и пулеметов. Это были враги.

Располагаясь ярусами в пещерах, мы использовали для обороны каждую извилину, так как нас защищала сама крымская земля. Но с моря мы были беззащитны. Подходом катеров замкнулось кольцо окружения.

Когда катера подошли на дистанцию ружейно-пулеметного огня, гитлеровцы были удивлены нашим молчанием. Ведь до девятого июля севастопольцы бились так яростно и ожесточенно!

А берег молчал потому, что стрелять было нечем. В кровопролитных боях последних дней все было израсходовано. Еще седьмого и восьмого июля мы ходили ночью по берегу, спрашивали у раненых, не осталось ли хоть несколько ружейных или автоматных патронов. Осматривали на убитых подсумки и патронташи. К девятому июля и этот "резерв" был израсходован. Кончилось все.

По берегу поплыла команда:

- Рвать, уничтожать документы, деньги, бросать оружие в море. Ничего исправного не оставлять врагу!

С катеров на нас были направлены пушки и крупнокалиберные пулеметы, сверху непрерывно горланили немцы:

- Выходи, а то всех перебьем!

Ясно различались стволы орудий. С такого расстояния

противник мог на выбор расстрелять любую группу нашей обороны.

В поисках несуществующего выхода люди двинулись по берегу. От бессонных ночей и голода все еле передвигали ноги, многие падали, спотыкаясь о камни, разбитое оружие и трупы.

Плен

Как же крут, неприветлив казался берег теперь, когда на гребне его свободно, в рост расхаживали гитлеровцы и с каждым шагом все явственней различались их мышиные мундиры и такие ненавистные, сытые, неусталые лица.

Все тянулась и тянулась цепь. Раненых и больных товарищи вели под руки.

Едва люди поднимались наверх, как несколько гитлеровцев, специально, видимо, на это поставленных, сейчас же снимали с рук пленных часы, спрашивали на ломаном, а то и на чистом русском языке, есть ли оружие, отбирали командирские ремни и сумки.

Когда мы с полковником Васильевым поднялись на кручу, послышался чей-то голос:

- Полковники...

Вслед за ним и немцы тотчас повторили:

- Оберст? Оберст?

Наверху собрались уже толпы пленных, но офицеров гитлеровцы отличали безошибочно.

Немецкий унтер-офицер вмиг схватил меня за левую руку и снял часы. Поразила сноровистость, с какой он это делал, видимо, имел опыт.

Полковник Васильев знал немецкий язык. К оберсту, с любопытством разглядывавшему нас, подошел офицер и доложил, что он с левого фланга, что из подземной морской батареи русские не выходят.

- В плен не сдаются и вас туда не пускают. Пробовали достать огнем автоматов, но там темно, они прячутся. Наш офицер убит, два солдата ранены. Что делать?

Оберст сказал спокойно:

- Пустить газы.

Гитлеровец повернулся и пошел исполнять приказание оберста.

Нас с Васильевым куда-то повели. Как потом выяснилось, оставшиеся товарищи были уверены, что больше с нами не встретятся - расстрел. Да и мы с Васильевым, переглянувшись, решили: "Сейчас раздастся автоматная очередь - и все будет кончено".

Вели нас за песчаные бугры. Позади оставалось синее море,

справа виднелись вершины кремнистых гор, а чуть ниже - зеленый массив желанного леса.

Я стал присматриваться к конвойным - вцепиться бы зубами, отнять автомат, да хоть десяток фашистов перед смертью уничтожить!

Но слишком мы были истощены. Сказались последние пять суток без пищи, пресной воды и сна. Да и конвойные держались от нас на приличном расстоянии.

Помню, отвратительным показалось мне, что флажки, которыми гитлеровцы обозначали командные и наблюдательные пункты, были красные. Подойдя ближе, я разглядел у самого древка желтые квадраты с ненавистной свастикой.

Путь наш неожиданно окончился у дверей небольшой, хорошо оборудованной землянки.

За низеньким столом сидел упитанный смуглый немец в чине капитана, лет 25 - 26, не больше, и курил сигарету. Унтер-офицер доложил, что привели русских полковников. Гауптман встал, открыл портсигар, предложил курить. Мы отказались. Это явно удивило офицера.

Немец внимательно осмотрел нас с ног до головы. Вид у вас был, конечно, ужасный. Он спросил:

- Вы обедали?

Мы сказали, что обедали первого июля.

На лице офицера выразилось изумление.

- Но ведь сегодня девятое! - сказал он на ломаном русском языке.

Потом замолчал и снова стал рассматривать нашу запыленную одежду и усталые лица. По возрасту мы годились ему в отцы. Офицер молчал, о чем-то размышляя. Возможно, подсчитывал, сколько дней прошло с первого июля.

Потом он круто повернулся к денщику и что-то тихо ему сказал. Денщик схватил два котелка и выбежал из землянки.

Спустя некоторое время посланный вернулся с пустыми котелками и доложил:

- Вся пища раздана, повара моют котлы.

Офицер прикрикнул. Денщик оставил котелки и снова выбежал. Вернулся он с буханкой хлеба. Офицер взял хлеб и предложил нам. Из рук немца мы хлеб не взяли. Офицер покраснел, положил хлеб на стол и несколько минут сидел молча. Потом он, наверно, решил, что не так понял, и снова спросил, когда мы обедали. Мы ответили:

- Обедали первого июля, со второго по четвертое кое-что ели, преимущественно сухари, а с пятого не ели. И есть не хочется. Хочется только пить.

Гауптман покачал головой и приказал дать нам напиться. После того как мы напились, он спросил, нет ли у нас заявлений немецкому командованию. Мы ответили:

- Нам нечего заявлять немцам.

Офицер махнул рукой и приказал отправить нас на берег.

Так состоялось и тотчас оборвалось наше знакомство с первым и последним немцем, который по-человечески с нами обошелся. Больше гитлеровцы нас деликатным обращением не баловали. А этот капитан? Что ж, может, он и не был фашистом?..

Под конвоем снова пошли мы к морю. Оказывается, за время нашего отсутствия гитлеровцы устроили издевательскую комедию с питанием пленных.

На всех пленных к берегу подвезли только две походные кухни с жидкой баландой. Тем, кто не имел котелков, немцы наливали похлебку в пилотки, со смехом наблюдая, как люди обжигают себе пальцы, проливая на землю хлебово.

Когда мы с Васильевым спустились к берегу, земля была залита баландой, кухни стояли пустые, "кормежка" кончилась. Вокруг остывающих кухонь бродили голодные люди. Раздалась команда, пленные стали строиться.

С моря подул свежий ветерок. Но на море мы больше не смотрели. Нечего было от него ждать. А вот горы... Высокие, зеленые, как манили они нас! Пробиться бы - и опять свобода, опять борьба.

Сколько дней, ночей суждено было нам прожить с этим единым, все чувства и мысли вобравшим в себя стремлением!

А пока - смеркалось, колонна пленных, среди которых были и военные и гражданские, шла в Севастополь. Воздух все еще не очистился от сладковатой гари пожарищ, вдоль дороги штабелями лежали снаряды... Недалеко от города нас остановили. На велосипедах в трусах подъехало какое-то фашистское начальство. Раздалась команда: "Смирно", которую почти никто не выполнил. Люди стояли кое-как, едва не валясь с ног от усталости.

Немцы приказали выйти из строя комиссарам и евреям. Из строя никто не вышел. При помощи переводчиков стали допытываться:

- Где комиссары и евреи?

Из прикрытой сумраком толпы вразнобой послышались глухие голоса:

- Их здесь нет.

Нас продержали еще минут пятнадцать, потом начальство, громко посмеявшись чему-то, село на велосипеды и уехало.

Колонна шла по направлению к желанным горам, однако,

видно, не нас одних волновала их близость. Как только мы свернули на проселочную дорогу, конвойные насторожились, то и дело открывали огонь. Пули свистели буквально над головами идущих, а кое-кого и задели - слышались крики, стоны, но колонна не останавливалась.

Сверкнула молния, послышались раскаты грома, хлынул дождь, а мы все шли и шли.

Этой ночью гитлеровцы преподали нам первый наглядный урок хваленой "западной" культуры.

Пока нас гнали, началась буря, подул резкий холодный ветер, пронизывающий до костей. Все мы - в летнем обмундировании, бушлатов и шинелей ни у кого нет. Немцы прекрасно видели это и все же, миновав пустующее здание Ново-Георгиевского монастыря, вывели пленных на самую вершину горы. Единственная цель была в этом нелепом марше - лишить остатка сил людей и без того изнуренных и измученных.

Хлестал дождь. Раздалась команда: "Ложись!" Люди продолжали стоять, прижимаясь друг к другу, чтоб хоть как-нибудь согреться общим теплом. Гитлеровцы стали ругаться по-немецки и по-русски и снова потребовали, чтоб мы легли. Мы стоим. Тогда конвой открыл огонь. Пули свистели на высоте одного метра от земли. Кто не успел лечь, упал раненным. Крики, стоны, ругань. Люди валились в лужи, на камни. Вдруг до меня донесся женский крик. Мы приподнялись, конвойный закричал и снова дал очередь. По толпе, от пленного к пленному, передали:

- Фрицы пьяные, женщин ищут!

Мы стали, как могли, укрывать находившихся в колонне женщин. Всех спрятать не удалось. Многих из них гитлеровцы угнали в монастырь. Долго тянулась эта первая ночь в плену - гроза, ливень, стоны раненых и доносившиеся из монастыря отчаянные женские крики.

К рассвету дождь прекратился. Взошло солнце и кое-как обогрело нас. Утром появились наглые немецкие унтер-офицеры. Мы подумали, что они кого-то ищут, однако тут же выяснилось что не люди их интересуют, а вещи. Всех пленных, на ком была хоть сколько-нибудь приличная одежда и обувь, раздевали тут же.

Неподалеку от нашей группы стояла молодая женщина с грудным ребенком. Она пыталась спрятаться в толпе, однако гитлеровец заметил на ней хромовые сапоги, догнал и заставил разуться, оставив ее босиком. Женщина показывала на ребенка, на каменистую почву, знаками умоляя оставить ей обувь. А унтер смеялся.

В толпе зашумели. Тотчас подбежали конвойные. Впервые в жизни пришлось мне видеть, как людей избивают резиновыми

шлангами с металлическими наконечниками. По спинам, по головам, по лицам - без разбора.

Когда солнце поднялось, раздалась команда строиться. Снова колонну погнали к городу. Люди не ели уже много дней. Немцы прекрасно знали,об этом, однако есть нам не дали ни утром, ни вечером. Остановились недалеко от города на пустых огородах, и это было счастьем, потому что изнуренные люди смогли собрать и съесть остатки зелени, многие ели картофельную ботву.

Только одиннадцатого июля пленным выдали граммов по 150 хлеба и по кружке горячей воды.

Утром нас пригнали в Севастополь. Как описать, с какими чувствами мы вступили сейчас на эти улицы? Горе, бессильный гнев... И вроде чувство какой-то вины. А в чем же были виноваты эти люди, все мы, если каждый отдал обороне Севастополя все, что только мог?

Израненный, в грязи и обломках лежал разбитый город, и в руинах величественный. Из развалин, подвалов и воронок вылезали пожилые женщины, старики, даже маленькие дети, и все спешили к колонне пленных. Они несли крохотные кусочки хлеба, луковицы, картофелины, свеклу, соль и пресную воду. У иных ничего не было в руках, но они все равно бежали к нам, жадно разглядывая наши лица, одинаково изможденные, усталые и грязные и у военных, и у гражданских.

Конвоиры тотчас принялись ругаться, бить прикладами тех, кто, невзирая на ругань, пытался пробиться к идущей колонне. Женщины с малышами на руках, задыхаясь, бежали по обочинам, через плечи охранников заглядывая в толпу. Кто-то и встретился. Слышалось:

- Папочка!.. Коля!.. А где мой Алексей?..

Охранники отнимали жалкие, принесенные севастопольцами остатки съестного, выливали воду на землю. Опять стрельба и женский плач...

Люди наши, усталые, покрытые пылью и грязью, еле шагали. Ноги были сбиты о камни и кровоточили, но, идя по севастопольским улицам, все пленные гордо подняли головы, как воины, честно и до конца выполнившие свой долг.

В хвосте колонны на руках несли раненых и больных, опираясь на товарищей, брели легкораненые. Но вот уже и они вышли за черту города.

Солнце жарко палило, трескались губы, хотелось пить. Подана была команда на привал. Метрах в десяти - пятнадцати от дороги пленные заметили большую дождевую лужу и бросились к ней.

Конвоировавший нас фашист стоял и курил. Услышав шорох

шагов, он медленно повернулся, увидел припавших к луже пленных, аккуратно положил папиросу на камешек и не торопясь выпустил по людям длинную автоматную очередь. Пленные бросились обратно, но, конечно, не все. У лужи остались трупы. Фашист так же неторопливо поднял тлеющую папиросу и... продолжал курить.

Он стоял недалеко от меня. Я - военный человек и многое за фронтовые годы повидал, но у меня холод пробежал по коже при виде его глаз, совершенно стеклянных, невозмутимо спокойных.

Конечно, это было уже нечто лежащее за пределами нормальной человеческой психики.

Кончился привал. Колонна тронулась дальше по направлению к Симферополю. Гитлеровец шел спокойно, даже не взглянув на убитых им людей.

В Симферопольской тюрьме

Еще на походе к Симферополю гитлеровцы то и дело принимались искать комиссаров и евреев, но люди укрывали товарищей в гуще толпы. В тюрьме устраивались обходы, отвратительные осмотры. Евреев нещадно били и истязали без всяких допросов, политработников избивали и запирали в подземные камеры. Камер не хватало, и значительная часть заключенных обитала просто во дворе тюрьмы.

Жара стояла страшная, по ночам в камерах становилось нестерпимо душно, мучила бессонница. Слишком уж большой груз горя, нравственных и физических потрясений лег за последние недели на плечи каждого из нас. Невозможно было привыкнуть к бесправному положению, к унизительному, скотскому обращению, к постоянному голоду и грязи.

Около тюрьмы по ночам громыхала артиллерия, скрежетали гусеницами танки, двигались бесчисленные обозы. Через некоторое время в тюрьму вместе с немцами прибыли румынские офицеры, по-видимому, состоялась передача пленных в руки новых "хозяев". До нас дошли слухи, что немцы развернули наступательные операции на Кавказе. Как обидно было, как тяжко в такое время заживо гнить в фашистской тюрьме! Мысль о побеге мучила неотвязно, как галлюцинация. О чем бывало ни говоришь, о чем ни думаешь, мысль всегда завершится одним: как бежать, как увести людей?..

В большой камере немцы разместили более ста наших офицеров. К камере примыкал небольшой дворик, где бродили всегда голодные пленные. Высокая, глухая наружная стена сверху обнесена колючей проволокой. По углам - часовые с автоматами и пулеметами.

К вечеру становилось уже холодно. Голодный человек легко

мерзнет, а на пленных только и было - летняя гимнастерка да брюки. По ночам люди жались друг, к другу и утром не могли согреться, съедая черпак чуть теплой невкусной баланды.

Однажды в конце июля в камеру вошли немецкие и румынские офицеры. Не без удивления мы заметили, что с румынами гитлеровцы обращаются едва ли не столь же высокомерно, как с пленными.

Гитлеровцы попробовали заговорить с нами по-немецки. Никто не ответил. Через переводчика было передано распоряжение: - Выходи строиться!

Вышли во дворик, построились в два ряда. Немцы приказали выйти вперед имеющим специальные пропуска и тем, кто сдался в плен добровольно. (Специальные пропуска для перехода в плен без конца сбрасывала на наши позиции немецкая авиация. Солдаты их сжигали или использовали для различных нужд).

В строю стояло 115 человек. Пропусков ни у кого не оказалось. На приказ выйти из строя сдавшимся в плен добровольно сначала не отозвался никто.

Немцы тут же заверили, что "добровольцам" будет значительно облегчен режим, улучшено питание и что вообще для них "откроются перспективы".

Тогда из строя вышел неизвестный мне рыжий прохвост. Надо было видеть, с каким презрением глядел на него строй!

Если предатель думал, что тотчас на него посыплются все блага земные, то он ошибся. Немцы записали его фамилию и ушли, а он остался стоять, как оплеванный, отделенный с этого момента от всех нас невидимой, но прочной стеной отверженности.

Не помню, кто из офицеров подошел к нему и спросил:

- Неужели действительно сдались добровольно?

Он ничего не ответил, только поглядел растерянно вслед ушедшим немцам.

С нами во дворе остались румыны.

Когда румынский лейтенант подошел к нам, рыжий предатель, видимо решившись окончательно, обратился к нему:

- Как поступить в немецкую армию?

Лейтенант с нескрываемым презрением оглядел его с головы до ног. Презрение это было столь очевидно, что рыжий побледнел, веснушки его выступили на щеках темными пятнами.

- Вы офицер и вы желаете поступить немецка армия?

Тот подтвердил, что желает, как он выразился, сражаться в "доблестных войсках Райха".

Румын еще раз окинул взглядом предателя и сказал очень громко, так, что все во дворике услышали:

- Таких немцы своя армия не принимайт.

Пленные рассмеялись. Румын ушел.

Вряд ли тот румынский лейтенант имел основания любить и уважать своих гитлеровских союзников, обращавшихся с ним с высокомерием "высшей" нации, но, что предательство рыжего вызвало в нем отвращение, - это бесспорно.

Оплеванный "доброволец" остался один, к нему, как к гадине, никто не приближался, его буквально засыпали едкими насмешками.

Характерно, что дня через два его из нашей камеры убрали. Может, немцы проявили "снисхождение", а может, и сам запросился - таких типов пленные уничтожали, как паразитов, запросто.

На другой день к нам явились офицеры в румынской форме, среди которых выделялись преклонным возрастом два довольно-таки дряхлых седых капитана.

Спасаясь от духоты, почти все пленные, как обычно, бродили по исхоженному вдосталь тюремному дворику. Седые капитаны подошли к самой большой группе и завели разговор на общие темы на чистом русском языке.

Оказалось, это - белогвардейские офицеры, прибывшие в тюрьму, по-видимому, с заданием морально нас "обработать". Они сами представились как офицеры старой русской армии.

- А почему на вас мундиры чужие? - спросил кто-то. На лицах стариков отразилось искреннее недоумение:

- То есть, как чужие?

- В русской армии не было такой формы.

Недоумение перешло в растерянность. Старики не представляли себе, конечно, чтоб мы не различали мундиров. Просто сами они за столько лет перестали даже помнить о том, что чужой мундир носят, в чужой армии служат. И жалко это как-то было, и гадко.

Белогвардейцы явно почувствовали неловкость и быстро заговорили о том, что рады видеть соотечественников, с которыми давно не встречались, но им из толпы ответили довольно резко:

- А нам прискорбно видеть русских на стороне врагов.

Белогвардейцы, сделав вид, что ничего не слышали, быстро перевели разговор на Севастопольскую оборону 1854 - 1855 годов. Но Севастополь занял их внимание ненадолго, и потекла обычная, дурно пахнущая геббельсовская пропаганда, болтовня о "культуре" и "свободе" на Западе и о "бессчетных благах", ожидающих каждого, кто перейдет на службу в румынскую армию.

Любопытно, что, разглагольствуя о "свободе в дореволюционной России", один из белогвардейцев решил сослаться почему-то на воспоминания Витте. Либо уж свежее материала не нашел, либо счел нас ничего и никогда не читавшими.

Вступил и я в разговор:

- Вот, говоря о "свободе", вы упомянули книгу графа Витте. Почему же, скажите, граф Витте рукопись книги своей хранил в заграничных сейфах, и не успел он, как говорится, отдать богу душу, как нагрянула жандармерия и на квартире такого высокопоставленного лица был произведен обыск?..

Скажу прямо - белогвардейцы опешили.

- А что до формы нашей, которая вам, по-видимому, не нравится, так действительно делом мы занимались, а о красивых мундирах пока еще не позаботились. Но вы не тревожьтесь! Будет у нас и красивая форма! Но учтите все-таки, что скромная одежда не помешала нам Севастополь защищать и славы наших предков мы не уронили. Это весь мир отметил. Вы, может, и забыли уже русскую поговорку, хоть она всем известна: "По одежке встречают, по уму провожают"?

Разволновался я ужасно, спазма сжала горло, и я отошел. Сказалось, конечно, все пережитое за последние месяцы. Да и очень уж противно было слышать гитлеровские "откровения" от русского человека. Куда противней, чем от любого эсэсовца.

А спор продолжался о культуре, о морали.

Кто-то из пленных сказал:

- Литература тоже есть разная. Одна облагораживает человека, делает его честным, от другой - только лицемерие, варварство и разврат. Мы читаем Пушкина, Толстого, Тургенева, Горького, Маяковского, Шолохова...

Белогвардейцы рассмеялись подчеркнуто громко:

- Ну, разумеется, только русских. Запад для вас...

- Нет, почему же, - спокойно возразили из толпы.- Читали мы и Шекспира, и Гете, и Диккенса, Ибсена, Драйзера и других больших писателей...

Румыны, видя, что "беседы по душам" не получалось, заторопились увести своих одряхлевших "агитаторов".

Больше белогвардейцы, ко всеобщему удовольствию, не приходили. Не до бесед о графе Витте было нам сейчас. Мы ломали головы над тем, как организовать побег, как увести людей. В камеру попадали новые заключенные, иногда, как свежий ветер, доносились слухи о партизанах, успешно действующих в немецком тылу.

В камере же услышали мы рассказ о том, как гитлеровцы

уничтожают минные поля в Севастополе. Рассказывал раненый техник:

- В Севастополе из пленных немцы организовали команды "разградителей". Мы думали, дадут щупы, но вместо щупов нам дали простые палки и повели на минные поля. Все мы были построены в один ряд, с интервалом в один метр. За нашей шеренгой шли на расстоянии ста пятидесяти метров немецкие автоматчики, кто из нас отставал, того стреляли.

Когда рвались мины, многие гибли, другие бросались назад, но немцы их встречали огнем из автоматов. Я три раза участвовал в разграждении. Каким-то чудом уцелел, получил только ранение в левую ногу и правую руку. Тяжелораненых фашисты добивали на поле. Я притворился мертвым, а когда эсэсовцы прошли, пополз к шоссейной дороге. Там меня подобрали и направили в лазарет военнопленных. Вместе со мной уцелело еще несколько раненых. А что с остальными, не знаю.

В симферопольской же тюрьме встретил я полковника Скутельника.

Мы познакомились с ним еще весной, когда я по заданию штарма проверял оборону и боеготовность стрелковой дивизии, которой он командовал.

Надо сказать, что до войны Скутельник более двадцати пяти лет служил в кавалерийских частях, был хорошим рубакой, грудь его украшали два или три ордена Красного Знамени.

В войну он получил почетное назначение - командовать пехотной дивизией. Однако старой службы полковник забыть не мог и любил говаривать:

- То ли дело - кавалерия! Все там знакомо, все родное. Истинному кавалеристу конский пот и то приятен.

Числа шестого или седьмого июля, когда мы уже сидели под кручей, я увидел двух пробиравшихся по камням командиров. Молодой лейтенант вел за руку невысокого коренастого человека с наглухо забинтованной головой и руками. Когда они пробрались к нашему гроту, я узнал в раненом Скутельника. Разговаривать он не мог. Мне рассказали, что полковник обгорел при взрыве на 35-й морской батарее.

Когда Скутельник был взят в плен, его направили в лазарет военнопленных, а едва он немного оправился - в тюрьму. Седой, измученный ожогами, он мечтал как бы уйти:

- Эх, и зашумели бы Крымские горы! Не одна бы башка фашистская слетела, как кочан!

Тюрьму скоро начали разгружать, и, к сожалению, судьба нас развела. Человек это был отважный и находчивый. Так и не знаю, удалось ли товарищу Скутельнику поработать в тылу врага

острой шашкой.

Надо сказать, что, угодив в симферопольскую камеру, я сразу заболел. Вдобавок к общему для всех истощению меня свалила с ног дизентерия. Полковник Васильев, находившийся рядом, и другие севастопольцы ухаживали за мной как могли, но "могли" они в этих условиях, конечно, мало.

Достаточно было на самого Васильева поглядеть, чтоб понять - положение наше скверное. Два месяца тяжелейшего недоедания, можно сказать голода, сами по себе не могли пройти бесследно. По тюремному дворику, под ласковым крымским небом, бродили теперь прямо-таки тени, с землистыми лицами и неприятно блестящими от голода глазами. Одежда на всех - как с чужого плеча. И бродят, бродят из конца в конец, от забора к забору, где каждая щербина, каждая дырочка от выпавшего сучка запомнилась уже на всю жизнь.

Смешно сказать, а я вот тогда впервые не мозгом, а сердцем понял львов и тигров, которые бродят по своим клеткам в зоопарке из угла в угол. Только на них часовые не рычат...

С нами находился раненный в ногу подполковник Владимир Мукинин. Ему было, пожалуй, потяжелее, чем всем нам. Ведь в этой же тюрьме томилась и его жена. Случилось это так.

Когда Владимир Мукинин ушел на фронт в первые месяцы войны, жена его Мария немедля поступила на курсы медсестер. Под Одессой Мукинин был ранен. В письме, полученном Марией, говорилось, что рана не опасна.

- Ну да, ведь знаете, если ранен близкий человек,- и царапина опасна, рассказывала мне Мария, когда мы с ней познакомились уже под Севастополем. Мне, конечно, всякие страхи казались. Бывало, как ненормальная, повторяю вслух: "Пусть бы жив! Пусть бы жив!" Меня в это время чуть под подозрение не взяли. Я повадилась каждый день в порт ходить. Все транспорта ждала. Лейтенант из новороссийского контрольного пункта остановил меня однажды: "Что это вы, гражданка, каждый день порт посещаете?" Ну, я объяснила, что муж ранен и я транспорта из Одессы жду...

Скоро действительно пароход привез раненых из Одессы. Рана Мукинина оказалась неопасной, и, пока он находился в госпитале рядом, Мария чувствовала себя счастливой, несмотря на зверские бомбежки, каким немцы подвергали Новороссийск.

Женщина она была упорная и мужа любила крепко. Словом, когда в конце декабря 1941 года в Севастополь прибыл начальник артиллерии дивизии подполковник Мукинин, с ним приехала и санинструктор Мария Мукинина, его жена.

Помню, командир дивизии, крайне неодобрительно

посмотрев на чету Мукининых, сказал:

- Здесь теперь не курорт, а война. Куда мы вашу жену денем?

Мукинин ответил очень спокойно:

- Может работать медсестрой.

Марию Ивановну зачислили медсестрой в медсанбат, и стала она работать. В тех условиях работникам медсанбата приходилось частенько и первую помощь оказывать, и раненых с поля боя выносить, и за операционным столом, и в перевязочной работать по 18 - 20 часов в сутки. Даже мужчины бывало удивлялись выносливости и выдержке этой худенькой черноглазой женщины.

Володю своего она не видела по целым неделям. Помню, я случайно встретил ее на передовой. Мороз, а ей жарко, видно, что устала. Шапка солдатская тяжела, сползает на затылок, лоб в поту.

- Ну, что, Мария Ивановна, страшно?

В тяжелых условиях, когда бой идет, сочувствие человеку надо с большой осторожностью высказывать, некоторые от участливых слов подобранность теряют, расклеиваются. Я это много раз замечал.

Я посочувствовал Марии Ивановне, а про себя забеспокоился: не зря ли? Пожалуй, разумная деловитость более уместна.

А Мария Ивановна шапку еще больше на затылок сдвинула, головой покачала, вздохнула глубоко-глубоко:

- Страшно, Иван Федорович! Сил нет как страшно. Ей-богу, в свободную минуту даже плачу. Все кажется, что в Володю обязательно попадет.

В двадцатых числах июня 1942 года группа врачей, медсестер и санитаров защитников Севастополя - была представлена к правительственным наградам за самоотверженную и бесстрашную работу. В списке значилось и имя медицинской сестры Марии Мукининой.

Наступил день, когда нашу группу стали выводить из тюрьмы. Как ни охраняй, из камеры в камеру слух быстро проникает. Весть о нашей эвакуации распространилась по всей тюрьме.

Не знаю уж, как ей удалось, но Мария выскочила во двор и юркнула в наш строй. Маленькая, она легко затерялась в толпе мужчин. Однако часовой заметил, растолкал строй, вытащил Марию за руку и с ругательствами пнул в спину так, что она упала.

Мария заплакала в голос, потом вскочила, снова бросилась к нам, гитлеровцы опять отшвырнули ее, как вещь, а нас быстро погнали из двора.

Подполковник Мукинин шел весь белый, все время оглядываясь. Мы с товарищами поддерживали его под руки. Я видел, как Мария опять пыталась прорваться к нам, а ефрейтор толкал ее прикладом, загоняя во двор тюрьмы.

Еще раз донесся отчаянный крик: - Володя! - и все. Ворота закрылись, а нас погнали на погрузку.

В Днепропетровске

В конце августа нас погрузили в товарные вагоны и в сентябре привезли в днепропетровскую тюрьму. В тот год на Украине был богатый урожай, однако это нисколько не улучшило нашего питания. В последние сутки пути нам вообще не давали ни пищи, ни воды. В тюрьму нас вели полями. Жажда мучила нещадно, но, помня убитых, оставшихся по дороге на Симферополь у дождевых луж, мы еще в пути старались предупредить людей. И предусмотрительность оказалась не лишней.

На полях оставались картофель, капуста, свекла. Некоторые изголодавшиеся, потерявшие выдержку люди бросились на гряды и, срывая овощи, тут же стали их есть. Мгновенно на спины и головы пленных посыпались удары, а следом автоматные очереди. Еще несколько человек из колонны остались лежать на поле.

Нам и в голову не приходило тогда, что у гитлеровцев разработана целая система уничтожения людей при помощи рассчитанно недостаточного питания, неминуемо вызывающего смерть от дистрофии. Но, не зная об этом, мы все же начинали уже понимать, что ужасные условия, в каких они держат пленных, и регулярные убийства на маршах не случайны и не являются лишь следствием фронтовой неразберихи.

Входя в тюремный двор, каждый думал: "Теперь хоть напьюсь". Однако ни воды, ни отдыха не дали. Тотчас налетела свора фашистов и полицаев с собаками и стала буквально обдирать людей. Официально это называлось разбивкой и сортировкой пленных, а на деле было последним грабежом. С человека снимали все, оставляя его в одном грязном рваном белье и босым. Грабеж во дворе днепропетровской тюрьмы длился недолго, потому что пленных обдирали и заменяли им одежду на худшую уже не в первый раз. Ободрав, гитлеровцы тщательно отделили командиров от рядовых. Несколько раз уже нас так разделяли, и момент этот всегда бывал очень тяжелым - расставаясь с солдатами, всегда в значительной степени теряешь чувство собственной нужности: что командир без бойцов? Но была и еще одна мысль: значит, немцы еще считают нас способными организовать людей, коли с таким старанием

изолируют от всей массы пленных.

Нашу группу привели в небольшой двор, пообещав, что скоро поведут в баню, после чего распределят по камерам. Однако все получилось несколько иначе.

Босых, промерзших, голодных людей до ночи оставили под открытым небом. В холодном предбаннике с цементным полом гитлеровцы продержали уже совершенно голых людей еще более часа, использовав это время для отвратительной процедуры, - искали евреев.

Все обмундирование наше было унесено в дезкамеру. Люди в прямом смысле слова стучали зубами от холода, прижимаясь друг к другу, когда в предбанник вошли подвыпившие- гитлеровцы, которых сопровождали какие-то подозрительные типы, отрекомендовавшиеся "комиссией". Они принялись расталкивать пленных, опять грубо осматривали голые тела, поглядели на Васильева, о чем-то посовещались. Подойдя вплотную к Васильеву, гитлеровец крикнул:

- Юдишь? Лэврей?

И попытался отпихнуть Васильева в угол.

- Я русский полковник, коренной москвич, это могут подтвердить, - ответил Васильев, с трудом удержавшийся на ногах.

Пленные зашумели. Послышались голоса:

- Он коренной русский!

Только дружная защита спасла Васильева от смерти и - что того хуже - от дикой расправы. Но случай этот - не первый из цепи подобных - помог нам окончательно сориентироваться. Отныне ни один из наших товарищей евреев никогда не оказывался впереди, их прятали в гуще толпы, в середине строя и, надо сказать, достигали в этом деле немалой сноровки.

Через полтора часа после того, как ватага удалилась, последовала команда:

- Заходи в баню!

Озябшие люди заторопились к двери с надписью "Парная". Каждый мечтал не только вымыться, но и согреться, и напиться, наконец.

Каково же было наше разочарование, когда нас впустили в нетопленное помещение, где не было ни горячей, ни холодной воды. Пленные ходили и открытыми ртами ловили капли воды, падавшие с сырого потолка, а полицаи насмехались:

- Хорошо попарились, господа офицеры? Будете знать, как приказывать взрывать водопроводы!

Вдруг из полутемного угла донеслось явственно:

- Не только приказывали. Сами взрывали!

Воцарилась полная тишина. Такая, что слышался стук о пол падающих капель. Любопытно, что полиция даже не осмелилась пойти в угол, откуда донеслись слова. Голые, безоружные советские люди все равно были им страшны.

Полицаи вообще раньше гитлеровцев начали понимать, что вся система издевательств, рассчитанного угнетения и мучительства, применяемая по отношению к русским пленным, чаще всего только повышает упорство и волю к сопротивлению. Фашистские же молодчики забыли на первых порах слова своего соотечественника Бисмарка, сказавшего однажды, что русского солдата мало убить, его еще надо повалить.

После "бани" пленных оставили на всю ночь во дворе тюрьмы.

Рассвело. За ночь мороз посеребрил землю. Солнце осветило дрожащих людей. Мы прижимались спинами друг к другу, пытались бегать, прыгать. Когда солнце поднялось выше, оно немного нас обогрело. От изнеможения многие попадали на сырую землю и тут же заснули. Только днем всех развели по камерам.

На следующее утро нам выдали небольшие порции хлеба и по полкружки еле теплого кофе, похожего на грязную воду. На обед принесли немного баланды. Гитлеровская система уничтожения пленных голодом применялась активно.

Я есть не мог. Моя болезнь приняла тяжелую, затяжную форму. Антисанитарное состояние и полное отсутствие лечения создавали, разумеется, благоприятную для того почву. Силы меня покидали быстро, хотя я сопротивлялся как мог. С каждым днем труднее было передвигаться, начались сердечные перебои, стал задыхаться по ночам. Бывало ночью прижмешься к холодной решетке камеры и не вдыхаешь, а пьешь свежий воздух, благо, в окне нет стекол.

Никогда за всю свою долгую жизнь кадрового военного не боялся я смерти, а тут, скажу честно, стал бояться. Мучительно было думать, что умереть придется здесь в унижении, под фашистским замком, не выпрямившись, ничего не сделав для спасения людей, вместе со мною честно и трудно воевавших. Нестерпимо было допустить мысль, что, может быть, и прав был один подполковник, сидевший со мною под береговой кручей и в последнюю минуту пустивший себе пулю в висок. Но ведь со мною были люди. Имел ли право я, спасая себя от лишних мук, бросить их в такую минуту? И не вся ли цель моей жизни сейчас во что бы то ни стало сберечь силы, найти выход и увести столько, сколько смогу, людей обратно, в строй, на свободу?

Только сознание этого высшего долга и помогло мне выжить, нисколько в этом не сомневаюсь.

Не могу не вспомнить о том дне, когда в днепропетровской тюрьме мы впервые почувствовали какую-то поддержку, поняли, что там, где, казалось бы, и ожидать нельзя, существуют наши единомышленники.

Из тюремного окна нашей камеры была видна небольшая площадка. На эту площадку почти каждый день немцы выводили заключенных на прогулку. Каково же было наше удивление, когда однажды мы увидели заключенных в немецкой военной форме. Они ходили по кругу парами, держа руки за спиной, у некоторых сохранились на плечах офицерские погоны. Унтер-офицер и ефрейтор, вооруженные автоматами и пистолетами, несли охрану, а заключенные ходили флегматично, не подымая глаз. Вдруг мы увидели, что сторонкой, прижимаясь к тюремному корпусу, с опаской пробирается человек, видимо, из тюремных служащих. Когда охранники сошлись побеседовать и ослабили внимание, человек быстро приблизился к площадке, бросил пачку сигарет, а сам благополучно скрылся. Через некоторое время один из заключенных, изловчившись, украдкой подобрал и спрятал сигареты.

Позднее мы узнали, что это были немцы, отказавшиеся воевать с Россией и самовольно покинувшие фронт. Содержались они в условиях не лучше наших.

Скоро состояние мое резко ухудшилось. Гитлеровские чины наконец сообразили, что болезнь заразна и может вспыхнуть опасная эпидемия, и отправили меня в четвертый инфекционный тюремный лазарет.

Во главе этого пользовавшегося печальной славой учреждения стоял врач Сихашвили. Откуда он взялся, мы не знали, неизвестно даже, действительно ли был он врачом. Не удивительно, поэтому, что смертность в инфекционном лазарете была особенно высокой.

Меня привели туда около одиннадцати часов дня. Указывая на пустую кровать с сеткой без матраца, санитар сказал:

- Занимай, пока тепленькая. Только что мертвеца сняли.

Осмотрел мою одежду, добавил: - Одежонка у тебя незавидная, но оно, пожалуй, и лучше.

Произнеся эти загадочные слова, он удалился. Как потом выяснилось, в лазарете Сихашвили завел правило: снимать с покойников всю одежду. Вещи сплавляли на рынок, выменивая на самогон, масло, сало и яйца. Иногда кое-что из одежды перепадало раздетым больным, но львиная доля шла на рынок. Это позволило Сихашвили самому хорошо приодеться и завести приятельские отношения с гитлеровцами, которых он частенько угощал водкой и дефицитными в то время закусками.

Но, как говорят французы, аппетит приходит с едой. В лазарете привыкли, принимая больного, меньше внимания обращать на то, какая у него температура, но внимательнее разглядывать одежду, прикидывая сразу, что можно на нее выменять. Сначала грабили мертвых, однако постепенно переключилась и на живых.

Мой сосед по койке, офицер Сергей Ковалев, например, был очень обеспокоен, когда Сихашвили пригласил его к себе "как соотечественника на чашку чая".

Пить чай с "соотечественником" Ковалев отказался. Тогда Сихашвили просто заявил:

- Мне нравится ваше обмундирование. Продайте мне его за деньги, за водку или за продукты, как хотите. Ковалев дал понять, что ему самому оно нравится. Сихашвили ответил бесцеремонно:

- Как хотите. Я все-таки заплачу, а увидят немцы или полицаи - бесплатно снимут.

Слава богу - и хочется скорее об этом сказать - в огромном большинстве своем иначе держались в местах, оккупированных немцами, советские люди.

Поступил я в тюремный лазарет очень обессиленным, с температурой 38,9°. Весь первый день пролежал без осмотра и без медицинской помощи. Утром, когда больным стали раздавать очередную порцию марганцовки, с трудом поднявшись, подошел к столику и я, однако меня не оказалось в списке. Я обратился к врачу, по виду и акценту грузину, и с возмущением указал на беспорядки. Врач выслушал меня, а затем очень громко ответил:

- Вы, полковник, не разоряйтесь, здесь вам не Севастополь. Там командовали вы, а здесь другие порядки, ваша власть кончилась.

Я опять-таки громко сказал:

- Рано вы, доктор, затянули панихиду по нашей власти. Боюсь, как бы скоро жалеть и раскаиваться не пришлось!

В палате стало тихо-тихо. Врач больше ничего не сказал, осмотрел меня и выдал порцию марганцовки.

На другой день он сам принес мне порошок и, улучив минуту, когда никого из обслуживающего персонала рядом не было, сказал полушепотом:

- Поосторожней бы надо, товарищ полковник. Этак толку мало... - и улыбнулся.

В другой раз он объяснил мне:

- Вы не удивляйтесь, что лечим неважно. Взять негде. Немцы лекарства в микроскопических дозах отпускают, да и то больным не все достается. Сихашвили норовит на продукты и на самогон выменять.

И все-таки врач этот умудрялся нас лечить, хотя при прямом расчете гитлеровцев на уничтожение пленных всеми способами такое старание могло его самого поставить под угрозу.

Да он и не только лечил.

Раз или два в неделю тяжелобольных - то бишь, попросту говоря, обреченных, потому что легкобольных в лазарете не было - отправляли из лазарета в гражданскую инфекционную больницу. Право хотя бы умереть не в тюрьме гитлеровцы предоставляли многим пленным, но только не из числа офицеров. За нами был особый надзор.

Сколько ни думали мы с Ковалевым о своем положении, единственным выходом было - начать вплотную готовить побег, как можно скорее связаться с советскими людьми за тюремными стенами, нащупать какие-то нити, ведущие к партизанам. В том, что они действуют здесь, в глубоком тылу, мы не сомневались. Слишком уж опасливо относились немцы даже к нам, больным, обессилевшим.

Оно и понятно. Не может быть тыла для захватчика на советской земле!

Словом, мы с Ковалевым в открытую попросили нашего лечащего врача грузина направить нас в больницу. И он сделал это. Фамилии наши без указания воинских званий были включены в список. В назначенный час подошла подвода и нас погрузили вместе с умирающими.

Последние часы ожидания и короткий путь от лазарета до тюремных ворот показались особенно долгими и мучительными.

Во-первых, мы тревожились, как бы не нагрянул Сихашвили, который не запоминал лиц, но отлично помнил' приглянувшееся ему обмундирование. Хорошая гимнастерка Сергея могла в данном случае сорвать все наши планы, а то и стоить жизни.

Во-вторых, мы боялись, как бы унтер, проверявший список и вглядывавшийся в лица ("А вдруг еще не совсем умирает пленный, да, чего доброго, вылечится?"), не определил, что мы - из группы командиров.

Когда повозка подошла к воротам тюрьмы, даже сердце сжалось. Но унтер-офицер на этот раз бегло осмотрел пленных, прочел документ, в котором значились фамилии больных, еще раз, тыкая пальцем, пересчитал нас, и повозка тронулась за ворота. Мы с Ковалевым потихоньку пожали друг другу пальцы.

Медленно двигалась наша колымага по улицам Днепропетровска. Больные, у кого хватало сил, приподымали головы, жадно разглядывая город. Ведь мы так давно не видели гражданских советских людей, не видели обыкновенных мирных улиц!

Но как сразу бросилось в глаза, что сейчас это не мирные улицы, а улицы города, оккупированного врагом:

Все, кто нам встречались, имели удивительно обветшалый, какой-то, я бы сказал, обшарпанный вид. По пути мы догнали небольшой возок, на котором лежало две - три охапки дров. Возок тащил седой старик, сзади подталкивала старуха в паре с 7 - 8-летним малышом. Одежда - вся в заплатах, на ногах рваные ботинки казенного образца. Когда мы обгоняли их, возок остановился. Старик посмотрел на конвоира-автоматчика, на повозку, почесал затылок, покряхтел и плюнул. До нас донеслось: "Эх! Жизнь проклятая".

Мы переглянулись. Кто-то из больных буркнул про себя:

- Чего уж хорошего! Одно слово - оккупация.

И жаль было старика с его возком, а все-таки чем-то он меня и ободрил. Ведь не боится старый ворчать на улице! Раз мы слышим, так конвоир и подавно.

С большой надеждой ждали мы больницы. Пусть в оккупированном городе, пусть - под немцем, а все же наша, советская организация, наши люди...

Подвода въехала на больничный двор и остановилась у приемного покоя. На крыльцо вышли сестра и пожилая санитарка. Они поздоровались с нами.

Может быть, кому-либо покажется странным, но нас как громом поразило именно это приветствие. Ведь за много недель никто не сказал нам простого "Здравствуйте!" Не стыжусь сказать, я растрогался до слез. Да и все пленные взволновались ужасно. Каждый торопился сказать что-нибудь, ответить погромче, так, чтобы его, именно его услышали.

Сестра спросила:

- Кому помочь? Кто не может ходить? Дружным разнобоем раздались с повозки голоса:

- Не беспокойтесь, сестрица, как-нибудь доползем сами.

И, помогая один другому, больные полезли из повозки. Как приятно было впервые за три месяца плена услышать певучий украинский женский говорок, а не хрипатый окрик гитлеровца или полицая. Я сразу уверился: "Ну, здесь быстро силы восстановим и на ноги встанем".

В приемном покое стояли чистые скамейки. Нас стали регистрировать. В первую очередь записали лежачих больных, санитары тут же унесли их на носилках в палаты. Вместе с другими к столику подошли и мы с Ковалевым.

- Посидите и подождите, - сказала сестра.

Уже когда всех отправили, стали записывать нас. Мы поняли, что регистраторша хочет записать нас без свидетелей. Это тоже

обнадежило. Значит, врач из лазарета сообщил кое-что и нас ждали.

Она спросила:

- Фамилия, имя, отчество, год рождения, чин или звание?

Я ответил:

- Хомич, Иван Федорович, рождения 1899 года, "вэ-пэ".

Регистраторша внимательно посмотрела мне в глаза и спросила:

- А этого хватит?

Я кивнул. Она так и записала: "в/п".

"Военнопленный". По этой записи нельзя было определить, что я полковник, но и нельзя придраться, что скрыто звание.

Начал регистрироваться Ковалев.

- Вы тоже "вэ-пэ"? - спросила сестра.

- Да.

Сколько надежд внушили нам первые "счастливые шаги" в больнице! После регистрации нас направили в седьмое, инфекционное, отделение. Три месяца тюрьмы приучили нас к осторожности, к молчанию, но тут трудно было удержаться. Еще по пути в отделение мы перекинулись немногими словами с сестрой, санитарками. Так хотелось поскорее узнать, что за люди нас окружают.

Нам ответили: "Люди хорошие, свои".

От этих слав повеяло теплотой.

Позднее мы на опыте убедились, что в отделении все старые работники действительно остались советскими.

Начальником седьмого отделения была врач Наталья Филипповна Гордиенко небольшая, худощавая женщина лет 27. Это была замечательная патриотка нашей Родины. Всем своим существом, всеми силами и знаниями старалась она помочь советским пленным быстрей поправиться, встать на ноги и по возможности освободиться от плена. А ведь это было очень рискованно. Истинных патриотов гитлеровцы выслеживали, забирали в гестапо, и, как правило, люди больше не возвращались.

Обслуживающий персонал больницы много уже насмотрелся, однако наша тюремная грязь удивляла всех. В больнице была ванна, но без горячей воды. Санитарки быстро нагрели два ведра, и мы кое-как отмылись. Надо бы чистое белье, а у нас ничего нет.

Вошла сестра-хозяйка и принесла странные длинные рубашки с короткими рукавами. Ни к кому не обращаясь, она сказала:

- Хорошее белье немцы растащили, остались вот рубахи рожениц, да и те рваные. Мы их выстирали, починили, теперь только ими и спасаемся.

Нас с Сергеем обрядили, как рожениц, а наши вещи сестра унесла, пообещав выстирать и зачинить их, насколько это возможно.

Нас поместили рядом в два бокса, как тяжелобольных. Пришла врач Гордиенко. Она внимательно осмотрела, выслушала меня и, прописывая лекарство, спросила:

- Вы и до войны были так тощи?

Я улыбнулся:

- Нет. До плена я весил восемьдесят шесть кило. А в плен попал девятого июля в Севастополе.

- Если бы вы знали, как мы вами восхищались, как ловили каждую весточку! с жаром проговорила вполголоса Наталья Филипповна.

- Доктор, милая! - попросил я.- Пожалуйста, сейчас же скажите это и Ковалеву. Он же тоже севастополец!

В эту ночь мы за три месяца плена первый раз уснули по-человечески.

Через несколько дней нас перевели в маленькую комнату с двумя койками, с цементным полом. До войны это был чулан, но комната находилась в стороне от общих палат, и в нее почти не заглядывали ни немцы, ни полицаи.

Однажды на обходе мы спросили у Натальи Филипповны:

- Почему все жители Днепропетровска так плохо одеты? Пока нас из тюрьмы везли - огорчение взяло. Неужели и до войны ходили такими замарашками?

Тут уж пришла ее очередь улыбаться.

- Смешно вы рассуждаете, сказала Гордиенко.- Сейчас же нельзя хорошо одеваться. Все хорошее люди в землю закопали. На днях моя соседка надела приличное пальто, а его гитлеровцы сняли с нее прямо на улице, днем.

Питание в больнице, как и в тюрьме, было плохое. Немцы отпускали очень скудный паек, но здесь по крайней мере все было приготовлено хорошо и чисто. Хлеб выдавали приличный, а не суррогат, больных не обкрадывали, к чаю почти каждый день мы получали по кусочку сахару, а в тюрьме даже вкус его стал уже забываться.

Странное это чувство, когда после долгого голода начинаешь питаться хоть немножко лучше. Прямо-таки чувствуешь, как час от часу возвращаются силы. Ну, а с силами, конечно, крепнет и надежда.

Медикаментов больнице не хватало. Все же Наталья Филипповна где-то доставала лекарства и лечила больных. Раз она принесла нам по яблоку и, положив их на кровати, сказала:

- В этом году вам, вероятно, не удалось попробовать фруктов?

Принесла на пробу.

От души поблагодарив, мы, естественно, поинтересовались - откуда взялись яблоки.

Наталья Филипповна рассказала:

- В воскресенье я ездила в деревню менять вещи на продукты. В городе все невозможно дорого, на зарплату ничего не купишь, что стоило рубли, - теперь стоит сотни. В деревне на одежду можно еще что-то выменять, но провезти очень трудно, немцы все ценное отбирают. Моя соседка с грудным ребенком вместе со мной тоже возвращалась из деревни. В вагоне к нам стали приставать пьяные немцы, которые ехали с фронта домой на побывку. Они-то и забрали у нее все продукты. Осталась, бедняга, без продуктов и без вещей.

На другой день пожилая санитарка принесла нам большой помидор и луковицу. Зная, что жители Днепропетровска сами бедствуют и голодают, мы наотрез отказались принять овощи.

Санитарка сходила за Натальей Филипповной, они вдвоем принялись горячо уверять нас, что нам овощи очень нужны, что нам надо скорее встать на ноги, что силы еще понадобятся. Когда в следующий раз старушка принесла нам головку чесноку и морковь, она сказала:

- Вы уж не отказывайтесь. Мы вам не чужие, и вы нам свои. Пусть и моим сыновьям, помогут добрые люди, если в беду попадут...

Мы спросили ее о сыновьях. Санитарка рассказала:

- Младший мой служил на западной границе начальником заставы, о нем с самого начала войны никаких вестей. А старшего недавно ночью увели в гестапо. Вот уж два месяца о нем ни слуху ни духу. Коммунист он. Наверно, донесли.

Произнеся последние слова, она не удержалась и заплакала. Мы стали успокаивать ее, а как успокоишь?.. Только долго плакать ей времени не было. Обтерла кое-как глаза да и заторопилась опять по палатам.

Сколько силы все-таки в нашей русской женщине!

Однажды Наталья Филипповна зашла к нам словно пришибленная. Мы, конечно, заметили:

- Что случилось?

- Да так, ничего, - она попробовала уклониться от ответа, чтоб не огорчать нас, и не смогла. - Наши оставили Майкоп.

- Когда это кончится? - проговорила она с отчаянием, и так мне ее жалко стало в эту минуту. В самом деле, трудно приходится им, хорошим нашим людям, без" всякой защиты оставшимся на оккупированной земле! Каково им слышать о городах, которые мы оставляем, все еще оставляем немцам?

Мы рассказали Наталье Филипповне о немцах антифашистах, заключенных в местной тюрьме, о том, что армия гитлеровцев вовсе не так могуча, как кажется, что фашистские спины мы уже не раз видали и еще, конечно, увидим. Словом, как-то развеяли огорчение, вызванное дурной вестью. Так хотелось верить, что и в самом деле не за горами счастливое время - перелом в войне.

Мы с Сергеем медлили прямо задать вопрос о побеге, опасаясь поставить Гордиенко в затруднительное положение, но с каждым днем уверялись все более, что она, а может, и кто-либо с нею об этом тоже думают.

Незаметно через Наталью Филипповну у нашего чулана-палаты установилась кое-какая связь с внешним миром. Она приносила нам книги, иногда газеты. Мы всячески старались помочь ей, а через нее и другим советским людям правильно разобраться в событиях на фронте и в немецком тылу.

А события в немецком тылу происходили для наших людей сугубо непривычные. Однажды на обходе Наталья Филипповна рассказала нам:

- Вчера вечером гитлеровцы устроили на улицах города форменную облаву. Всех молодых красивых девушек, преимущественно школьного возраста, ловили и отправили в закрытый офицерский публичный дом, а других задержанных, чья внешность по вкусу не пришлась, увезли в Германию. Поймали, между прочим, 16-летнюю дочку одного из полицаев. Этот тип с возмущением говорил потом, что ему насилу удалось вырвать дочку от "благодетелей".

В инфекционной больнице мы узнали и о земельной политике немцев. Немцы распустили колхозы на Украине и ввели так называемые "десятидворки". Немецкая "десятидворка", говоря попросту, - одна из форм крепостничества. Осенью 1942 года гитлеровцы начали "наделять" крестьян землей. Комедия "надела землей" обставлялась обычно с большой помпой. Крестьянам (из числа тех, конечно, кто так или иначе угодил оккупантам) давалось по 2 - 3 га на семью. Для "арийцев" нормы были, естественно, другие. Один немецкий фельдфебель, потерявший руку на Украине, получил 120 га.

Лечение, заботливое отношение, свежий воздух и питание быстро восстанавливали наши силы: дизентерия пошла на убыль, температура по утрам приближалась к норме.

Это обстоятельство встревожило Наталью Филипповну. Она однажды, как бы шутя, заявила, что ее больше устроила бы температура 37,7° - 38,6°. Я заверил, что в дальнейшем будет держаться именно такая температура, и мы с Сергеем стали аккуратно "регулировать" градусник.

Все как будто бы шло на лад, как вдруг произошло крайне неприятное событие. Из тюрьмы в больницу явился Сихашвили с немецким унтер-офицером разыскивать двух пропавших полковников,

В регистратуре он спросил:

- Где лежат полковники? Ему ответили:

- У нас офицеров нет.

Тогда он сам взял журнал регистрации больных и долго искал полковников в графе "звание - чин".

В больнице лежало несколько сот больных. Сихашвили с унтером обошел все палаты, всматриваясь в истощенные лица пленных, изредка повторяя свой вопрос о том, где лежат полковники. Врачи и сестры разводили руками:

- Что вы, господа, у нас лежат только рядовые.

Выручил нас чулан, куда Сихашвили и унтер просто не догадались заглянуть.

Это был очень тревожный симптом. Очевидно, с врачом грузином, отправившим нас в больницу, что-то случилось.

В последнее время и нашей чудесной Наталье Филипповне стало гораздо труднее работать. Немцы прислали в больницу своего, облеченного доверием фельдшера. Он всюду заглядывал, во все вмешивался. Появилась и медсестра, которая обо всем докладывала немцам. В их дежурство "накачивать" температуру стало сложнее; поставив термометр, они стояли у кровати и следили, чтобы не прибавляли градусы. Нам с Ковалевым поочередно приходилось развлекать их разговором, чтобы все-таки незаметно поднять столбик ртути.

Естественно, такое соседство со всех точек зрения не радовало. Надо было спешить предпринимать что-то радикальное.

В один из последних октябрьских дней я впервые после болезни выбрался, наконец во двор. День был теплый, солнечный. Голова с непривычки закружилась. Я прислонился к дереву и раздумывал, как нам быть. Незаметно подошла Наталья Филипповна, она возвращалась из регистратуры в отделение. Увидев меня, она остановилась, спросила: "Как здоровье?" Затем внимательно посмотрела по сторонам. Я тоже огляделся. Нервы мои напряглись. Я понял, что разговор будет необычный.

В этот момент из отделения в морг пронесли покойника. Наталья Филипповна, поглядев вслед носилкам, проговорила медленно:

- Так каждый день. Ежедневно уносят в морг по десять - пятнадцать человек. Тюрьма направляет к нам очень истощенных и больных пленных.

И неожиданно быстро спросила меня:

- Вы были в морге?

Я ответил шуткой, хотя был в этот момент серьезен, как никогда:

- Нет, не был. Но думаю, что там не очень приятно.

- А мы думали вынести вас в морг.

Торопливо и тихо Гордиенко сказала о том, что они с сестрой-хозяйкой придумают, как отправить нас в морг, как вынести одежду, но надо, чтоб мы прикинули, как лучше оттуда выбраться. Немцы иногда заходят в морг. Нужно, чтоб мы знали все месторасположение. Они - женщины, опыта военного у них нет, могут напутать.

От слабости и волнения все поплыло у меня перед глазами, я даже за дерево схватился. Я понимал, что не от хорошей жизни Наталья Филипповна завела со мной этот разговор сейчас, когда я еще так слаб, а Сергей почти не встает с постели. Очевидно, ее, как и нас, тревожил приход Сихашвили и усилившаяся в стенах больницы слежка за больными и за обслуживающим персоналом.

И все-таки огромным счастьем казалось уже то, что можно строить конкретный план побега и какие-то близкие люди тоже об этом думают и хотят помочь.

Странно устроена человеческая психика. В боях под Севастополем мне приходилось много кричать, я сорвал голос и с тех пор, вот уже три с половиной месяца, мог говорить только шепотом. Но обстоятельство это меня нимало не тревожило, в плену голос не нужен, там шепот даже больше подходит.

Но стоило блеснуть надежде на свободу - и мне тотчас подумалось: "Как же я без голоса вернусь в строй?"

Мы с Ковалевым решили, что я должен буду как можно скорее ознакомиться с моргом и с порядками в нем.

На следующий же день мне пришлось убедиться в том, что подготовить надо все тщательно, ибо с моргом шутки плохи.

В этот день из тюрьмы в больницу прибыл немецкий "арцт" - доктор - и с ним несколько гитлеровцев. Они бродили по двору, заходили в некоторые палаты, побывали в регистратуре, на кухне и зашли в морг, где лежало человек 20 умерших.

Это были совсем молодые люди, еще недавно полные жизни, планов, забот. Затем бой, плен, морг... О таких пишут - "пропавшие без вести".

"Арцт" подошел к трупу молодого человека, которого недавно вынесли из инфекционной. Глаза белокурого пленного были широко открыты. Казалось, вот-вот он устанет глядеть неподвижно и моргнет. Или спросит: "За что вы меня уморили?"

"Арцт" подозрительно посмотрел и потрогал сапогом труп.

Хотел было уйти, но снова взглянул в открытые глаза юноши. Тогда он сердито сказал что-то сопровождавшему его унтеру. Тот молча достал пистолет и дважды выстрелил в труп, буркнув про себя:

- Так будет люче...

Юноша не пошевелился. Ему уже никто ничего не мог сделать.

Обо всем этом мне рассказал санитар.

А через два дня случилась большая беда. В больницу снова явился Сихашвили. На этот раз он пришел с документами, в которых точно значилось, что мы офицеры. В регистратуре он спросил, где лежат полковники? Ему снова ответили:

- У нас офицеров нет.

Когда собрались врачи и сестры, Сихашвили торжественно заявил:

- Эх, вы, разини! Полковники лежат у вас под носом, а вы не замечаете.

И прочел им наставление о том, что никаких "в/п" в графе "звание - чин" ставить не следует, а то могут выйти неприятности.

Бледная, грустная вошла утром к нам в чуланчик Наталья Филипповна и рассказала об этой истории.

- Всё пропало. За вами прибыл конвой из тюрьмы. Собирайтесь.

Говорить она старалась твердо, но лицо было такое, словно это по ее вине уходили мы не на свободу, а в тюрьму.

Минут через двадцать мы с Сергеем уже подходили к знакомой тюремной повозке. Вероятно, это был один из немногих случаев, когда в тюрьму возвращались выздоровевшие пленные. Большая часть их из больницы поступала в морг. А, может быть, были и счастливцы, успевшие благодаря нашим врачам и сестрам уйти на ту сторону, в леса, и теперь они, свободные, бьют гитлеровцев?..

Стоял тусклый ноябрьский день, дул холодный северный ветер, падал снег. Одеты мы с Ковалевым были по-летнему. Сестра-хозяйка вынесла старую шинель умершего пленного и, передавая ее на повозку, сказала:

- Это все, что у нас есть, как-нибудь укройтесь оба.

Старуха санитарка, приносившая нам морковки и луковицы, стояла в дверях и утирала слезы. Немецкий ефрейтор, с автоматом на плече, держал в руке документы и поторапливал с отправкой.

С какою скорбью и благодарностью расставались мы с хорошими отважными людьми, как хотелось подойти, пожать им руки! Но сделать это было нельзя немцы могли взять их под

подозрение.

Повозка наша тронулась и, громыхая коваными колесами, выехала за ворота больницы. По дороге в тюрьму охрана не спускала с нас глаз. Вполне возможно, что Сихашвили особо предупредил конвойных.

Плотно задвинувшийся за нами тяжелый засов тюремных ворот отодвинул на время побег и заставил вплотную заняться другим делом - работой среди пленных в стенах самой тюрьмы.

Снова в тюрьме

Как нудно и уныло тянулись в тюремном лазарете последние Дни декабря 1942 года. Длинные вечера, холод - помещения не отапливались, - голод, постоянные оскорбления, от которых мы успели поотвыкнуть в больнице, - угнетало все это до крайности. Да и дизентерия, чуть залеченная, на отвратительной тюремной пище снова ожила.

Питание пленных еще ухудшилось. Овощи, вернее гниль, оставшуюся от картофеля, капусты и свеклы, вначале держали кучами на морозе, на дворе и, лишь основательно поморозив, с мусором, землей и снегом лопатами валили в котлы.

Я однажды сказал врачу:

- Неужели же нельзя сварить не морозивши? Врач изменился в лице и только рукой махнул.

- Я такой же пленный, как и вы. Я пробовал говорить. Меня ударили палкой...

Радовали только скупо проникавшие к нам вести о том, что на фронте все же меняется обстановка, на различных участках наши войска переходят в наступление, во многих местах - успешно.

Заключенные, долгое время проведшие под замком,- народ удивительно чуткий к малейшему слуху из внешнего мира. Какую-нибудь подробность, какой и не заметит свободный человек, за решеткой десятки голов обдумывают многократно, с пристрастием и любопытно, что, несмотря на скудные данные, выводы об общем положении сделают в основном правильные.

Так к концу 1942 года мы в тюрьме почувствовали, что немцам становится труднее, выдыхаются и на фронте, и в тылу.

На заводах и в сельском хозяйстве Германии стало, видимо, не хватать рабочих рук. Своих без конца угоняемых на фронт соотечественников немцы старались заменить пленными.

Каждые пять - десять дней наших людей увозили из тюрьмы в Германию. Это была самая грозная опасность, по нашим понятиям, и мы, обитатели лазарета, подчас радовались болезням и ранениям, дававшим возможность задерживаться пусть в тюрьме, но в своей стране. Мысль о побеге не оставляла нас и,

как показало будущее, не была напрасной.

В Германии в двадцатом веке открыто ожили рабовладельческие рынки. Позднее в "Гросс-лазарете" Славута мне рассказал свою историю один больной пленный:

- Нас целую неделю продавали. Меня купил за 1800 марок старый бюргер, другие пленные шли по большей или меньшей цене, но распродали всех. Основным показателем при продаже пленных служили здоровые бицепсы, заглядывали также в зубы. Попал я в кулацкое хозяйство, жилось тяжело и голодно. Потом на меня обратила внимание сноха бюргера, муж ее был на Восточном фронте.

Месяца через три ефрейтор этот вернулся с фронта на побывку. Старый бюргер нажаловался сыну. Снохе - ничего, а меня избили до полусмерти, зубов не осталось. И опять в лагерь военнопленных, а оттуда в шахту. Там я чуть было не отдал концы. Только после того, как совсем отощал да еще дифтеритом заболел, меня направили обратно в Россию.

К началу 1943 года в днепропетровской тюрьме среди пленных стало уже широко известно, какая судьба ожидает советских людей, попавших в Германию. Агитация, которую мы проводили среди людей ("Лучше болезнь, лучше голод, лучше увечье и смерть, чем угон на чужбину!"), оказывалась с каждым днем все более действенной.

Мстили гитлеровцы жестоко. Уличенного в симуляции пленного забирали насильно. Только таких людей - видимо понимая, что работать на фашизм их не заставишь, - часто и не довозили до Германии.

Той же зимой мне довелось услышать страшную историю.

Однажды утром наших санитаров и рабочих погнали из тюрьмы на станцию. Мы решили, что прибыл какой-то транспорт, возможно люди с фронта, может, услышим что-нибудь новое.

Санитары вернулись в тюрьму поздно вечером, вид у них был не просто усталый, а удрученный. Я спросил знакомого мне пожилого санитара:

- Что нового?

Он посмотрел на меня, ничего не ответил, махнул рукой.

И только после долгого молчания проговорил:

- ...Одним словом - изверги, гады...

По привычке он осмотрелся по сторонам - в палате было тихо, слышались только вздохи да храп - и зашептал:

- Вот говорим, что фашизм и национал-социализм одно и то же. А я считаю, что к такому зверству, как фашизм, слово "социализм" даже издалека приставлять невозможно.

- Сегодня нас пригнали на железнодорожную станцию и

повели в тупик. Там стоял воинский эшелон, окна теплушек закрыты, оплетены колючей проволокой, на дверях пломбы. Кругом тихо, только снег под ногами скрипит. Солнце тусклое, сквозь облака едва-едва пробивается. А ветер морозный, лицо жжет и продувает насквозь. Одеты-то мы, сами знаете, в тряпье.

Поезд охраняли автоматчики-эсэсовцы. Нас остановили от эшелона метрах в ста, мы притопываем, прыгаем, греемся, в общем. Смотрим, к поезду подошло какое-то начальство, стало пломбы снимать и открывать вагоны. Вагоны открыли, а всё, как и было, - тихо. Мы даже удивились. Слышно только, что фрицы переговариваются да овчарки лают, они же без псов своих - никуда.

Потом нам показали противотанковый ров и приказали разгружать вагоны. Подвели. Заглянули мы - батюшки! На полу - люди, босые, раздетые, все замерзшие. Все друг к другу поприжались, кто совсем в обнимку. Так и умерли. А в большинстве все молодые и в бельишке казенного образца. Наверно, такие же бедолаги военнопленные, как мы, грешные.

Нам потом железнодорожники сказали, что эшелон этот в тупике двое суток стоял и к нему охрана никого не подпускала.

Стали мы замороженных в противотанковый ров выносить. А их много. А день короток. Гитлеровцы темноту, если на воле, не очень уважают. Эсэсовцы курят, а за нами следят - кто медленно носит, тому сейчас пинком, палкой, а то и прикладом влепят.

И вдруг из рва я услышал человеческий голос:

- Остановитесь, я живой!

У меня и ноги подкосились, и лопату я бросил. Хочу в ров лезть. Эсэсовец быстро подошел, мне - пистолетом по зубам и в ров несколько раз выстрелил.

Больше я ничего из рва не слышал, а только в разных местах еще несколько выстрелов было.

Не от жалости они, конечно, что - ах! - люди мучиться будут. А просто боялись. Земля-то мерзлая, зарываем мелко, как бы ночью не выцарапались, не ушли.

Потом подошел паровоз и увез пустые вагоны. Машинист гудок дал, унылый такой, протяжный. Вроде бы надгробный салют. Может, машинист и знал...

Санитар всхлипнул не стесняясь. Он был уже не молодой, до плена служил в пехоте ездовым. У него воевал где-то сын.

Долго мы молчали. В углу кто-то бредил, ворочался. Вдруг раздалось звонко, по-свободному:

- За мной! В атаку! .

Кричавший привскочил со сна и - свалился на пол. Он был без ног. Санитар подошел, водворил его на место. Стало тихо.

К обеду пошел по тюрьме слух, что опять отбирают здоровых для отправки на работу в Германию.

Скоро в нашем лазарете появился новый заключенный, раненый летчик старший лейтенант Саша Андреев.

Мы никогда раньше не видались, но - бывает так,- поговорив с Сашей всего лишь раз, я почувствовал к нему и симпатию и доверие. Даже позволил себе в первой же беседе нарушить конспирацию, которой мы все-таки при встрече с совершенно незнакомыми людьми старались поначалу придерживаться.

Хороший, здоровый, чистый человек. Всё в нем по-молодому бунтовало, все рвалось на волю. Пока не осмотрелся в тюрьме, планы побега он предлагал самые фантастические. Только к провалу и смерти они и могли привести.

В армии Саша летал на "ястребке", многократно участвовал в воздушных боях, сбивал фашистские самолеты, но однажды сам попал в беду. Его преследовали два или три "мессершмитта", он, как мог, отстреливался, петлял вверх и вниз, увертываясь от огня.

- Я был уже совсем близко от своих, когда заметил, что горючее на исходе, - рассказывал Саша. - Во что бы то ни стало надо было дотянуть до линии фронта. Передний край наш вроде был близко, еще миг - и на своей территории приземлюсь. Я даже не заметил, что по мне бьют немецкие зенитчики. Стрелять им, правда, приходилось осторожно, боялись своих задеть. Я еще ближе подтянулся к фронту. Наши зенитки открыли по фрицам огонь. Немцы все равно меня атакуют. А тут патроны кончились, выстрел не получился. Смотрю, и "ястребок" мой уже не слушается, тянет к. земле. Потом плохо помню что было, спустился я на парашюте, до наших позиций так и не дотянул.

Дело шло к вечеру. Я подумал: "Чуть стемнеет, уползу к своим". Только двинулся - немцы открыли по мне огонь и подбили. Потом начали сильно бить по нашим позициям, а меня раненого взяли в плен...

Только бы рану подзатянуло, товарищ полковник, - закончил Саша. - А я уж здесь не задержусь.

Но "задержаться" ему все-таки пришлось.

Новый, тысяча девятьсот сорок третий, год стал переломным годом в Великой Отечественной войне. Как ни старались немцы изолировать пленных от внешнего мира, все же и мы чувствовали, что быстро меркнет былая "слава" фашистских войск. Победы советских войск под Москвой, под Сталинградом и на других фронтах заставили немцев задуматься о многом. Когда наши войска стали успешно продвигаться к Харькову, гитлеровцы, не доверяя уже, очевидно, мощи своей обороны, принялись спешно эвакуировать днепропетровскую тюрьму.

Обычно, когда во фронтовом небе появляются самолеты, любой боец в первый момент начнет искать надежное укрытие, а уж потом определит, как говорится, что к чему.

Появление нашего советского самолета над днепропетровской тюрьмой было воспринято всеми заключенными, как радостное событие, как первая ласточка успешных действий наших войск на фронтах.

Никто из нас и не пытался прятаться, чувство самосохранения было просто подавлено чувством гордой радости. Как хотелось, чтоб летчик пустил хоть несколько [63 [штук бомб! Может, стены тюрьмы треснут и приблизится наше освобождение...

Но самолет улетел, и спешная погрузка эшелонов продолжалась.

Подошла наша очередь. Громоздкие немецкие фуры подъехали к лазарету. Мы попытались в суматохе улизнуть. Когда немцы стали отбирать тифозных пленных, пробовали пристроиться к этой группе. Не удалось. А как хотелось в эту минуту любым тифом заболеть, лишь бы не попасть в Германию.

Когда закончилась сортировка, погрузка и тронулся наш транспорт, мы с Сашей устроились на одну повозку. Попробовали задержаться, чтоб двигаться в хвосте колонны, - ничего не вышло.

Тогда мы уселись в задней части повозки, надеясь незаметно для конвоя как-нибудь сползти в кювет.

Нервы были напряжены до крайности. Казалось, если поступим быстро, решительно, - должно удаться.

Шел февраль месяц. Светило яркое солнце. Поля за городом были покрыты снегом. И вдруг мы с отчаянием увидели, что по пути движения пленных к вокзалу немцы, помимо конвоя, выставили заставы автоматчиков. Я покосился на Сашу, он побледнел и постарел в одну минуту. Мне самому стало нехорошо. Только теперь под пристальными взглядами настороженных автоматчиков я понял, как остра и сильна была в нас надежда на побег именно сейчас, сегодня.

В товарные грязные вагоны грузили нас торопливо и грубо.

Эшелон стоял на запасном пути, не у платформы, лезть надо было высоко, а больные еле передвигались. Таких, которые могли подняться сами в вагон, было очень мало, однако немцев это ничуть не беспокоило. Раненых и больных избивали тут же, как скот, палками и нагайками, загоняя в вагоны. Больные карабкались, падали, снова силились подняться в теплушку. Товарищи тащили их, подталкивали и падали сами.

Наконец кончилось это мучение, гитлеровцы плотно закрыли дверь и наложили пломбу.

Маленькие окна теплушек были закрыты наглухо и оплетены колючей проволокой, вагоны переполнены. На полу затоптанная стружка, ни нар, ни параш. В наш вагон погрузили шестьдесят человек, из них не менее половины лежачих.

Когда меня подтолкнули в вагон, я попытался встать, не задевая лежавших на полу. Но ефрейтор толкнул меня в спину, и я упал. Скрип двери заглушил на миг шум и стоны. Дверь задвинулась, в вагоне воцарился мрак, снова начался галдеж и толчея. В этой немыслимой тесноте всем надо было как-то разместиться. Часть больных, втиснутых последними, в том числе и я, стояли на одной ноге, как аисты.

Однако на одной ноге долго не простоишь, люди валились прямо на лежачих.

Шум, крики, стоны, перемешанные с руганью, не прекращались. Часа через два нога онемела - свалился и я. Раненые кое-как раздвинулись. Я получил сидячее место на полу. К вечеру двое в вагоне умерли. Трупы положили один на другой, освободилось еще немного места.

Поезд тронулся вечером, начался долгий, нудный и тяжкий путь. Что творилось в вагонах - трудно передать. Теснота неописуемая. Рядом с мертвыми лежат еще живые, больные и голодные люди. Остановок, хотя бы для того, чтоб трупы убрать и немного проветрить, немцы не делают.

В нашем вагоне лежало человек двадцать больных дизентерией.

К ночи у меня поднялась температура, от тряски начались боли.

Не знаю уж, какими правдами и неправдами ко мне под утро сумел пробраться Саша. Я был в полубреду, да и он немногим лучше себя чувствовал. Во всяком случае, полыхало от него, как от печки, когда он шептал мне на ухо:

- Иван Федорович, как договорились, я подобрал в вагоне несколько человек. Думаем прорезать пол теплушки, на ходу спуститься на шпалы, между рельс. Если так сделать, даже с вышек на вагоне охрана не заметит...

Эта ночь прошла бесплодно. До рассвета времени оставалось немного, а, кроме того, мы очень опасались соседства каких-то весьма здоровых на вид, но явно темных личностей - было известно, что немцы не без умысла, конечно, сажали в вагоны с военнопленными и матерых уголовников.

А на следующий день мы узнали, что ночью в соседнем вагоне пленные начали резать стенку, да не успели. Поезд как на грех подошел к станции. Гитлеровцы обнаружили "неполадки", вагон отцепили, пленных избили до полусмерти и разбросали по

всему эшелону. В наш вагон тоже бросили двух, полуживых.

После этого случая режим - если можно назвать режимом бесчеловечное обращение - еще ухудшился.

Только на третьи сутки из вагона убрали мертвецов. Без всяких уже поводов охрана то и дело открывала стрельбу по вагонам. Так были убиты севастополец командир артиллерийского полка Бабушкин и один лейтенант, фамилии которого я не знаю. Гитлеровцы ударили по вагону из автоматов. Пуля попала Бабушкину в висок, по щеке потекла кровь. Бабушкин весь обвис, но упасть смог только, когда люди потеснились.

В вагоне поднялся шум, крики, вызвали начальника эшелона. Пришел немецкий гауптман, увидел мертвецов, приказал снять их с поезда - и все. Охрану не сменили.

Постепенно в вагоне затихли разговоры, брань, слышались только стоны. Больные с высокой температурой в жару очень страдали от жажды. Я сам никогда ранее не думал, что собственный рот, пересохший, в трещинах, может доставлять столько мучений.

На остановках пленные через щели вагона просили охрану дать воды или хотя бы горсть снегу. Фашисты были молчаливы и мрачны. На пятые сутки поезд подошел к Житомиру.

Житомирский подкоп

Последние сутки в эшелоне я был очень плох. Даже не сразу понял, что поезд остановился и путь наш, видимо, окончен.

На месте остановки мы простояли долго. Люди очнулись, послышались голоса, пошли различные догадки. Спустя два - три часа мы услышали лай собак, а затем скрип дверных засовов. Началась разгрузка.

Вечерело, когда открылась дверь нашего вагона. Я, как и многие, просто вывалился из дверей теплушки и с наслаждением начал глотать снег. Напился немного, сразу стало легче. И воздух, свежий воздух русской зимы после нашего отравленного трупными миазмами вагона мы тоже не вдыхали, а прямо-таки были готовы кусать.

Воздух - и лес! Какой желанной, какой близкой казалась его густая темная тень на горизонте. Люди, как по команде, то и дело обращали к нему глаза. Поистине - равнение на лес! Наверняка каждый пленный не раз внутренне подбодрял себя этой неписаной командой.

Однако и немцы за эти годы успели познать мощь русского леса. За измученными, замызганными пленными следили зорко, как за все еще опасным противником.

Начался обычный пересчет. В нашем вагоне насчитали 54

человека живых и двоих мертвецов. За дорогу у нас погибло шестеро. А сколько во всем эшелоне? Мы об этом не знали. Насколько я мог понять из отрывочных фраз гитлеровцев, цифра смертности отнюдь не показалась им большой. Скорее они выглядели недовольными, как люди, недовыполнившие норму.

Житомирский лагерь-лазарет, куда нас пригнали, располагался неподалеку и, конечно же, был тщательно обнесен колючей проволокой.

До сей поры коробит меня, как подумаю, что чистое слово "лазарет" гитлеровцы лепили к своим фабрикам смерти! В житомирском "лазарете" ждало нас то же, что и везде: тюремные камеры, именуемые палатами, голодная баланда, неизбежно и быстро вызывающая дистрофию, холод, колючая проволока и всюду подкарауливающий тебя черный зрак автомата.

Надо сказать, что при спешной эвакуации из Днепропетровска и пленные и списки в значительной части перемешались, в лицо нас на новом месте никто не знал, к тому же и умерло за дорогу немало людей, трупы их были сняты в разных пунктах пути. Появилась возможность перемены фамилий.

Попасть в офицерский лагерь нам, естественно, не хотелось. Всем было известно, что комсостав охраняется немцами особенно тщательно.

В числе других собирались "переменить звание" и мы трое: Владимир Мукинин, Сергей Ковалев и я.

Тут же, ночью, быстро посоветовались, как лучше это сделать.

Мукинин предложил заменить все данные: фамилию, имя, отчество, звание и возраст.

Житье под чужим именем - вещь далеко не простая, требует не только железной выдержки, но и большого умения.

Я и посоветовал товарищам не менять все. Пожалуй, заменив все данные, мы, с нервами, вконец измотанными, и полным отсутствием школы, можем сорваться, а это грозит не меньше как избиением и заключением в строгий карцер, а то и хуже.

Решено было заменить фамилию, звание и год рождения, во что бы то ни стало "постареть". Чем дальше шла война, тем труднее, видно, становилось у немцев в тылу. Если в первых партиях они угоняли в Германию только молодых, то к сорок третьему году "не брезгали" уже и людьми постарше.

Примерно через неделю нас вызвали. Вместе с другими пленными мы подошли к регистрационному столу. Там сидели два немецких унтер-офицера и писарь из русских пленных. На вопрос: "Фамилия, имя, отчество, год рождения?" я ответил: "Карпов Иван Федорович, 1893 года". Подполковники Мукинин и Ковалев записались - Николаев и Сергеев.

Эту новую фамилию я и носил с февраля по ноябрь 1943 года, вплоть до самого побега из Славутского лагеря. Только в партизанском отряде, когда потребовалось представить списки в штаб, я был снова записан как полковник Хомич Иван Федорович.

Жить под чужой фамилией очень тяжело, особенно первое время. Бывало кто-нибудь позовет: "Карпов!", а ты молчишь, будто не к тебе обращаются. В обращении между собой нам фамилии не требовались, поэтому даже на людях я, Ковалев и Мукинин, большую часть времени проводившие вместе, могли переговариваться без особого напряжения, а вот с посторонними приходилось очень нелегко.

Помню, несколько раз я чуть не провалился - ко мне обращаются, я не отвечаю. Пришлось на контузию ссылаться. Из севастопольских боев редко кто вышел без увечий.

Но как ни напряженно держались мы, в особенности первое время, все-таки опасность попасть в офицерский лагерь отодвинулась, а это в тот момент для нас было главным.

Смертность от голода и истощения на житомирской "фабрике смерти" была очень высока. Полагалось на человека около четырех граммов жиров, 250 граммов хлеба, состоящего в значительной степени из суррогатов, сахара не полагалось. Удивительно, что даже на нищенских этих нормах немецкие лагерные унтеры и ефрейторы умудрялись наживаться, отправляя еженедельные посылки к себе домой, в Германию.

А пленные умирали.

"Старожилы" рассказывали, что в зиму 1941/42 года около первого корпуса лежали штабелями сотни трупов. Больше двух месяцев мертвецов не хоронили, а просто складывали, как поленья. К весне они были зарыты только потому, что фашисты боялись инфекционных заболеваний.

В конце февраля в наш лазарет привезли двух пленных из рабочего лагеря. Оба были сильно обморожены, один ранен в грудь, другой весь в кровоподтеках.

Если присмотреться, оба молодые, но на первый взгляд выглядят почти пожилыми, такую печать наложил, плен. Раненых повидал я на своем веку немало, но на свободе никакое физическое страдание не старит так человеческого лица.

Первые дни раненые были молчаливы и замкнуты. Как знакома была нам эта осторожность даже со своими, даже с людьми, говорящими по-русски, тоже привитая в плену!

Постепенно парни все-таки освоились. Один из них, тяжело дыша, то и дело отдыхая, однажды стал рассказывать:

- Нас каждый день гоняли на работу в лес, заготовлять дрова и древесину, которую немцы увозят в Германию. Одежонка и

обувка у нас плохая. Фрицев это, конечно, не беспокоило. Знали одно: "Рус - давай, давай!" Чуть зазеваешься, получишь палкой по спине, а то и по башке. И так каждый день. Стояли холода, мы мерзли. Немцы были одеты, и то в лесу охрана целыми днями у костра грелась. Голодный не очень наработаешь, а немец шумит. Да не только шумит, частенько и полоснет наотмашь.

- Ну, а вы все молчали? - спросил кто-то из наших.

Раненый внимательно посмотрел на спросившего, на всех нас. В нем все еще боролась настороженность заключенного с привычным доверием к своим, советским, людям.

- Молчали, да не всегда, - ответил он. - Один раз бросился наш человек с топором на часового. Только не успел. Его тут же прикончили и бросили, как собаку, в лесу, даже не зарыли, и нам запретили к трупу подходить.

Больные слушали молча. Рассказчику предложили махорки. Он свернул "козью ножку" и продолжал:

- По лагерю пошел слух, что скоро загремим в Германию. Мы задумали обязательно бежать. Вначале хотели напасть на охрану, обезоружить и податься в лес, но никак это не удавалось, не было подходящего момента, охрана очень зорко следила.

Парень затягивался жадно, глубоко западала обмороженная кожа на худых щеках.

- Видать, почуяли, изверги. А может, и донес кто, - сказал он сдержанно.

- А разве были среди вас предатели? - спросили его.

- Везде скоты найтись могут, - не глядя, заметил раненый. На эту тему он явно не хотел говорить даже с нами, к которым, конечно, почувствовал доверие. Иначе бы ничего вообще рассказывать не стал.

- Так вот, - продолжал он. - Вечером стали нас строить, как всегда, в колонну. В лагерь вести. Мы немного отошли, как будто по нужде. В общем тянем. Охрана шумит, торопит. А тут уж темь надвинулась. Немцы зазевались, охрана разбрелась по колонне. Ну мы и дунули в лес. Поднялась пальба, свистки, сейчас же спустили собак. Приятеля моего сразу угробили, пуля в голову попала, меня ранило в грудь, я даже двести метров не успел пробежать. А трое все-таки скрылись. Правда, вот еще земляка приволокли в лагерь вечером. Он залез в болото, но его нашла овчарка.

Парень повернулся к своему почерневшему от побоев товарищу и спросил:

- Землячок, ты еще жив? Сильно тебя молотили. Тот насилу разжал губы, а все-таки заговорил:

- Хвалиться нечем. Вначале сильно били. Хотели

пристрелить. Вступился какой-то пожилой немец, заспорили, он отнял. А то бы убили. А двое все-таки ушли в лес!

Последние слова он выговорил сильно, с торжеством. И замолчал. Глаза закрыл. Видно, устал.

Уверен, все в знобяще холодной камере-палате думали в этот миг о тех двух, что всё-таки ушли, полураздетые, голодные, и пробираются сейчас в зимнем лесу к своим, свободным людям. Наверно, каждый из нас позавидовал им по-хорошему и от всей души пожелал дойти до тепла, до друзей.

Потом задумался я и о пожилом немце, отбившем русского пленного от своих озверелых соотечественников. Ему ведь этот поступок чести не прибавит! Мне вспомнились заключенные немцы, которых выводили в днепропетровской тюрьме на прогулку. Похоже, не так уж монолитен и однороден этот прославленный Райх...

Но самым важным в нашем положении был последний вывод ив рассказа раненного в грудь паренька и его изувеченного товарища - все-таки это плохо, когда из пятерых уходят два, а трое вряд ли встанут на ноги. Надо готовить побег тщательней, чтоб меньше жизней бросить под ноги гитлеровскому зверью.

Пострадавшие при неудачном побеге пленные протянули первую ниточку связи заключенных с рабочей частью лагеря.

Вскоре в лазарет как раз по соседству со мной был положен больной с высокой температурой. Однако болезнь его быстро пошла на убыль и через неделю его выписали.

Уже позднее узнали мы, что в лагере создана группа побега, что готовится подкоп, что "больной" при помощи надежного врача был устроен в лазарет специально для того, чтобы выяснить, подходит ли наша "троица" в группу побега.

Надо пояснить, что пригодность в данном случае определялась не только политической надежностью, моральной стойкостью. В тех условиях участник группы обязательно должен был обладать и относительно немалым запасом физических сил. Ведь не смогут же тащить его на себе товарищи. Один ослабевший свяжет руки остальным...

Такое рассуждение может показаться кому-нибудь жестоким, а ведь оно правильное. Война - вообще дело суровое, силы требует.

Как раз по этому признаку я вызывал большое сомнение. Не то что бежать (а ведь придется!), но и передвигаться я мог с трудом.

Нужно было во что бы то ни стало укрепить здоровье тренировкой. Украдкой, но надо было ходить. Вот и принялся я весь в поту от слабости отсчитывать шагами сотни, а потом и

тысячи метров. Разумеется, это надо было делать осторожно, чтоб не возбудить подозрения лагерного начальства.

Одним из главных руководителей подкопа и готовящегося побега оказался бородатый лагерный кочегар с умными голубыми глазами по фамилии Мельник.

До плена Мельник служил в авиации. В лагере ему удалось скрыть свою принадлежность к этому роду войск, которым немцы всегда особо интересовались. Мельник устроился кочегаром. Работа давала ему возможность свободно ходить по всему лагерь-лазарету и - что очень важно - встречаться с рабочими, которые выходили за проволоку. Немцы не выделяли лошадей для подвоза продуктов, пленные впрягались в повозку и на себе подвозили дрова и продукты в лагерь-лазарет. Появилась возможность связи.

Для маскировки Мельник отпустил большую рыжую бороду, изменил походку, почти идеально замаскировал свой облик и возраст.

Можно было смело принять его за старика, по записи в лагере он числился рождения 1896 года, хотя на самом деле ему было всего 37 или 38 лет. Шинель на нем вечно внакидку, без хлястика, на голове - старая облезлая ушанка с распущенными наушниками, солдатская фуфайка, ватные стеганые брюки, рваные кирзовые сапоги. Трудно было заподозрить в этом простоватом старике молодого, сильного подполковника авиации.

Мельник готовил подкоп, довольно широко привлекая людей. Он считал, что мероприятие с подкопом имеет двоякое значение - и для тех, кто сможет бежать, и для тех, кто узнает потом о побеге. Действительно, подкоп многих пленных как-то встряхнул, пробудил от отупляющей безнадежности, утроил их силы в борьбе со смертоносным режимом плена.

Практически я не мог принимать участия в работах, потому что был болен. Но все последние недели я буквально ощущал, как растет наш маленький тоннель, будто из него шел ко мне свежий воздух.

С Мельником мы встречались несколько раз, он выслушал внимательно мои соображения о том как придется нам пробираться к линии фронта. Строя планы побега, я, конечно, опирался на слухи, но все же подготовка строевого командира и старого пограничника помогала.

Общее направление движения мы определили, а дальше сама обстановка в лесу должна была подсказать, что делать.

В первой половине апреля 1943 года подкоп был почти закончен. Намечено было вывести большую группу пленных.

Однако стояли холода, близилась распутица, пленные были

одеты плохо, у многих - рваная обувь. При таком положении выводить людей в лес было рискованно: раздетые и истощенные, они могли погибнуть.

В середине апреля потеплело, солнце светило уже по-весеннему. Мы решили выждать еще несколько дней, пока обогреется земля, и - тронуться.

Выждали. Теперь - на одну только ночь - нам нужна была плохая погода, с темнотой, с ветром. Ночи же как на грех стояли тихие и лунные.

И вот нежданно-негаданно, когда уже лесом, можно оказать, на нас повеяло, произошел провал.

Знать в подробностях, как произошло это ужасное событие, тогда я, конечно, не мог. Внешне все выглядело примерно так.

Однажды под вечер немцы забеспокоились, в лагере появились овчарки. Тем же вечером нашей группе - Мукинину, Ковалеву, мне и еще нескольким человекам было сообщено, что два предателя, случайно подслушавшие разговор, сообщили о подкопе немцам. Их даже называли: один - Корбут или Карабут из Нальчика, другой - Белов, до войны работал где-то продавцом.

Подкоп провалился... Одно это известие могло лишить остатков спокойствия. Но ведь надо еще было ждать, насколько осведомленными о составе групп окажутся немцы. За попытку к побегу полагалась виселица.

Вечером немцы ничего не нашли. К ночи они усилили охрану. Включены были прожекторы, вокруг лагеря до утра горел свет. Все больные были по тревоге выведены во двор, где и простояли до утра. Немцы ходили, присматривались к лицам, то и дело пересчитывали нас. Утром всех под усиленной охраной отвели в корпус на старые места.

Позднее я узнал, что только нескольким счастливцам, которых начало тревоги застало непосредственно у подкопа, удалось все-таки бежать. Среди них оказался и Мельник.

На немцев подкоп и побег даже этих одиночек произвели гнетущее впечатление. По лагерю разнесся слух, что первое сообщение о побеге в Житомире немецким начальством было расценено следующим образом: дескать, на лагерь напали партизаны, освобождают пленных, после чего, соединившись, те и другие нападут на город.

Начальство немедля отдало приказ: поднять по тревоге житомирский гарнизон, приступить к окапыванию и организации обороны. Только спустя некоторое время храброе начальство, не слыша нигде стрельбы, не видя и признаков нападения на гарнизон, приободрилось. Тогда-то нас в последний раз пересчитали, чтоб выяснить, наконец, сколько же народу ушло в

лес.

Утром приехали офицеры СС, подкоп был найден. Пришли рабочие, всё в тот же день забили и засыпали выход за проволоку. С тех пор в лагерь ежедневно приезжали все новые и новые группы гитлеровских офицеров. Все внимательно осматривали место, откуда проложен был наш ход на волю, и подолгу между собой разговаривали.

Немецкий унтер-офицер медицинской службы рассказал нашим врачам, что за всю войну это был второй случай, когда пленные построили выход из лагеря под землей. Впервые французы сделали двадцатиметровый выход за проволоку. Житомирское "метро" имело 60 метров. В шутку немецкий унтер сказал:

- Русские на триста процентов превзошли французов.

Раньше Днепропетровск, теперь уже и Житомир показался гитлеровцам ненадежным тылом. Спустя несколько дней они начали эвакуировать лазарет, в котором размещалось около трех тысяч раненых и больных пленных.

Этих "фабрика смерти" еще не успела перемолоть.

Операция с массовым выходом в лес сорвалась. Однако каждый пленный сделал для себя вывод, что все-таки можно уйти из плена, несмотря на колючую проволоку в несколько рядов, охрану, внутреннюю полицию и овчарок - этих вечных спутников фашистских тюремщиков.

Основной недостаток подготовки - как решили мы с товарищами после всестороннего обдумывания - заключался в отсутствии серьезной конспирации. Все-таки без должной строгости подбирались люди, умеющие хранить тайну.

Не все люди одинаковы, даже за колючей проволокой в плену у врага, где, казалось бы, всех должно объединить одно стремление - домой, на свободу. Возможность столкновения с подлецами тоже надо было предвидеть.

Характерно, что историю с подкопом немцы всячески замалчивали. Репрессий особых не было. Видно, состав собиравшейся бежать группы предателям известен не был.

Житомирский лагерь-лазарет гитлеровцы ликвидировали, пленных развезли по другим лагерям. А с этими пленными приходила в другие лагеря и слава нашего подкопа.

В Славуте

Утром шестого мая наш эшелон подошел к военному городку. Виднелись почерневшие, закопченные корпуса. Здание обшарпаны, всюду следы войны и разрушений.

Издали кажется - лагерь мертв и пуст. Только охрана на сторожевых вышках да фигуры гитлеровцев, медленно прохаживающихся вдоль колючих заборов, напоминают о том, что здесь тюрьма.

Дрогнули, остановились вагоны. Как обычно - в который уже раз! - сначала послышался резкий говор приближающихся немцев и лай собак. После проверки пломб на дверях началась разгрузка. Вагоны разгружали, пересчитывали пленных и выстраивали всех в одну колонну. Многие сами двигаться не могли - каждый переезд в ужасающих антисанитарных условиях свое дело делал, - таких клали на носилки, санитары из числа пленных же молча уносили умирающих в лазарет. После окончания разгрузки в вагонах, как всегда, остались трупы.

Ходячие тронулись. Высоко над колонной поднялась пыль, по бокам шел усиленный конвой, лаяли откормленные собаки. Беспрерывно слышалась команда: "Шнель! Шнель!" Гулко раздавались удары палок по спинам и головам.

А кругом шумел сосновый лес, виднелись и березки, и мощные дубы. Мы узнавали деревья с болью и радостью, как друзей, насильственно отторгнутых от нас...

Распределение по корпусам продолжалось недолго, медицинские показатели мало кого интересовали. Оно и понятно, всерьез гитлеровцы не собирались, конечно, никого лечить.

Слявутский лазарет носил название "Большого" не потому, что был хорошо с точки зрения медицинской оснащен, а только лишь по той причине, что в шести его корпусах содержались более 10000 пленных.

Из лекарств, кроме йода и марганцовки, не было почти ничего, умирали люди ежедневно. Трупы гитлеровцы зарывали за колючей проволокой, в длинных траншеях.

К весне 1943 года в этих общих могилах было зарыто около 100000 тел. Таков результат работы этого "медицинского учреждения" за два года!

О питании нечего и говорить. Если кто-нибудь из пленных видел, как на кухню везли дохлую лошадь, по корпусам шел слух:

- Сегодня баланда праздничная, мясная!

В первые же дни после прибытия нашего эшелона весть о Житомирском подкопе распространилась среди пленных. Весь славутский лазарет заговорил о нем. Вполне естественно, что от мыслей о житомирском подкопе люди переходили к размышлениям о том, нельзя ли опыт "житомирцев" использовать в Славуте. К тому же кругом, так близко, кажется, лес шумит, зовет, манит на свободу...

"Гросс-лазарет" и рабочий лагерь размещались в зданиях

бывшего военного городка. Городок строился в наше, советское, время, все здесь было оборудовано по последнему слову техники: в свое время действовали паровое отопление, канализация, существовали хорошая библиотека, спортивная площадка. Теперь, конечно, все это было разрушено. Наши люди стали думать, нельзя ли использовать для. выхода в лес большое подземное хозяйство городка.

Удалось несколько раз облазить подземелье, однако выхода наружу не нашли. Все корпуса были опоясаны многорядным высоким забором из колючей проволоки. За проволокой несли охрану "власовцы" - попросту предатели, которые пошли на службу к немцам. На сторожевых вышках стояли парные посты гитлеровцев, вооруженных пулеметами и автоматами. Двор каждого корпуса отгорожен от другого колючей проволокой. В заборе сделаны калитки для внутреннего общения. У калитки стоит внутри лагерная полиция из прохвостов, которая разрешает проход из корпуса в корпус только медперсоналу и администрации. Пленных пропускали через эти калитки лишь в том случае, если они направлялись с запиской от врача. На ночь гитлеровцы из лагеря уходили, оставалась только внутренняя полиция и охрана за колючей проволокой. Каждый день в лагерь-лазарет являлось немецкое начальство, все осматривало, проверяло, а вечером уезжало. Перед закрытием корпусов на ночь унтеры и ефрейторы проходили по двору с овчарками и снова все осматривали и проверяли.

При таком положении уйти в лес было трудно.

Вое мы ломали головы, раздумывая, как же выбраться на волю?

Вначале многие пробовали подходить к забору и заговаривать с охранниками, попытались как-то достучаться: до их совести. В принципе эта затея мало сулила успеха, но гибнувшие люди хватались и за соломинку. "Гросс-лазарет" свое дело делал. Каждый день две пароконные повозки вывозили мертвецов. Никто не знал, когда придет его очередь.

Разговор с охраной обычно начинался с поисков земляков. Гитлеровцы быстро учли чувства землячества и дали предателям приманку.

За каждого пленного, убитого у проволоки, охранник получил: благодарность по службе, 50 карбованцев оккупационных украинских денег, одну пачку махорки и буханку черного хлеба. Вот и вся цена жизни пленного!

Находились негодяи, стреляли.

Каждый по-разному переносил эту гнетущую обстановку. Но подавляющее большинство людей держалось все-таки

удивительно достойно. Иногда доходило и до казусов.

Сергей Ковалев (после замены фамилии - Сергеев), например, и в плену отличался аккуратностью, его кирзовые сапоги блестели, он всегда носил за голенищем сапога лоскуток шинельного сукна и помногу раз в день Чистил и тер им сапоги. Обмундировацие на нем сидело хорошо, костюм ему чудом удалось сохранить еще тот, который он носил в Севастополе, когда командовал 142-й стрелковой бригадой.

В тюрьме Сережа числился подполковником, его одежда, обувь никому не бросались в глаза. Здесь же в Славуте он стал рядовым, носил чужую фамилию, некоторый лоск и подчеркнуто подтянутый вид Сергеева могли привлечь внимание разных шпиков. Как правило, все пленные были одеты плохо, все хорошее было давно снято с них и заменено рванью. Об этом мы с Мукининым-Николаевым не раз говорили Сергею, урезонивали его, устрашали, наконец. Однако ничто не действовало. Сергей только злился и говорил, что своим опрятным видом он, кажется, никому не мешает. Обычно после такого разговора он молча пристраивался где-нибудь в укромном месте, доставал суконку и до блеска тер свою кирзу.

В "Гросс-лазарете" Славута нашу "троицу" - Карпова, Сергеева и Николаева разместили в третьем корпусе на втором этаже. Ходили упорные слухи, что учетчиком в этом блоке служит немецкий прихвостень, который Обо всем доносит гитлеровцам. Такие гаденькие людишки были очень опасны, они жили среди пленных, выведывали настроения и обо всем доносили фашистам за "плату" в виде лишнего котелка баланды или дополнительного куска хлеба.

Но вскоре произошла и чрезвычайно радостная встреча. Прошло несколько дней нашего житья на новом месте, и Сергея Ковалева случайно узнал молодой врач из его бригады, тоже попавший в плен... Врач очень обрадовался и с риском навлечь на себя подозрения немцев стал оказывать своему бывшему комбригу всяческое внимание и заботу.

Долю этой заботы чувствовали и мы с Мукининым - врач иногда ухитрялся принести нам котелок "улучшенной", для обслуживающего персонала, баланды.

Плен есть плен, и здесь более чем где-либо приходится относиться к людям с разумной осторожностью. Мы тщательно разузнавали, как ведет себя этот врач.

Все без исключения пленные отзывались о нем хорошо. Человек этот и в плену остался настоящим патриотом и сделал советским людям много добра.

Монотонно, тоскливо тянулись голодные дни в "Гросс-

лазарете". Близость леса, теплые дни, слухи об успешных операциях наших войск на фронтах и действиях партизан в немецком тылу - все это возбуждало, заставляло усиленно раздумывать над вопросом - как уйти?

Бывало целые ночи лежишь на нарах и придумываешь различные варианты побега. Потом наступит утро, проверишь ночные мысли и придешь к заключению, что лучше надо думать, и снова: думы, терзания, бессонница. Часто в голову приходила мысль: а что, если прямо и открыто напасть на охрану?

Весь день бывало присматриваешься во дворе лагерь-лазарета к охране, к конвоированию пленных на работы, прикидываешь, как завладеть оружием, как обезоружить конвой.

Из лагеря ежедневно уводили пленных за проволоку копать траншеи для мертвецов. Мы занялись было изучением этого вопроса. Предполагалось попасть в рабочую команду, на месте досконально продумать возможность нападения на конвой и совершить побег.

Однако события развернулись неожиданно. Под вечер всех нас троих вызвали в канцелярию. Я высказал предположение, что учетчик-прихвостень решил лично перезнакомиться с вновь прибывшими, чтоб запомнить наши лица. А поскольку нам знакомство это ни к чему, то лучше сегодня от встречи как-нибудь увильнуть, а завтра перебраться в другой корпус. По различным медицинским показателям больных переводят, врач знакомый есть, может помочь.

Однако товарищи с моим пожеланием не согласились, решив остаться в третьем блоке именно потому, что здесь - знакомый врач.

Подумав, мы договорились побыть пока в разных блоках, разумеется поддерживая связь. На другой день меня с другими одиннадцатью пленными утром увели в шестой блок, Сергей и Владимир остались на старом месте, в третьем.

Когда нашу группу переводили из блока в блок, пленные шли медленно, еле волоча ноги. Мало кто храбрился, стараясь идти нормальным шагом.

Мы уже миновали двор четвертого блока, когда вдруг услышали громкий голос и возмущенные слова одного из пленных. Ни к кому не обращаясь, он ругался:

-- Вот сукины сыны, просто свиньи! Сколько и им рассказывал о своих делах, а немцы-гады смеются. Не верят, что ли? Морят меня голодом, гоняют из блока в блок, как и всех!

Слева шел сопровождавший нас санитар. Он пристально поглядел на говорившего и сказал:

- Подумаешь, какая цаца! А что ты за птица? Почему это тебя

должны выделять, нянчиться с тобой?

Изъявлявший недовольство пленный был худой, небольшого роста, средних лет. Он сказал в сердцах:

- Я делал такое, что тебе и во сне не снилось! Жил в станице - сжег амбар с хлебом, а когда стали искать виновных да присматриваться ко мне, я подался в город на тракторный - рабочим. Там стал учиться на токаря, а когда выучился, стал портить сложные станки.

Санитар развел руками и сказал серьезно:

- Ну, по твоим рассказам ты просто - штандарт фюрер!

Я подумал: "Мало к тебе, черту, присматривались". Подымаясь по лестнице, я услышал:

- Как только земля носит таких людей!

В шестом блоке нас разместили на верхнем этаже. Света не было. По вечерам люди долго не спали, сидели на подоконниках, смотрели в лес, своих вспоминали, семью, жену, детей...

Так прошло дня два или три. Вечером, как и всегда, мы сидели на подоконниках. На верхнем этаже блока решеток не было, летом всю ночь окна не закрывались. На дворе темно, на небе ни единой звездочки. Один раненный в грудь навылет, у которого все зажило, жаловался вполголоса, боялся, чтоб его не "выписали" и не отправили в Германию.

Он говорил:

- Пожалуй, угонят... А там шахты, рудники. Вот бы сейчас да затрещали пулеметы с леса! Охрана стала бы прятаться, а мы - в лес.

Только он это смазал, как в соседнем окне раздался страшный крик. И сразу все смолкло. Только слышно было, как что-то тяжелое шмякнулось во дворе.

Высунулись, посмотрели в сторону соседнего окна, никого не видно, все тихо. Ну и у нас молчком-молчком все разошлись.

Утром санитары вытащили труп вредителя в подвал - морг.

Пришел полицай блока и стал выяснять, как это случилось. Ясного ответа на вопрос он не получил. Фельдшер сказал:

- Наверно, сдурел. Не станет нормальный человек прыгать из окна ночью. Кто-то отозвался:

- А может, он и не прыгал, почем звать? Тут заговорили другие:

- Не святой дух спустил его на землю.

Полицай стоял, моргал, моргал своими бычьими глазами, да наконец и испугался. По лицу было видно. Понял главное, что ночью не следует ходить туда, где окна открыты.

В лагере много и с любовью говорили о том, что в славутских лесах, хоть и не очень велики их массивы, славно действуют наши

партизаны.

Мне вспомнилось, с какими предосторожностями везли нас сюда гитлеровцы.

Помню, больных вывели во двор житомирского лагеря, раздели догола, обыскали, рубцы одежды прощупали и только после этой нудной процедуры решились приступить к погрузке.

В сумерках второго дня поезд остановился на глухой станции и простоял целую ночь. Несмотря на сильный конвой, автоматы и пулеметы, пустить поезд ночью через лес немцы не решились. Им везде, где только попадалась небольшая рощица, мерещились партизаны. Все мы тоже ждали нападения партизан в пути, но этого, к большому нашему горю, не случилось.

Особенно возросла партизанская слава в 1943 году. Говорили, что партизаны взрывают склады, пускают под откос воинские эшелоны, даже нападают на гарнизоны, полицейские участки и разные немецкие комиссариаты.

В "Гросс-лазарете" пользовалась широкой известностью история о том, как партизаны обвели вокруг пальца немцев и спасли большую группу пленных. Передавался рассказ пленными примерно так.

Был обеденный час. Немецкая администрация лагеря, закончив обход лазарета, ушла на обед. В канцелярии пятого блока оставался только шеф и пленные врачи, которых шеф вызвал для дачи каких-то указаний.

Роздали баланду, больные поели и занялись кто чем. Слабые повалились на нары, а ходячих весеннее теплое солнце потянуло во двор.

К воротам "Гросс-лазарета" подошли два грузовика с немцами. Рядом с шофером в кабине первой машины сидел офицер. Он что-то важно сказал унтеру. Когда машины въехали во двор, унтер с автоматчиками соскочили с машины и направились в канцелярию пятого блока. Машины, сделав разворот, стояли между пятым и шестым блоком, офицер курил, посматривал по сторонам и молчал. Из канцелярии блока выбежал шеф - унтер-офицер санитарной службы - и направился к офицеру в машине. Откозыряв, он стал что-то докладывать, но офицер закричал и, указывая на бумагу, грозно потребовал у шефа выполнить приказ. Во дворе стали хватать первых попавшихся пленных и грузить на машины. Шеф блока шумел и торопил погрузку.

Как выяснилось после, в предписании значилось: "Выделить немедленно в распоряжение офицера 100 человек здоровых пленных, исполнение донести".

Офицер сказал шефу, что некоторую часть пленных он может

взять на свои грузовики, за остальными сейчас -подойдут машины. Вторая машина, в кузове которой находилось несколько человек, одетых в крестьянскую одежду, и два или три вооруженных немца, ушла за ворота недогруженной. Здоровых пленных стали выстраивать у пятого блока и ждать остальных грузовых машин.

Пленные стояли долго. Шеф ушел в канцелярию лагеря докладывать, Через некоторое время в лагере поднялась тревога. Вооруженные гитлеровцы забегали по лагерю, стоявших у пятого блока пленных стали разгонять тумаками и прикладами. В лес на больших скоростях прошло четыре или пять машин с вооруженными немцами. Спустя некоторое время из леса в лагерь донесся звук автоматной и пулеметной стрельбы. Позднее в лагере говорили, что это был бой засады партизан с теми гитлеровцами, которые бросились преследовать машины, увозившие пленных в лес.

Долго вспоминали в лазарете об этом случае. И как жалели люди, что именно они не оказались в этот день во дворе пятого блока!

Прошло дней десять после моего перехода в шестой блок. Однажды вместе с другими больными я слонялся по лагерному двору. Вдруг появился санитар, стал вызывать:

- Карпов! Карпов!

На фамилию чужую я уже научился откликаться, но от всяческих вызовов всегда старался увиливать. Я сделал вид, что не слышу. Подошел сосед по нарам и сказал:

- Вас спрашивают.

Вслед за ним подошли санитар и фашист, вооруженный пистолетом. Это был унтер, невысокого роста, очень пожилой. Он скомандовал следовать за ним и повел меня к рабочим корпусам, где помещалась канцелярия. По дороге унтер, покручивая рыжеватые усы, на довольно понятном русском языке сообщил мне, что Россию знает хорошо, потому что в ту войну шестнадцатый и семнадцатый годы провел в плену, в Сибири, где и по-русски выучился говорить.

Я заметил:

- Значит, вам понятна жизнь пленного? Унтер сказал:

- Немецкий плен - плохо, голодный. Русский было корашо.

Потом признался, что и ему плохо. Он вот старик, австриец, а приходится служить.

Вошли в канцелярию. Унтер доложил, что привел пленного. Через две - три минуты меня ввели в небольшую комнату. За письменным столиком сидел мрачный гауптман, гитлеровский капитан средних лет, и курил. На столе перед ним лежали какие-

то бумаги. Рядом со столом стоял свободный стул, но гауптман не предложил сесть.

Надо сказать, что с тех пор, как мы решили скрыть звания и принадлежность к старшему комсоставу, мне доставляла немало хлопот моя привычная военная выправка, которую теперь приходилось тщательно скрывать.

Когда человек с юности до пятого десятка носит военную форму, никакая болезнь, никакое истощение не выбьют из него строгой армейской выправки.

Войдя к гаугттману, я еще раз "проверил" себя, ссутулился, спал так, как обычно стоят гражданские люди преклонного возраста. Им руки как будто всегда мешают. Я сложил руки и животе.

Гауптман молча смотрел на меня, старательно изучал внешность и своими колючими глазами старался пронизать меня насквозь, узнать все мои думы. А думы у меня в то время были самые простые: "Стукнуть чем-нибудь тяжелым по башке этого фашиста, взять его оружие и уйти в лес". Но... поблизости ничего подходящего не было, в комнате находились два вооруженных человека - гауптман и унтер.

Пришлось отложить эту затею, стоять и молча ждать, пока гауптман закончит свое обозрение.

После долгого сосредоточенного молчания спросил:

- Официр?

- Нет, - послышался ответ.

- Что ви делайт, когда призвали армия? Я ответил:

- Призван в феврале 1942 года, служил писарем в штабе 95-й стрелковой дивизии.

Немец спросил фамилию, имя, отчество, год рождения, профессию. Гауптман плохо понимал по-русски, переводил конвойный австриец. Я ответил:

- Карпов Иван Федорович, рождения 1893 года, учитель сельской школы,

Все время, пока я говорил, немец смотрел то в учетную карточку, то мне в глаза, стараясь уловить неточность или заминку. Я стоял свободно, повторяя просто и ясно все то, что сочинил в Житомире, когда проходил регистрацию.

Затем гауптман спросил, чему я учил в сельской школе. Я рассказал о программе такой школы.

После некоторой паузы он снова стал рассматривать бумаги. У меня мелькнула мысль: "Неужели известно, что накануне войны я учил офицеров Красной Армии в Военной академии имени Фрунзе?" Но затем я прогнал эту мысль. Из дальнейших вопросов можно было догадаться, что кто-то донес о моей принадлежности

к комсоставу и гауптман решил прощупать меня и проверить.

Подняв голову и оторвав глаза от бумаг, он спросил:

- Так ви утверждаете, что не официр, а почему? Я спокойно пояснил, что не учился в военном училище, а в офицеры производят только тех, кто имеет военное образование.

Гауптмам, помолчав, снова посмотрел в бумаги и, подняв голову, что-то сказал по-немецки. Унтер перевел. Оказалось, он говорил, что у меня и теперь вид предводителя.

Я улыбнулся с горькой наивностью и сказал:

- Вольно вам, господин капитан, смеяться над пленным стариком.

Гауптман засмеялся. Видно, ему самому очень нравилась собственная шутка вид-то у меня действительно был непрезентабельный: высокого роста, но сутулый, лысый, до невозможности тощий старик в ватнике, солдатских брюках, кирзовых нечищеных сапогах...

Только один был момент в этом допросе, когда я едва не сорвался. Свою-то новую фамилию я усвоил прочно, а вот, когда гауптман спросил меня об имени, отчестве жены, я каким-то чудом не ответил:

- Хомич, Ольга Михайловна.

Холодный пот прошиб меня в эту минуту. Но в общем "поединок" наш закончился моей победой. Так, наверно, никогда и не узнал этот фашистский шалопай, что беседовал-то он все-таки с полковником Советской Армии и что не пройдет и трех месяцев, как полковник этот будет в партизанском отряде.

Скоро я увиделся с Ковалевым, Сергей мне рассказал:

- Примерно через неделю после попытки вызвать вашу "троицу" в канцелярию блока меня вызвали в канцелярию лагеря. Разговор вел капитан. Он предложил мне сесть и в очень любезной форме сообщил, что немцы знают меня как офицера. "Все воробьи на крышах третьего блока знают, что вы офицер", - сказал он.

Я продолжал упорствовать и отказываться. Тогда гауптман намекнул, что в блоке есть врач, который служил в том соединении, которым я командовал. Я понял, что дальнейшее запирательство могло только навредить... Стал думать, как вывернуться, и быстренько придумал такую историю, которую гауптману и рассказал: "Действительно я раньше был офицером и командовал стрелковой бригадой, но, когда бригада прибыла в Севастополь, я был отдан под суд военного трибунала, и решением трибунала меня разжаловали в рядовые".

Лицо гауптмана выразило как бы сочувствие моему горю, он стал расспрашивать о причине разжалования в рядовые меня,

такого крупного офицера. Пришлось дальше сочинять: "Стрелковая бригада, которой я командовал, опоздала на погрузку в Севастополь всего лишь на пятьдесят минут, однако начальство посчитало, что я сорвал оперативный план, не выполнил боевой приказ, меня отдали под суд военного трибунала и разжаловали".

Гауптман вздохнул и сказал: "Какая строгость". Затем помолчал, подумал и заявил: "Немецкое командование может восстановить вам чин".

Я поблагодарил гауптмана за заботу и сказал: "Я считаю, что офицер на строгость не должен жаловаться, можно жаловаться только на несправедливость, но здесь все было правильно. Мое правительство присвоило мне звание, оно же меня и лишило звания, причем за дело".

Гауптман смотрел и молчал. Я продолжал: "Это обстоятельство не известно врачу, так как все произошло в Севастополе уже в последние дни перед катастрофой. Вот почему я считаю себя рядовым, а другие - офицером".

Из канцелярии меня отправили обратно в третий блок.

И тревожно и горько было мне все это слушать.

- Неужели твой врач?.. - спросил я. Сергей меня уверенно успокоил.

- Нет, он на такое неспособен. Все случайно произошло. В тот день, когда он меня увидел, он на радостях рассказал товарищу, что встретил своего комбрига. Нашелся тип, передал учетчику, а тот донес немцам. Вот и все.

Оно хоть и "все", а радостного было мало. Я снова настойчиво посоветовал Сергею перебраться в другой блок, не мозолить глаза, затеряться среди пленных. Все-таки их в каждом блоке по полутора тысяч.

Но Сергей заявил, что теперь уж, во всяком случае, переходить не стоит, гауптман надежно околпачен.

А недели через две я узнал, что Сергея выписали из лазарета и куда-то отправили, может быть в офицерский лагерь, а возможно, и в Германию.

"Метро" в Славуте

Десятки, сотни тысяч пленных гибли в гитлеровских тюрьмах, лагерях и так называемых лазаретах. Гибли неминуемо, и это быстро становилось понятно всякому, кто попадал на фашистские "фабрики смерти". Естественно, что желание уйти из плена было единственной целью. Люди рисковали всем: безоружные нападали на конвой, пробирались сквозь колючую проволоку, под носом охранников пытались убегать во время транспортировки с каторжных работ.

Когда пришел эшелон из житомирского лазарета в Славуту, немцы пустили слух, что привезли штрафников. Такая "реклама" привлекла к нам внимание многих. Особенно же заинтересовался житомирскими делами пленный, молодой врач Лопухин.

О человеке этом можно и нужно сказать много хорошего. Роман Лопухин - одна из самых светлых личностей, виденных мною за долгую жизнь. Сколько людей обязаны ему, его стойкости и отваге своим здоровьем, жизнью и даже больше чем жизнью - освобождением!

Уже на свободе я узнал его нехитрую биографию.

Вот она. Роман Александрович Лопухин родился в 1916 году в Донбассе в небольшом городе Чугуголь.. Он русский, отец его работал врачом на руднике, мать учительствовала. В годы гражданской войны отец Романа лечил тифозных больных, сам заразился и умер. Мать переехала с маленьким Ромой в Краснодар, где поступила преподавательницей английского языка в пединститут. Рома кончил в Краснодаре среднюю школу и, избрав специальность отца, поступил в медицинский институт. Став в 1940 году врачом, Роман ушел в Красную Армию.

С первых же дней войны молодой врач вместе с полком попал на фронт и лично участвовал во многих боях.

Осенью 1941 года на Украине под Борисполем во время боя Роман Лопухин был вместе с ранеными взят в плен. Немцы направили его в Шепетовку, а позднее в Славуту, где он как мог и лечил пленных, А как выяснилось позднее, этот хрупкий, с очень чувствительной душою молодой человек смог многое...

Услышал я о нем впервые при следующих обстоятельствах.

Однажды мне посчастливилось необыкновенно: я достал книгу. Была она растрепана, зачитана до дыр, без обложки, но судя по тому, что ее передавали из рук в руки, от одного "поколения" заключенных к другому и не жгли на цигарки, книга считалась ценной. Повествовалось в ней о каких-то древних рыцарских делах и походах. Я только начал "входить в курс". Утренний обход лазарета немцами был закончен, и можно было рискнуть почитать без опаски.

Надо сказать, что гитлеровцы очень подозрительно и настороженно относились к пленным, которых заставали за чтением. Читаешь - значит, о чем-то еще думаешь. А думать пленному не полагалось.

Найдя по мере возможности укромный уголок, я расположился с книгой во дворе. Ко мне подошел мужчина средних лет с небольшими рыжеватыми усами и улегся рядом, довольно бесцеремонно пяля свои голубые глаза в мою книгу.

Я понял, что уединиться не удалось. Спросил подошедшего,

почему он хромает;

- Результат войны? Он охотно ответил:

- Был тяжело ранен в ногу. Теперь вот рана зажила, а хромота осталась.

Я посоветовал пленному поговорить с "медициной", может быть, как-нибудь помогут вылечиться.

- А то как же к жене вернетесь с таким дефектом? При воспоминании о доме у него сразу лицо засветилось и глаза засияли. Он сказал:

- Лишь бы живым вернуться, а жена примет. Не важно, что хромой, она у меня не трепушка.

Мы как-то очень легко, доверительно разговорились. О медицинских работниках нашего блока он отзывался подчеркнуто уважительно. Выяснилось, что и сам он фельдшер.

Я сказал:

- А я думал, что вражеская пуля: нашу медицину обходит.

Он ответил тоже шуткой:

- Пуля-то, может, и обходит. Меня осколком мины ранило. Наши отступали. Вот я на поле и остался.

Возникла пауза, но я уже чувствовал, что разговор на этом не кончится.

Фельдшер поинтересовался, что я читаю. Я показал ему свою книгу без начала и сказал: - Хорошая книга. Героики много. Он сказал как бы между прочим:

- В романах-то все хорошо, в жизни часто не так получается. Но и в жизни Романы есть хорошие.

Последнее существительное во фразе он так подчеркнул, что я, конечно, спросил его, о каком Романе идет речь.

Фельдшер рассказал мне о старшем враче второго блока Романе Александровиче.

Так познакомился я в этот день с двумя чудесными людьми, настоящими патриотами, с одним - воочию, а о другим пока заочно.

Дня через два фельдшер снова нашел меня во дворе и передал мне потихоньку пайку черного хлеба. Я отказался взять хлеб на том якобы основании, что боюсь располнеть, трудно будет передвигаться.

- А куда вы, собственно, собираетесь двигаться?

- Да мало ли куда можно двигаться летом? Вокруг лагеря лес...

Больше они меня не испытывали. В следующую нашу встречу фельдшер рассказал мне о подкопе во втором блоке.

Понятное дело, что после этого сообщения меня ни днем ни ночью не покидала мысль о работе пленных под землей, а также и

опасения, как бы не повторилась житомирская история. Одно время я даже начал подумывать о переводе во второй блок, но потом установилась крепкая, деловая связь с Романом Лопухиным и надобность в переводе отпала.

История подкопа во втором блоке была такова.

Еще до прибытия наших "житомирцев" Роман Лопухин начал сколачивать вокруг себя хороших, надежных людей. Во втором блоке, где он был старшим врачом, размещалось более полутора тысяч пленных с желудочно-кишечными заболеваниями. Многие из них были к тому же ранены, раны при голодной диете, естественно, долго не заживали. Во второчи блок попала и часть "штрафников" из Житомира, привезших слух о подкопе, который крайне заинтересовал Романа Лопухина.

Так зародилась идея сооружения подкопа и во втором блоке.

Можно только удивляться изобретательности, четкости организации и тому размаху, который приняла работа по подготовке к побегу в условиях голода, слежки и угрозы пыток и виселицы.

В мае была произведена рекогносцировка всего подземного хозяйства и решены некоторые организационные вопросы. В июне приступили к сооружению подкопа. Душой и главным руководителем подземного "микрометро" стал Роман Лопухин, который очень умело использовал некоторую свою власть, с одной стороны, а с другой - отличное знание людей. Вот когда пригодилась заранее и тщательно отобранная им группа!

Лопухин специально интересовался причинами провала плана массового ухода пленных в лес в Житомире.

Из рассказов пленных "житомирцев" было известно, что провал произошел, когда все уже было готово, причина - слабая конспирация. Поэтому в Славуте с первых же дней вопросам секретности работ было уделено большое внимание.

Надо было прорыть из блока через весь двор метров 70 да еще метров 20 за проволоку. Предстояло вынуть и скрыть под землей же тонны грунта. Для этого были приспособлены бездействующие канализационные трубы первого и второго блоков и ответвления трубы, идущей на общую кухню. Для транспортировки земли были сделаны салазки из досок. Лямки для салазок плели из рубцов одежды мертвецов. Когда подземный тоннель увеличился, потребовалась вентиляция. В значительной части она была осуществлена. А в последнее время был даже проведен из кухни свет. Конечно, все было сделано, как говорят, на живую нитку и часто подводило. Но ведь надо помнить, что такие "грандиозные" работы проводились скрыто от немцев и полиции, хотя и, в полном смысле слова, под носом у них. К

работам были привлечены более двадцати человек. Точное количество участников знал только врач Лопухин, остальным были известны лишь несколько человек, с которыми они непосредственно связывались по работе. По документам врача Лопухина, которые позднее стали известны, активное участие в подкопе принимали: Стасюк П. А., Кузенко П. А., Чистяков А,, Мериков Н. А., Федоров Г. К., Остапенко Г. П., Аликов Г. И., Иванов О. Л., Бухляев Г. П. и другие. По словам работавшего на сиг-нально-контрольном пункте Липскарева Н. И., в подземных работах принимали также участие Щеглов, Шишкин В. А., Чигрин, Лукаш, Кротков и Панков.

В сооружении подкопа участвовали пленные самых разных национальностей, возрастов, воинских званий и специальностей, партийные и беспартийные большевики.

Липскарев Николай Иванович был член партии, в армии занимал должность начштаба полка, в мае

1942 года он был ранен и попал в плен.

Другие товарищи попали в плен в разное время и в разных пунктах, кто в Севастополе летом 1942 года, а кто уже в Харьковской операции.

О политруке Чистякове, как и некоторых других лицах, принимавших участие в подкопе и побеге, у меня, к сожалению, нет подробных сведений. В плену мы ведь не всегда называли друг друга по фамилии, а часто настоящих фамилий и вовсе не знали. Всему критерием была не анкета, а отношение пленного к врагу.

По этому показателю люди сближались или сторонились друг друга, хотя в свое время были в одной армии и жили на одной земле. На одном поле растут и созревают разные культуры. Растет пшеница, гречиха, но попадается чертополох и крапива - крапивы мы остерегались всячески, при всяком удобном случае вырывая ее из поля вон.

Сама подземная дыра была небольшая, в ней мог поместиться в одежде один человек и то лишь в лежачем положении. Для разминки ползущих навстречу людей устроено было несколько "станций". Размеру "станций" были несколько больше, чем сам подкоп, на "станции" можно было сидеть. Условия работ были невероятно трудны. Рыли, точнее буравили или прогрызали грунт ножами, стамесками и самодельными лопатками. Часто такой человек-крот задыхался, шла горлом кровь, он отползал на "станцию", и если после передышки мог, то снова рыл, но бывали частенько случаи, когда такого строителя укладывали на нары и в течение нескольких дней он с трудом приходил в себя. Работы продолжались с перерывом с июня по ноябрь

1943 года. Когда потребовался обшивочный материал, врач Лопухин добился у немцев разрешения убрать часть нар, поставив вместо двух-, трехъярусных нар, на которые не могли взбираться тяжелобольные, кровати. Доски и столбы от нар пошли на обшивку подкопа.

Для маскировки Роман предложил открыть столярную мастерскую, в которой изготовлялись самые различные предметы, в том числе посылочные ящики для отправки немцами продуктов в Германию, ремонтировалась мебель. Умудрились даже делать скрипки, которые пользовались успехом у гитлеровцев. Роман Александрович сам был музыкант и мастер на все руки. Он часто мне говорил:

- Вот кончится война, пойду в оркестр Большого театра.

По мере продвижения подкопа потребовались новые люди, новые специалисты. Надо было обшить проход - в ход пошли разобранные нары. Потребовалось освещение - в группе появился электрик. Так рос и ширился наш маленький коллектив. После того как подземные работы начались уже во дворе блока, потребовалось постоянное наблюдение и связь работающих под землей с теми, кто был наверху. Так появился контрольно-сигнальный пункт, который наблюдал во время работ за тем, что происходит на поверхности, и в случае надобности сообщал по трубе в подземелье о немедленном прекращении работ или о возобновлении их. Дежурить на этом контрольно-сигнальном пункте Лопухин поручил Николаю Ивановичу Липскареву.

Во второй половине июля у нас произошла "скандальная история", как потом именовали этот случай в разговорах между собой строители подкопа.

В лагерь прибыла какая-то комиссия из гитлеровского начальства. Гитлеровские чины со свитой, оживленно разговаривая, направились в первый корпус через двор второго блока. В это время наш пленный заметил, что земля в одном месте стала как бы оседать, чуть ли не на пути комиссии явно образовывалась воронка, Пленный тотчас снял свою шинель (невзирая на погоду каждый из нас все имущество носил при себе, благо его немного и было) и накрыл ею воронку. Упала, дескать, с плеч, и может, расстелил, ложиться собрался...

Как только комиссия прошла, он побежал, доложил Роману, и тот принял надлежащие меры. На будущее были даны указания - опустить тоннель глубже, поскольку во дворе блока слабый грунт.

Тогда-то, кстати, был организован и стал функционировать контрольно-сигнальный пост Николая Ивановича Липскарева.

Рассказывая мне эту историю, фельдшер Саша улыбался и головой качал:

- Теперь-то вот нам смешно, а сколько было страху и паники! Хорошо, во дворе свой человек оказался, сам на стройке "метро" работает. А то бы провал!

"Строительство" наше шло, а жизнь в лагере текла своим чередом, гитлеровцы свое "дело" тоже делали. В конце июня в Славуте развернулись события, от которых даже нам, к фашистской бесчеловечности привыкшим, в теплые дни стало холодно.

Во всех шести корпусах "Гросс-лазарета" неожиданно появились случаи заболевания холерой.

Услышав о страшной гостье, мы приуныли. Легко можно было представить себе, как пойдет она косить людей в этих чудовищно антисанитарных условиях. А как же не хотелось ложиться в траншею за колючей проволокой теперь, когда подкоп обещал вывести иас живыми за ту же проволоку!

Однако далее события развернулись как-то, я бы сказал, странно. Выяснилось, например, что еще до появления страшной болезни немецкая администрация провела подготовительные работы в лазарете и только после этого "пожаловала болезнь". Уже в самом начале мы почувствовали странное поведение, с одной стороны, фашистов, с другой - холеры. Холера была какая-то ручная, немцев она не трогала, зато каждый заболевший пленный непременно умирал, к пленным она была беспощадна. Люди корчились от боли, хватаясь за животы, синели, температура резко поднималась, и очень быстро наступала смерть.

Характерно, что в рабочих корпусах, располагавшихся рядом с лазаретом, шла обычная жизнь, режим не менялся, не было ни карантина, ни холеры.

Первый корпус до карантина числился легочным, в нем находились чахоточные больные, но к концу июня всех туберкулезных больных перевели в шестой корпус, освободив первый корпус полностью для новой гостьи - холеры. Этого мало. Первый корпус основательно отделили, от остального лазарета высоким внутренним забором из колючей проволоки, к калитке вместо полицейского поставили фашиста, вооруженного автоматом и пистолетом, ввели на территорию корпуса и разместили на постоянное жительство отделение немецких автоматчиков.

Все это было сделано заблаговременно, до первых случаев заболевания.

Когда холера появилась, о каждом случае заболевания врачи обязаны были немедленно доносить немецкому начальству, заболевшего тут же уносили в первый корпус, куда доступ был

закрыт для всех пленных, даже врачей. Иногда первый корпус навещало высокое фашистское начальство, которое специально приезжало для этой цели в лазарет. Однажды немецкие специалисты прилетели в Славуту самолетом и после какой-то манипуляции сразу улетели. В рабочем лагере в этот период находилось больше 120 врачей, многие из них были эпидемиологами, но немцы не привлекали их к лечению больных.

Это выглядело особенно непонятно, если учесть панический страх немцев перед всеми инфекционными заболеваниями.

Обычно первый тяжелый приступ болезни начинался спустя некоторое время после употребления баланды, иногда - после "утреннего кофе".

В последнее время нередко можно было наблюдать такую картину. Голодный человек получил пищу, но не ест, чего-то выжидает, поглядывая на тех, кто сидит на нарах и уже принялся за баланду и суррогатный хлеб. Когда все кончат есть, он еще подождет, посмотрит, не корчатся ли поевшие люди. Если все в палате спокойно, никто не стонет, тогда уж начинает есть и он.

Баланду раздавали, казалось бы, из одного котла всем, однако заболевали люди не одновременно.

Первое время мы думали, что заболевают и умирают только очень истощенные и больные пленные, но после того, как, приняв пищу, умерли несколько жирных полицейских, этот довод потерял логическую силу. Стало ясно - в пищу русским, и пленным, и полицаям фашисты подсыпают отраву в разных дозах и в разное время. Очевидно, идет подготовка к бактериологической войне и гитлеровцы используют пленных, как подопытных животных. Вот почему холера немцам родная, они ее не боятся и она их не трогает; вот почему к лечению болезни не допускаются русские врачи.

Надо ли говорить о том, что общая смертность в лазарете с появлением этой болезни резко повысилась. Две пароконные повозки буквально не успевали вывозить трупы.

Для нас навсегда осталось тайной - скольких человеческих жизней стоил этот "эксперимент".

Месяца через два холера прекратилась так же неожиданно, как и началась. Карантин был снят. В лагере потекла обычная жизнь. Радовало нас только одно слухи об успехах частей Красной Армии на всех фронтах и ход работ по подкопу.

Конечно, во время карантина и строительство наше несколько подзадержалось, а связь с внешним миром - и без того очень зыбкая - почти прервалась.

Только изредка пленным рабочим удавалось перекинуться несколькими словами с пастухами, иногда рисковавшими

подходить к участкам, где рылись траншеи для новых покойников.

Пастухи приносили вести о партизанах. Пленные, измученные голодом и каждодневным зрелищем мучительной смерти товарищей, ждали как избавления нападения партизан на лагерь-лазарет.

Помню, в эти дни в лазарет попала местная оккупационная шепетовская газетка. Вся она была пропитана злобой, ложью и ядом. Кроме всего прочего, в ней было напечатано немало опровержений. Оккупанты, кстати, с жаром опровергали сообщения наших газет о том, что немцы насильно увозят украинскую молодежь в Германию.

Не прошло и двух - трех дней, как однажды утром мы услышали вдруг звуки духового оркестра. Оркестр этот был организован летом из пленных рабочего лагеря.

Оказалось, по дороге из Славуты на Шепетовку гитлеровцы под конвоем гнали молодежь - подростков и девушек. Впереди шло фашистское начальство, по бокам колонны - сильный конвой из гитлеровских автоматчиков и немецкие овчарки.

Позади колонны двигались плачущие матери, родственники.

Над людьми висела густая пыль, раздавались звуки каких-то развеселых мотивов.

Дико это все было до крайности. Ну зачем понадобилось гитлеровцам музыкой пленных невольников тешить будущих каторжан?

Кто-то из оркестра сказал потом нашим больным:

- Уж очень они кричали, плакали, по всему району небось слышно. За трубами-то хоть немножко глуше было...

Понятно, что после такого зрелища сообщения оккупационной газеты разъяснений не требовали.

Но гитлеровцы между прочим, все-таки не отказались полностью от намерений как-то "распропагандировать" хотя бы часть пленных и привлечь их на свою сторону.

Так произошел однажды инцидент, который стал потом известен всему лазарету под наименованием "Агитация со свистом".

Близилась осень, дни стояли на наше счастье хорошие, теплые. Страшно было вспоминать о прошедшей зиме, нетопленых камерах, вечном ознобе. Кроме солнца, может и теплее, чем оно, грела мысль о том, что новую зиму удастся встретить на свободе.

Подошел новый эшелон раненых и больных пленных, и мы узнали о положении на фронтах. Везде фрицев били. Лоскуты привезенных армейских газет зачитывались до дыр. Расходовать

обрывки наших газет на закурку считалось преступлением. Немцы ходили явно невеселые, особенно те, которые побывали в отпусках и видели разрушения и пожары, - добрались-таки наши летчики до фашистского логова.

Рядом со мной на втором ярусе нар четвертого блока лежал пожилой человек лет сорока пяти. Он был немного глуховат после контузии, звали его Филиппом. До войны Филипп работал грузчиком на товарной станции Ростов-на-Дону. Он был небольшого роста, коренастый, неказистый собой и очень любознательный. На меня он произвел впечатление простого и честного человека, с нашей мужицкой сметкой и чуточку с хитринкой.

Мы часто с ним подолгу разговаривали на разные житейские темы. Я разъяснял ему смысл политических событий тех дней. Обычно Филиппа удивляло, почему я мало хожу по лагерному двору, все время сижу или лежу и читаю. Один раз он совсем был огорошен, когда я отказался от присланного мне неведомо кем котелка хорошей баланды, и прямо сказал:

- Иван Федорович, вы не обижайтесь на меня, но при нашем голоде отказаться от котелка хорошей, да еще мясной баланды может только круглый дурак.

Филипп стал с неприкрытой злобой потешаться надо мной:

- Вы утром сегодня ели ветчину или, скажем, краковскую колбасу, что отказываетесь от супа? Не хочешь сам, отдай другому, скажем - мне, я спасибо скажу.

Однако в дальнейших наших беседах Филипп уже высказывался без злобы и даже согласился со мной, что человек - не просто животное, которому только пища нужна; что брать подачку от незнакомого человека в лагерных условиях опасно, что таким-то путем и начинают подкупать слабых духом людей.

Однажды в наш лазарет явился власовец в звании немецкого подпоручика. На рукаве его мундира красовалась эмблема "РОА", обозначавшая "русская освободительная армия". Пленные по своему расшифровали эти буквы, в подражание известной песенке про Колчака, бытовавшей в частях молодой Красной Армии:

"Сапог английский, табак турецкий, Мундир японский, правитель омский".

Песенка про вояк из "РОА" звучала так:

"Мундир немецкий, табак турецкий, Язык - наш, русский, а воин... прусский".

Власовец пришел в лазарет агитировать пленных последовать его примеру и записаться в "РОА". Когда этот подпоручик явился, Филипп был уже достаточно подкован для того, чтоб беседовать с "агитатором".

Хорошо одетый власовец вошел в наш двор. Филипп немедля направился к группе пленных, где изменник начал свою агитацию.

Власовец горячо распространялся о том, что их хорошо одевают, кормят да еще платят им деньги. Как бы жалуясь, Филипп сказал:

- А нас вот голодом морят.

Подпоручик приободрился, решив, что правильно нащупал у голодных людей слабую струнку. Он сказал, что хорошо знает голодную жизнь за колючей проволокой, так как сам три месяца назад был пленным и голодал.

Немецкому унтеру, очевидно, нравилось содержание беседы, он кивал головой, изредка повторяя: "Тут, гут!" Из толпы послышалось:

- А кто же вас хорошо кормит, одевает да еще денежки вам платит?

Власовец опрометчиво ответил:

- Немцы.

Снова из толпы спросили:

- И за что же, за какие заслуги "благодетели" вас так балуют?

Раздался смех, кто-то свистнул. Послышалось:

- Знаем мы этих благодетелей. Тебе-то как не стыдно смотреть нам в глаза?

Вопросы сыпались уже беспрерывно, "агитатор" не успевал отвечать. Снова раздался свист. Изменник, видно, не ожидал такого оборота, унтер тоже поглядывал по сторонам с возрастающим гневом. Власовец грубо спросил стоявшего рядом Филиппа, который тоже задал ему несколько вопросов, кто он такой.

Филипп спокойно ответил:

- Пленный, а до армии был грузчиком на железнодорожной станции. Я не такой образованный, как вы, господин.

Опять свист и смех... Поняв, что власовец окончательно провалился, унтер-офицер поспешно увел предателя.

Не успела по лазарету разнестись весть о власовских вербовщиках, как надвинулась на нас серьезная опасность.

Как-то утром в конце августа мы увидели, что из рабочего лагеря вдоль забора "Гросс-лазарета" шагают человек 20 рабочих с лопатами и ломами на плечах. Рабочую колонну сопровождали немецкие автоматчики. Впереди шел гауптман, за ним унтер-офицер с овчаркой. Гауптман все время посматривал в сторону лазарета и что-то говорил, показывая унтеру на корпуса. Шли они от шестого блока медленно, как бы прощупывая, остановились у второго блока. Постояв и поразмыслив, гауптман шагами

отсчитал метров 40 - 50 вдоль забора, отошел за сторожевую дорожку и приказал рыть траншею. Все это делалось днем, при ярком солнце и, естественно, привлекло внимание всех пленных. Непосвященные люди недоумевали, что за бессмыслицу выдумали немцы. Им и в голову не приходило, что немцы ищут подкоп и выход из лагеря.

Один из пленных украинцев сказал своему дружку:

- Бач, Мыкола, нимець сказывся, це воны копають окоп вид партизан, уж дуже воны их бояться!

Но мы-то, участники строительства, мгновенно поняли, что на сей раз немцы поступают вовсе не бессмысленно. Можно представить себе, что мы переживали, глядя, как ретиво взялись гитлеровцы за землю!

Роман внимательно проследил за рытьем траншеи и убедился, что немцы роют как раз в том направлении, куда ведется подкоп.

Положение создалось действительно архиопасное. Некоторым нашим товарищам провал подкопа казался уже неизбежным.

С сообщением об этих разговорах и явился ко мне утром наш постоянный связной фельдшер Саша.

Я заметил его еще издали. Сашина хромота, как мне показалось, стала еще заметнее, он шел быстро, опустив глаза в землю, никого и ничего не замечая. Я пересек двор, вышел ему навстречу.

Волнение Саши несколько утихло. Он коротко передал о настроении пленных. Я спросил:

- Точно ли выведена головная часть хода за забор?

Саша утвердительно кивнул. Оба мы инстинктивно посмотрели в сторону ведущихся работ, потом в глаза друг другу. Я спросил:

- Есть ли паникеры? Саша ответил:

- Большинство молчит. Но настроение у всех подавленное.

Особенно предаваться раздумьям у нас временя не было. Я велел Саше передать Роману, что, во-первых, необходимо вытравить всяческие упаднические мысли о провале подкопа; во-вторых, прикрепить к паникерам твердых, надежных людей, сделав так, чтобы паникеры не оставались одни со своими мрачными мыслями; в-третьих, под вечер я бы очень хотел лично встретиться с Романом и потолковать с ним.

Само собой разумеется, что все работы под землей надо было временно прекратить и ход в "траншею" заложить каким-либо хламом.

Я еще посоветовал Саше поручить наблюдение за действиями

и поведением немцев наиболее твердой и стойкой части товарищей. Остальных нагрузить какой-нибудь работой или уложить спать, чтобы они не глазели попусту и не переживали.

После нашей беседы фельдшер повеселел, да и мне тоже стало легче. На прощание я сказал Саше:

- Крепитесь, ребята! Не такие виды большевики видывали!

Так мы и разошлись. Саша поковылял к себе, предварительно для маскировки побывав в аптеке. Уже уходя, он в шутку сказал:

- Все хорошо. Вот как бы команды не перепутать!

Я ответил, что Швейк всегда все путал, но и он главного, что касалось его шкуры, не забывал.

Саша ушел. Время тянулось медленно. Я сам старался не смотреть на немцев за оградой, но как ни крепился, а все-таки через каждые пять - десять минут так и тянуло глянуть, что происходит за проволокой.

Около одиннадцати часов дня я опять отправился посмотреть, что делается у второго блока. В это время немцы сняли с траншей примерно половину рабочих и направили их к маленькой деревянной кухне, расположенной против третьего блока. Подходило время обеда, из корпусов шли рабочие с большими деревянными бадьями на общую лазаретную кухню за баландой.

Хоть было и очень голодно, но даже баланда теперь меня не привлекала. Меня интересовало, куда пойдут люди за оградой и что они станут делать.

Рабочие с лопатами остановились у деревянной кухни и снова принялись рыть. Когда я это увидел, куда как спокойнее стало на душе: ясно, что немцы не были точно осведомлены о месте нахождения нашего подкопа.

Принесли и роздали баланду, я оставил котелок на попечение Филиппа, а сам опять пошел взглянуть, что происходит.

Теперь немцы копали уже в двух местах: против второго блока и против рабочей кухни. Я укрепился в своем предположении: к немцам попали смутные сведения о подкопе - может быть, снова завелся какой-то прохвост и доносчик. Но если они приступили к рытью траншеи против рабочей кухни, значит, точное место подкопа им неизвестно.

Между прочим, к деревянной кухне немцы сунулись с поисками подкопа не случайно. Кухня эта и нам и им была памятна.

Она располагалась к забору ближе других построек. Именно здесь больные часто заговаривали с охранниками, а однажды ночью мы даже решились резать колючий забор - хотели устроить

побег. Поначалу вроде что-то получалось. Один из товарищей пообещал полицаю-охраннику кожаные сапоги, если тот не будет чинить препятствий нашему выходу за проволоку.

Эта переговорная канитель длилась около недели и затем... провалилась. Вначале охранник запросил было непомерную для нас цену, потом сказал, что передумал и пойдет с нами в лес, а оружие свое бросит. Мы обещали взять его с собой при условии, что оружие он передаст нам - бросать оружие нельзя, в лесу оно нам очень пригодится.

Охранник согласился, назначен был вечер побега, все собрались. А когда стали резать проволоку, немцы нас обстреляли. Мы разбежались, ночь всех укрыла, наивный план побега сорвался. Уже позднее выяснилось, что вечером немцы сменили часовых.

Вот почему, думаю, запомнилась немцам деревянная кухня и подкоп они тоже стали искать поблизости от нее.

Мучительно долго тянулся этот грозный день. Понятно, что никого из нас не оставляла тревога. Смерклось, работы прекратились, немцы увели рабочих в лагерь.

Гнетущая, тяжелая надвигалась ночь. Многие пленные в эту ночь не спали, слушали каждый шорох. Каждому думалось: "Подойдет сейчас к тебе фриц с полицаем и уведет тебя, раба божьего, в неизвестность, а там - прощай, жизнь!"

Помимо всего прочего, меня еще беспокоило, как-то произойдет встреча наша с Романом. Ведь до этого дня мы с ним общались только через связных, никогда в глаза не видя друг друга.

Обычным местом всяких сборищ у пленных были общие уборные - они заменяли нам клубы, курительные комнаты, базары. На этих так называемых "биржах" пленные выменивали друг у друга все - махорку, пайку хлеба, брюки, гимнастерку, обувь. Там вечно стоял галдеж, было накурено, все о чем-то спорили, шептались, а то и просто балагурили. Находились весельчаки, которые забавляли других различными анекдотами, иной раз с очень "длинной бородой". Хотелось людям хоть как-то отвести душу. Вот в таком месте, на втором этаже, в правом крыле четвертого корпуса, и была назначена первая наша встреча с врачом Романом Лопухиным.

В сумерках я вошел в уборную и сразу заметил незнакомое мне лицо. Человек стоял у стены один, не ввязывался в разговоры, не курил. Я посмотрел незнакомцу в глаза, но ничего не сказал, прошел мимо. Потом со стороны снова поглядел на незнакомца. Он стоял по-прежнему спокойно, прислонясь к стене, но весь был сосредоточен. Чувствовалось - кого-то ждет.

Наружность молодого человека мне понравилась, с приметами сходилась.

Проходя мимо, я, как было условлено, тихо промолвил про себя:

- Роман...

В ответ услышал шепот;

- Иван Федорович!..

Так мы и встретились. Крепко пожали руки и с простым человеческим любопытством друг друга рассматривали. Ну и - как потом выяснилось - в общем понравились друг другу. Я поинтересовался, не перепутал ли Саша при передаче весь наш утренний разговор.

Роман улыбнулся. Удивительно светлая была у него улыбка. Он сказал:

- Саша говорит, повторял всю дорогу.

Мы отошли к окну, густо опутанному колючей проволокой. Нам надо было торопиться, скоро могли закрыть блок и тогда не сдобровать бы Роману.

Я спросил, как оценивает он новые "кухонные" работы, после обеда начатые немцами. Роман ответил, что оценивает их, как и я, очень положительно. Однако по всему все-таки видно, что немцы о подкопе пронюхали и какие-то гайки, как он выразился, в нашей организации ослабли. Надо бы их "подтянуть" и заново проверить людей.

Мы решили ни в коем случае не ослаблять контроля за паникерами; распустить слух среди "строителей метро", что всякие работы прекращаются. Временно работу действительно необходимо было прекратить, а входное отверстие надежно замаскировать. Ну, а завтра многое должно проясниться. На том мы с Романом и разошлись.

Следующее утро действительно оказалось мудренее вечера. Спасение наше было в том, что немцы начали рыть траншею не внутри двора, а за проволокой, куда подкоп, как оказалось, еще чуточку не дошел, хотя мне и говорили, что дошел.

Прокопав весь день траншеи за оградой и ничего не обнаружив, фашисты прекратили поиски. На следующий день траншей уже не рыли, острота и тревога во втором блоке улеглась, постепенно люди стали забывать об этом происшествии.

Спустя несколько дней немцы произвели тщательный осмотр и отбор больных во всех блоках. Всех, кого можно было использовать на работах, увезли в Германию. Пленные прятались в уборных, на чердаках, ложились на нары, между тяжелобольными, лишь бы избежать отправки за границу.

Германии люди боялись, но и у нас за колючей проволокой

быстро росло число могил, заравненных в общие траншеи. Отвратительно было видеть, как на некоторых могилах гитлеровцы разбивают клумбы, сажают деревья и кустарники. Они любили прятать следы своих злодеяний.

Рассказывали, что главный врач "Гросс-лазарета" решил любым путем дать знать на волю, сколько в этом большом "лечебном" учреждении погибло больных и раненых пленных.

Говорили, что он связался с шепетовской подпольной организацией и стал печатать страшной силы обличительный документ - списки фамилий пленных, погибших в лазарете. Ходил слух, что в подпольной типографии было уже напечатано три или четыре тома, когда немцы проведали об этом. Через некоторое время главврача ночью увели, обратно в лазарет он не вернулся...

Кончался сентябрь. О подкопе даже во втором блоке люди забыли, все улеглось. Однажды во дворе четвертого блока мы встретились с Романом. Заговорили тихонько. Я спросил: - А как вы думаете, не пора ли возобновить работы?

Роман ответил:

- Я и сам так думаю.

- В таком случае - за дело. Только одно надо помнить: трусов и паникеров к работе не привлекать.

Роман даже вспыхнул. Чуть не полным голосом заговорил:

- Хватит! Я с ними в августе намучился. Теперь умный!

Мы разошлись. Через два - три дня возобновились подземные работы. К Октябрьской годовщине траншея вчерне была закончена. Начался подбор людей и подготовка к побегу в лес.

Побег

Каждый этап работ, как известно, несет с собой и новые трудности. Нам предстояло решить целый ряд организационных и хозяйственных вопросов. Договорились, что мероприятия, связанные непосредственно с выводом людей в лес, поручаются мне. Хлопоты по окончательной "отделке" тоннеля, по подбору людей и материальному обеспечению выхода взял на себя Роман Лопухин. Ему это было больше с руки, он давно находился в лазарете, имел некоторую связь с водопроводчиками, "гробокопателями", с возчиками и кухней, в общем, с людьми, которые бывают на воле и сталкиваются с жителями Славуты.

В очередную нашу встречу мы договорились с Романом обо всем.

Роман сказал просто:

- Я по существу человек гражданский, В армию меня призвали сразу после института, но повоевать пришлось меньше полугода. В лагерной обстановке я ориентируюсь, а вот дальше... трудно.

Я успокоил Романа - справимся. У меня за плечами школа службы в пограничных частях, опыт двух войн.

С выводами по житомирскому подкопу оба мы были знакомы. Там все погубила некоторая размагниченность людей и недостаточная конспирация.

Подготовка к побегу в наших условиях должна была, по моему мнению, заключаться прежде всего в тщательной конспирации.

Есть данные, которые должны быть известны не более чем двум - трем надежным людям. Нужна карта, компас, сухари, хорошо бы достать хоть один револьвер или гранату. Полезно знать, где и как можно переправиться через реку Горынь, может быть, есть брод или мелкие места. Плыть через реку невозможно по двум причинам: первая - могут наступить холода, вторая - у нас много истощенных людей, им это не под силу.

Лопухин, слушая меня, молчал, лицо его было очень серьезным.

За время плена я отвык от того, чтобы слова, мною произнесенные, воспринимались как приказ, и странно было видеть, с каким вниманием принимается к сведению и к исполнению каждое мое слово.

Лопухин так и сказал:

- Иван Федорович, пока не будет полностью закончено "метро", я решаю вопросы самостоятельно. А дальше, я - солдат и любое ваше указание принимаю как приказ.

Я еще раз убедился, что Роман - человек волевой, серьезный и с ним можно вести людей на такой риск, как побег.

Я высказал еще несколько организационных предложений по комплектованию группы и конспирации. Каждый должен знать не более пяти - шести человек, всех людей еще раз надо проверить и перепроверить, малонадежных или неустойчивых необходимо отсеять, они могут погубить всех. Провал - это смерть.

При последующих наших встречах Роман Александрович сообщил, что подземный ход расчищен, проветрен и подкоп на несколько метров продвинулся вперед; все люди проверены, некоторые "строители" переведены из других блоков во второй корпус.

Роман предложил мне:

- Может быть, и вам лучше во второй перебраться? Я, подумав, решил, что в интересах конспирации делать этого, пожалуй, не стоит.

- Но вот побывать у вас в блоке, чтобы с чердака осмотреть поле, по которому мы ночью пойдем, крайне желательно.

Я сказал еще, что нужно бы мне лично познакомиться с

руководителями отдельных групп, дать им некоторые практические советы. Хорошо бы также достать хоть плохонькую топографическую карту или план нашего района.

Лопухин сообщил:

- Компас я раздобыл, за сухарями остановки не будет, карту мне обещали через недельку достать. В Славуте проживают несколько жен командиров, у них мы и думаем раздобыть какие-нибудь топографические карты или планы. Не знаю только, сможем ли достать оружие.

От всей души я крепко пожал Роману руку и сказал:

- Если так, все идет очень хорошо. Что касается оружия, то я понимаю, что его вы можете и не достать, но выход из-за этого задерживать нельзя.

На том мы и разошлись. Инструкции руководителям групп должен был приготовить я, а встречу организовать Роман Александрович.

Печально прошли у нас дни Великого Октября. Мы сидели за колючей проволокой, а по верху нашего подкопа бродили вооруженные до зубов фашисты. В наш праздник немцы усилили охрану.

Стояли осенние дни. Ночью было холодно, к утру земля серебрилась, начались заморозки, на маленьких лужах появился ледок, но река Горынь текла по-прежнему, ее не коснулись ноябрьские холода, если не считать того, что температура воды, конечно, резко упала. Это осложняло наше положение. Пускаться вплавь было слишком рискованно, а большие леса начинались только за рекой. Вокруг лагеря виднелись лишь перелески да небольшие рощицы, которые и на сутки не могли укрыть нас от врага. Мешали нам и лунные ночи, установившиеся примерно с десятого ноября.

В лунные ночи в молодости хорошо на свидания с любимой ходить. Сколько светлых переживаний, сколько теплых слов бывает тогда с луной связано!

Теперь луна мешала, для бурных дел нам нужна была темнота и непогода, а их-то и не было. Только во-второй половине ноября подули северные ветры, надвинулись тучи, а луна стара выглядывать из облаков только на короткое время, как бы украдкой.

Однажды под вечер я наконец-то заметил у нас в корпусе хромого Сашу. Он прошелся по этажу, не обращаясь ни к кому, равнодушно посмотрел в мою сторону. Я слез с нар и на некотором расстоянии последовал за ним. Выйдя на лестничную клетку, Саша замедлил шаг, на миг остановился и, когда я поравнялся с ним, сказал:

- Следуйте за мной, вопросов не задавайте, в перевязочной ждут носилки, исполняйте все, что вам прикажут.

Помните - вы тяжело-больной, желудочник, рези, боли в животе,

Я понял, что такова команда Романа. Когда мы вошли в перевязочную четвертого блока, я постарался выглядеть как можно хуже, под. руку меня поддерживал Саша. Подойдя к носилкам, он сказал мне:

- Осторожно ложитесь!

При помощи Саши и санитара я улегся на носилки, меня накрыли какой-то дерюгой, и мы тронулись.

Подошли к калитке третьего блока, где стоял полицейский пост. Полицейский спросил Сашу, который шествовал впереди с запиской врача:

- Что с ним?

- А кто их знает, - небрежно ответил фельдшер.- Высокая температура, жалуется на живот. Врачи разберутся.

Полицейский пропустил в калитку. Калитка была узкая. Я забеспокоился, как бы не уронили меня санитары. Чуть было не сказал: "Остановитесь, я сойду", да вовремя вспомнил предупреждение Саши. Постонал немножко. Калитку прошли.

У второго блока полицейский вопросов не задавал. Санитары внесли меня во второй корпус - под дерюгой я ничего не видел, но догадался, потому что мы поднялись на третий этаж, - и ушли.

Фельдшер остался водворять "тяжелобольного" на нары. Он помедлил и, выждав момент, когда на лестничной клетке никого не было, быстро провел меня наверх. На чердаке в полумраке ко мне тотчас подошли человек пять - шесть незнакомых товарищей, среди них улыбающийся Роман Александрович.

- С удачным прибытием! - сказал Лопухин, крепко пожимая мне руку.

Я поблагодарил, мы быстро перезнакомились, и все подошли к чердачному окну, откуда местность, на которой был расположен "Гросс-лазарет", просматривалась до самого леса.

Глубокое волнение испытал я в ту минуту. Не только ощутимо приблизился час побега, освобождения, но и впервые за много месяцев рабского положения я опять 'почувствовал себя командиром, которому вверены жизни многих дорогих советских людей. Никогда не забуду я равнины и перелесков, которые развернулись передо мной, как поле будущего боя. Оказалось, что, кроме четырехрядного колючего забора, которым огорожен лазарет, у самого леса проходит еще один ряд проволоки и в разных местах вырыты небольшие окопы. По всей вероятности, это было сделано немцами на случай нападения партизан на

лагерь. Метрах в 20 - 25 за проволокой вдоль забора проходило узкое шоссе, слева виднелась небольшая сосновая роща. Мне хотелось посмотреть, как выглядит река Горынь, но лес укрывал ее.

Мы огляделась и приступили к делу. Перед инструктажем я еще раз прислушался. Везде было тихо, у входа на чердак стоял Саша и караулил нас на случай, если нагрянут немцы или полицаи. Лопухин подошел к какому-то заветному тайничку, извлек оттуда компас и старую топографическую карту. Я посмотрел. На карте была нанесена обстановка довоенного времени. Как странно было видеть сейчас, в наших условиях эту карту! Каким мирным, немного наивным временем веяло от нее. Где-то сейчас командир, ее хозяин? И какое же спасибо жене его, сохранившей эту карту.

Карта была большая, склеенная из шести листов, обстановка нанесена в разных направлениях, все листы старые, потертые, но лес нигде не замазан понятно, что карта принадлежала кавалеристу.

Вспомнились мне чудесные дни занятий с командным составом в Военной академии имени Фрунзе. Я сказал:

- По графике оценка "хорошо".

Товарищи рассмеялись и начался инструктаж.

Наш наблюдательный пункт многим отличался от обычных "НП". Требовалось, как говорится, совместить орла и зайца, поэтому и порядок вопросов, подлежащих обсуждению, был своеобразен. Первый вопрос: выход и отрыв от лагеря. Сгрудившимся у слухового окна людям я рассказал о порядке прохождения головными звеньями лагерного поля.

Активным "строителем" и командиром отряда "Восток" был Павел антонович. Скромный человек, в прошлом (по его словам) командир стрелкового полка. В плен попал в первый год войны, во втором блоке он долго лежал тяжелобольным. Когда Павел Антонович поправился, врач Лопухин устроил его на работу санитаром. В работе по строительству подкопа Павел Антонович был одним из главных активистов, летние невзгоды, когда грозил провал, перенес стойко и мужественно, работал серьезно. Ему была поручена почетная и очень ответственная задача: открыть горловину - выход из подкопа за проволоку, первым выбраться наверх, осмотреться, взвесить возможность выхода всех остальных и первое время быть главным "диспетчером", следить за поведением лагерной охраны и в зависимости от этого направлять людей на сборный пункт или задерживать их в тоннеле. Первый сборный пункт отряда "Восток" намечался у кургана, метрах в шестистах от лазарета.

Второй сборный пункт назначался в роще, за проволокой внешнего забора. Там должна была собраться вся группа, оба отряда "Восток" и "Север", и там в зависимости от сложившейся обстановки надо было решить, куда пойдем дальше и как будем перебираться через реку Горынь.

Оба сборных пункта я показал командирам из чердачного окна "а местности. Предупредил особо, что после выхода из тоннеля по шоссе надо двигаться ползком, за это время каждый должен осмотреться, освоиться и прийти в себя; узкую шоссейную дорогу - переползать на коленях, стараясь не задеть гвоздями или подковой сапог камней на шоссе, не вызвать шума, не привлечь внимания немецкой охраны.

Забор лазарета освещался всю ночь с небольшими систематическими перерывами, поэтому было рекомендовано во время световых вспышек лежать на земле, обязательно с закрытыми глазами во избежание ослепления. Потом подыматься и бесшумно двигаться к сборному пункту, применяясь к местности.

Встать на ноги разрешалось только за шоссейной дорогой и то, если позволит темнота.

Все дальнейшее трудно было предусмотреть. На случай непредвиденных осложнений каждый из группы должен был знать, что искать нас надо в глубине леса у большого озера. Туда и должны все пробираться.

Озеро я показал командирам на карте, ближайший маршрут был показан на местности.

- В случае каких-либо существенных изменений Роман Александрович всех оповестит, - сказал я напоследок.

- С момента опускания в подкоп все беспрекословно подчиняются Ивану Федоровичу, - отдал приказ Лопухин.

Мы заглянули друг другу в глаза. Как будто проверили еще раз друг друга. Потом поглядели во двор. Увидели гитлеровцев с собаками. Они шныряли по закоулкам, по общим уборным, как обычно это делалось перед закрытием блока.

Кто-то пошутил вполголоса:

- Ищите, прохвосты, вынюхивайте все на земле, а мы от вас под землей уйдем. И псам вашим туда нет доступа.

Когда мы прощались, я еще раз предупредил всех о строжайшей конспирации и дисциплине, указал, что маршрут командиры должны дать людям только перед самым опусканием в подкоп.

Лопухин добавил:

- Там же каждый получит порцию сухарей.

Договорились, что если есть ножи или другое колющее,

режущее оружие, конечно, взять его с собою. Очень бы хорошо также иметь махорку. Она может понадобиться для двух целей: во-первых - посыпать дорогу, чтоб помешать взять след ищейкам, во-вторых - засыпать глаза гитлеровцам, если все-таки догонят или преградят нам путь.

Солнце уже совсем спряталось за лесом. По одному мы оставили чердак, спустились вниз.

Теперь остановка была только за темнотой, за подходящей ночью.

Двадцатого ноября резко похолодало, по небу поплыли тяжелые облака, подул порывистый ветер. Перед самым закрытием блоков был получен сигнал - в поход!

Вечером скрыто мы собрались во втором блоке. Я увидел Романа, он весь горел радостью и решимостью. Роман Александрович сказал:

- Долго ждали - дождались!

Я ничего не ответил, только крепко стиснул его пальцы. Казалось, неосторожным словом можно спугнуть темноту, развеять тучи, и я молчал.

Роман осведомился тревожно, здоров ли я?

- Здоров, только бунтует все во мне. Скорее бы уж спускаться!

Роман улыбнулся:

- Теперь уж недолго. Как только улягутся люди, так и пойдем.

Потом спросил, можно ли уже посылать Павла Антоновича вниз открывать горловину.

К большой тревоге своей я увидел, что порывистый ветер разогнал тучи и стало значительно светлее. Прильнув к решетке, я внимательно оглядывал двор, ограду. Ясно видны были силуэты часовых и даже колючая проволока забора.

Я указал на все это Роману, надеясь, что он сам взвесит, как опасна для нас светлая ночь. Но глаза Романа сияли, он с нетерпением ждал команды.

Как ни больно мне было разочаровывать его, а пришлось. Я сказал:

- Пока светло - нельзя. Перебьют всех.

Роман сразу помрачнел, исчезла чудесная улыбка, зубы сжались. Видно, и у него нервы стали сдавать. Но спорить не стал.

Оставаться у него в комнате было невозможно, к врачу могли прийти посторонние. Я вышел в коридор, пристроился в углу на подоконнике, непрерывно следя через оконную решетку за двором и за небом.

В блоках было темно, немцы экономили электроэнергию.

Свет был только у проволоки, с перерывами освещалась вся колючая ограда лагеря.

Примерно к 23 часам стало еще светлее, высыпали звезды, в небе таяли редкие рваные облака.

Здравый рассудок и весь вводный опыт подсказывали - идти нельзя, охрана заметит - перебьют. Мне, строевику, да еще пограничнику, это было предельно ясно, но у людей нервы не выдерживали; "строители" наступали на Романа и требовали открыть доступ в подкоп, а там... будь что будет!

Естественно, я не мог согласиться с таким "доводом". Нельзя было рисковать своей и десятками чужих жизней. Надо ли говорить, что мне так же, как и другим, не терпелось уйти, что меня так же, как и всех, пугала неизвестность лишнего дня пребывания в лагере.

Очень одиноко было мне в эти часы. Я не раз спускался вниз, снова подымался наверх. Посмотрю на лазаретный двор, забор, охрану - нет! Все видно!

Роман и Павел Антонович то и дело подходили ко мне, всем хотелось быстрее - вниз, не мучиться здесь наверху. Они терпели, терпели, потом начали мне говорить, а вернее, меня уговаривать: дескать, для открытия горловины тоннеля потребуется около часа и то при очень большом напряжении и при благоприятных условиях.

Может, спуститься, начать работы, а там... опять же видно будет.

Но вот это-то "видно будет" меня никак и не устраивало.

Я сказал:

- Смотреть надо здесь, а не там. В подкопе немного увидишь.

Несвоевременное открытие горловины могло погубить титанический шестимесячный труд, убить в людях веру в освобождение, привести, наконец, прямиком к виселице. Я пытался все это втолковать товарищам, даже пробовал отшучиваться - в тяжелые минуты прибаутки нередко помогают. Но всему приходит конец, шутить больше было нельзя, люди изнервничались, все были раздражены. Только Роман казался стойким, но внутри, наверно, и у него все клокотало.

После двенадцати часов ночи Роман ничего не спрашивал, он только изредка подходил ко мне, молча смотрел в окно на светлый двор блока и снова тихо уходил к себе. В последний раз он подошел, заглянул мне в глаза, опять в окно. Что думал в эту минуту - не знаю.

После долгого тяжелого молчания я сказал тихо, но твердым, уверенным голосом:

- Идти нельзя. Надо распустить людей до завтра. Скоро утро,

теперь не поможет темнота.

Роман покачал головой, я услышал протяжное:

- Да-а... Он спросил:

- А завтра? .

- Посмотрим.

Кто-то из наших незаметно приблизился к окну и, вероятно, слышал наш разговор. Он сказал ни к кому не обращаясь:

- А завтра нас могут угнать в Германию, могут немцы обнаружить подкоп и тогда - прощай, жизнь...

Товарищу никто не ответил. Роман только покосился на него.

Я пожал им обоим руки со словами:

- До завтра.

Попрощались и разошлись мы не весело.

Однако злоключения этого дня, как выяснилось, еще не кончились. Предстояло незаметно выбраться из второго блока, пройти, а местами проползти двор и до подъема занять свое место на нарах. Со мной шел бывший начфинотдела одной из приволжских областей. Он был немного моложе меня, но грузный и малоподвижный.

Был второй час ночи, обычно дежурные санитары палат в такое время спят. Мы, не задумываясь, открыли дверь, вошли в большую палату второго блока и уже наполовину прошли ее, как вдруг услышали громкий голос:

- Микола, а Михола, проснись! Пришли чужаки пайки воровать!

Послышались шаги санитаров, два человека погнались за нами. Была большая опасность, что они подымут шум, с нар послезают десятки голодных людей и устроют нам самосуд, как ворам, или поймают и передадут лагерным полицейским, а те - немцам и начнется кутерьма.

Нам и в голову не приходило, что так угрожающе может закончиться наше мирное шествие через палату.

Положение осложнялось тем, что оба мы были из других блоков. Нас сразу спросят:

- Зачем и как попали ночью во второй блок?

Не задумываясь, мы бросились бежать из палаты на лестницу. Надо было замести следы. Мы поднялись на третий этаж и уже на площадке услышали возмущенные голоса снизу:

- Гляди, Микола, их черт принес за чужими пайками, аж с третьего этажа!

Дальше погони за нами не было, мы вошли в общую уборную, передохнули а через некоторое время, наконец, выбрались во двор.

Днем я пробовал уснуть, мне казалось, что после ночных

треволнений я просплю весь день. Товарищу по нарам - Филиппу я сказал:

- Филипп, кажется, я крепко заболел, ты не буди меня.

Филипп ни в чем не усомнился:

- Известно - простуда, одежда-то у нас плохонькая. До обеда я лежал, но сон не шел, покоя не давали мысли: что будет ночью?

День был очень томителен, к обеду время двигалось медленно, а после, похоже, - совсем остановилось. Когда человек занят, быстрей проходят недели, чем прошел этот день.

С полудня похолодало, мог даже выпасть снег, но это было бы весьма некстати - на снегу остаются следы. Черные тучи закрыли небо, поднялся ветер. Мы опасались, как бы он не разогнал тучи и не повторилась бы вчерашняя история, но... шел дождь и было темно.

Вечером мы снова собрались во втором блоке. Роман Александрович был выдержанно спокоен. Поздоровавшись со мной, он сказал:

- Хорошо, что вчера не пошли, сегодня и бог перешел на нашу сторону, темно как по заказу!

Когда часовая стрелка перевалила за 21 час, Лопухин, не спрашивая меня, сказал Павлу Антоновичу:

- Спускайтесь вниз, готовьте выход!

Через час и мы с Романом направились к подкопу. И тут на меня надвинулась серьезнейшая опасность.

Мы спустились вниз, вошли в подсобную кладовку, откуда начинался подкоп, Роман спросил:

- Кто пойдет первым? Я ответил:

- Положено мне, но я не вижу входа. Стоявший тут же санитар сдвинул кадушку, и в глиняном полу обнаружилась, небольшая дыра. Роман сказал:

- Вот вход.

При моих габаритах было просто немыслимо поместиться в этой дыре.

Я усомнился, решив, что наш врач шутит, и стал рассматривать небольшое отверстие, стараясь уразуметь - как я туда пролезу? Заглянул вниз, там было темно, тянуло сыростью подземелья. Я просто растерялся.

Лопухин сказал:

- Давайте, я пойду первым.

Я попробовал спустить в дыру ноги, но санитар остановил меня и сказал:

- Надо вытянуть руки и в подкоп спускаться вниз головой.

Я попробовал так сделать, но мой крупный корпус все равно не вмещался в дыру.

У меня ноги подкосились - что же делать? Они уйдут, а я должен остаться?

Товарищи тоже заволновались. Отчаявшись, я сбросил шинель, сунул голову и руки в подкоп, стал, как крот, буравить землю. Песок за ворот сыпался, но земля не резиновая, и отверстие не расширялось. Я решил: "Всю одежду сброшу, хоть и стужа и дождь. Голый, да уйду".

В следующий натиск я перекосил туловище, вытянул руки, Роман подтолкнул меня, корпус подался вниз, и я очутился в подземелье. Кругом было темно и сыро. Я пополз вперед и через некоторое время очутился в первой подземной "станции" славутского "метро". Горел тускловатый свет, можно было разминуться двум ползущим навстречу людям, можно было посидеть, по-восточному подобрав ноги под себя. Немного передохнув, я почувствовал руки и голову ползущего за мной Романа. Стало чуточку веселей, я снова пополз вперед.

Всего проползти надо было девяносто метров. Я двигался, пока не уткнулся в чьи-то ноги. Уткнувшись, остановился, прислушался. И вдруг услышал странно измененные земной толщей голоса. Наверху говорили, но кто - немцы или полицаи - в подкопе трудно разобрать.

Да, признаться, оно было и неважно. И те и другие были для нас одинаково опасны. Продвигавшееся впереди меня первое звено отряда "Восток" во главе с Павлом Антоновичем потому и залегло, что тоже услышало голоса охраны. В подкоп они спустились часом раньше, а к работам по открытию горловины все еще не приступали.

Лежавшие впереди люди молча тяжело дышали. Наверно, не у одного меня мелькнула страшная мысль: а вдруг засада? Вылезешь из подземелья, а тебя стук по голове! - и потащат в гестапо. А утром для устрашения и назидания на воротах "Гросс-лазарета" повесят.

Когда в подкоп спустились еще несколько десятков человек, доступ воздуха почти совсем прекратился и люди стали задыхаться. Надвигалась катастрофа, мы без всякого гестапо могли погибнуть под землей от удушья. Свет в подземелье погас. Я передал в хвост:

- Двоим последним выйти к проволоке и посмотреть, что происходит.

Ответа мне не передали. А разговор над нами не прекращался, слышался и смех. Как же горько было его над собой слышать!

Тянулись бесконечно долгие минуты тяжкого томления, многие были близки к обмороку. Казалось, мы в подземелье

лежим уже целую, вечность. Я слышал стоны:

- Задыхаюсь... дайте воздуха...

Но никто никому не мог помочь, все лежали плашмя, впритык, ни повернуться, ни подняться не позволял диаметр норы. Выход был один: открыть горловину, но мы медлили и ждали, никому не хотелось попадать в лапы гитлеровцев. Я сам боялся потерять сознание и, прильнув губами к сырому песку, пытался высосать из земли хоть чуточку воздуха и свежести.

В такую тяжелую минуту ни в коем случае нельзя терять управления своими чувствами, и я старался рассуждать: "Разговор и смех охраны... Значит, это не засада. В засаде должна быть тишина. Да, но вдруг они так уверены в успехе, что даже не считают нужным скрывать? Может быть, и так..."

Вся жизнь, что любил, за что боролся, - все промелькнуло в уме, пока мучились мы в подземелье.

Наконец голоса вверху умолкли, почему-то стало легче дышать. Потом выяснилось - десятки людей выползли назад, тоннель опустел и стал поступать воздух. Я передал Роману: "Узнайте, кто ушел и что происходит у проволоки". Ответа снова не последовало. Спустя немного времени мне передали: "Сзади осталось не больше пяти человек, остальные уползли в корпус".

Наверху было тихо. Я передал команду: "Приступить к работам!" Прошло еще много тяжелых минут, но дышалось уже легче. Наконец, Павел Антонович сообщил: "Горло открыто, иду наверх".

Я передал Роману: "Все наверх!" Словно дрожь прошла по тоннелю. Как только открыли горловину, люди ожили. Жизнь возвращалась! Мы поползли вперед.

Уткнувшись головой в земляную стену, я почувствовал струю свежего холодного воздуха. Я уже приподнял было голову, как вдруг чья-то рука цепко схватила меня за ворот и с силой толкнула вниз. По телу у меня мурашки поползли.

Еще раз попробовал поднять голову - нет, держат за шиворот цепко!

И вдруг эта же рука сильно потянула меня теперь уже наверх. Последней мыслью было: "Будь, что будет..." Я подтянулся последний раз, встал на ноги и - очутился наверху. Холодный ветер, дождь и много свежего свободного воздуха.

Нащупав рядом Павла Антоновича, я вздохнул облегченно. Кругом было темно, от забора доносились удаляющиеся шаги охраны.

Я спросил Павла Антоновича:

- Где люди?

- Пробираются к лесу, - ответил он.

Вылез наверх и Роман.

Мы поползли. Миновав шоссе, встали и насколько могли быстро и бесшумно зашагали к лесу. Лагерный голод и нервные потрясения подействовали на мое зрение, я плохо видел. Зная это, Роман Александрович смотрел за двоих и старался на ходу рассказать мне обо всем, что нас окружало.

Пройдя метров четыреста, мы стали выдыхаться, надо было остановиться и передохнуть, Я спросил Романа:

- Ну, как?

- Да как в плохой бане, - не мылся, а мокрый.

Но все же невероятное напряжение последних суток понемногу спадало - самое опасное было позади.

Мы подошли к сборному пункту первого отряда. Там, настороженно оглядываясь, уже сидели человек шесть, Из подкопа подходили все новые и новые люди. Я сказал Роману, что нужно послать двух товарищей для обследования места и проверки последнего забора.

- Помните, через забор может быть пропущен ток высокого напряжения!

Два человека направились к забору на разведку.

Подошли еще несколько товарищей. Неожиданно в воздух взвилось несколько ракет, осветивших все поле. Мы попадали на землю. По лагерному валу шли два вооруженных немца. О захвате оружия сейчас нечего было и думать. Одна была мысль - лишь бы нас не обнаружили. Ракеты неверным мерцающим светом освещали темную землю, но немцы, видимо, пустили их просто для острастки. Так мы и расстались с ними благополучно.

Мы ждали еще несколько десятков человек, которые должны были подойти из подкопа на сборный пункт, но люди не шли. Близился рассвет, дорога была каждая минута; я посоветовал Роману Александровичу послать надежного товарища к подкопу - возможно, люди просто заблудились в темноте..

- Сходи-ка, Коля,- просто сказал Роман одному пареньку-фельдшеру, как будто речь шла о том, чтоб лекарство из аптеки принести.

Николай встал и ушел.

Прошло минут пятнадцать, раздался выстрел, за ним другой. Несколько человек вскочили, собираясь бежать, но, услышав команду: "Ни с места, садись!", - снова опустились на землю.

Кто-то сказал с тоской:

- Неужели погоня?

Но прошло еще некоторое время, в лагере было тихо. Мы уж подумали, что, возможно, оставшихся схватила охрана. Жалко было отчаянно и Колю, и Павла Антоновича, дежурившего у

горловины.

Люди стали беспокоиться, торопить с уходом в лес. От проволочного забора вернулся один разведчик и сообщил, что ток через забор не пропущен.

Мы все-таки решили еще подождать и, наконец, услышали шаги. Подошли Павел Антонович, Коля, а с ними еще три или четыре человека.

- Все, - сказал Николай как ни в чем не бывало.

- А где ж остальные?

- Вот этих я стащил с нар, - так же спокойно пояснил Николай. - Тоже никак не хотели лезть обратно в подземелье. А остальных не нашел.

- Я ведь не мог там долго оставаться, - закончил он едва ли не извиняющимся тоном.

Оказалось, Коля - ни мало ни много! - не только вернулся к подкопу, но снова пролез через всю "трассу" и даже во втором блоке побывал. О выстрелах он сказал, что, очевидно, выпалил случайно кто-то из охраны.

Дальше ждать было невозможно и бессмысленно. Мы двинулись к последнему забору. Впереди - разведчик, за ним я с Романом и остальные. Хвост небольшой колонны замыкали Павел Антонович и Коля. На колючий забор накинули шинель, и, помогая один другому, все перебрались.

Вошли в рощу, нас обдало свежим запахом сосны и хвои. Ночь была темная, ветер утих. Как просторно, как душисто было в роще!

За все шестнадцать месяцев плена я первый раз радостно вдыхал свежий, свободный воздух и не мог надышаться. В роще мы вырезали палки, оставив на них сучки, в карманы набрали песку. Это было наше первое оружие на случай встречи с врагом. Теперь предстояло перебраться через реку Горынь, войти в лес, затем раздобыть настоящее оружие и расстаться с сучками - оружием древних времен.

Из рощи наш маленький отряд двигался уже по-военному, с мерами охранения. Впереди метрах в семидесяти - ста шел парный дозор, позади на расстоянии видимости двигалась охрана тыла. Каждый знал, что ему делать при встрече с врагом. Одни должны были нападать и сыпать песок в глаза фашистам, другие обезоруживать.

По плану мы намеревались пройти мост через приток Горыни, куда немцы, по словам жителей, иногда высылали засаду. Обойти его было невозможно.

После небольшой разведки установили, что верхний настил из досок снят, часовых или засады не заметно. С большой опаской

стали мы пробираться по скользким балкам моста. Прошли благополучно. Огородами обогнули небольшую деревню и по проселку двинулись на юго-запад.

Дышать легко, морозный ноябрьский воздух придавал бодрости, свобода преумножала силы. Пока все шло хорошо, лагерь остался далеко позади. Похоже, у людей даже походка, даже лица сразу изменились.

Шли быстро. Один пожилой мужчина стал отставать - открылась старая рана на ноге. Он сказал, что не хочет быть помехой, и просил его оставить. Но люди подхватили товарища под руки и потащили на себе. Решили: если уж совсем не сможет двигаться, помочь ему добраться до ближайшей деревни и там сдать на попечение жителей.

Перед рассветом нам попались женщины, видимо местные колхозницы. Они-то и рассказали нам, где перейти реку Горынь и как пробраться в лес,

Занимался рассвет.

За рекой Горынью

Реку Горынь мы прошли беспрепятственно. Было уже почти светло, когда произошла встреча, стоившая всем нам немало нервов.

Идем мы, вдруг - навстречу двое в добротной защитной форме. Хорошая одежда, упитанный вид свидетельствовали о том, что это не наши люди. Оружия на них мы не заметили, но пистолеты, гранаты могли быть и под шинелями. Сама по себе встреча с двумя людьми - по виду охранниками или власовцами - никого не испугала. Нас было много больше, мы справились бы с ними даже без помощи нашего несовершенного оружия - палок. Пугало другое: а вдруг это только разведка, "наводчики", и где-нибудь поблизости, может быть даже на опушке леса, нас ждет гитлеровская засада. Тяжело было думать, что побег наш, осуществленный с такими трудностями, приведет нас не на волю, а в тоже гестапо на пытки и муки.

Встретились. Остановились. Обе стороны принялись выведывать друг у друга: кто куда путь держит.

Мне надоела эта дипломатия, да и утро подстегивало, очень уж не хотелось встречать его на открытом месте. Я взял да и чуть прикрикнул на них. Услышав тон приказа, оба подтянулись по-военному и доложили уже вразумительно, что они были в охране у гитлеровцев, чтоб жизни свои спасти, при удобном случае сбежали, идут в Шепетовку.

Второй, правда, поправил докладывавшего:

- Чего уж там брехать, идем куда глаза глядят.

- А где оружие?

- В полку осталось. Ушли не из казармы, а с гауптвахты. Ночью выбрались в окно и убежали.

Положение создалось трудное. Все могло быть и правдой и ложью. Ясно было одно - отпускать их сейчас от себя нельзя. Я приказал им пристроиться к нам, а Роману сказал тихонько:

- Займитесь.

- Вот, пойдем рядом, потолкуем, - обещал Роман.

Наконец, вошли мы в лес за рекой Горынью. И вовремя. Занималось утро, ночная темь уступила место свету, только в лесу было сумрачно и прохладно. Родным, просторным домом показался нам этот лес, словно бы каждый шаг сейчас версты прокладывал между нами и проклятым пленом. Я, конечно, понимал, что еще много горя придется хлебнуть, и все-таки радостное чувство освобождения нарастало с каждым часом, несмотря на присутствие нежданных спутников и усталость, которая давала себя знать. Ведь при нашей болезненной истощенности мы не спали уже вторую ночь.

Начинал мучить и голод. Остановились, решили устроить перекур. Одежонка у меня была немудрая - старый слежавшийся ватник и летнее обмундирование, - а все-таки, несмотря на холодное ноябрьское утро, я был весь в поту. Очень хотелось раздеться и брякнуться прямо на землю.

Многие, обессилев, так и сделали. Лопухин всех поднял, запретив сидеть и лежать на сырой земле. Люди стали пристраиваться на пеньки, на сучья и ветки. Курящие задымили, некурящие взялись за сухари.

Роман Александрович позаботился, и каждый имел двести граммов сухарей неприкосновенного запаса. На войне "НЗ" расходуют в крайнем случае. Мы решили, что сейчас можем позволить себе такую роскошь - пожевать несколько сухариков. Нашлось и две фляжки воды. Не обошлось, конечно, и без высказанных вслух мечтаний:

- Теперь бы стаканчик чайку, да еще с сахаром, да печеной картошки, скажем, по две или три штуки на каждого - вот бы кутнули!

Какой-то безудержный фантаст даже про водку вспомнил.

Только мы размечтались, как в лесу раздался резкий свист. Все насторожились, свист повторился. Мы вскочили на ноги. Огляделись, но в лесу никого не было видно. Мелькнула мысль: а вдруг погоня? Может, охранники только представились беглецами, а на самом деле за их следом наблюдают немцы?

Многие хотели бежать врассыпную. Я .скомандовал:

- Стой! Без паники!

Сняв охранение, мы ускоренным шагом двинулись в лес, в

обратную сторону от свиста.

Свист утих, но подозрение осталось.

Углубляясь в лесную чащу, мы шли долго и быстро. Пасмурное утро сменилось днем. Через хмурые облака пробивалось солнце. Все устали. Пришлось остановиться. Быстро наломав веток и выставив два сторожевых поста, мы улеглись и уснули. Мне хотелось подумать, что делать дальше, как и всех меня очень беспокоили охранники, но глаза сами закрылись, и я мгновенно забылся.

Сколько длился наш сон, трудно сказать. Проснулись мы от возгласа: "Немцы!" Это магическое слово вмиг подняло всех на ноги. Вскочили и охранники.

С северо-востока слышался шум моторов и трескотня мотоциклов. Не задумываясь, как вспугнутые зайцы, мы поднялись и бегом бросились в глубь леса. Ветки хлестали по лицу, люди ничего не замечали, только опускали голову, прикрывая глаза.

Бежали мы долго, почти до изнеможения. Думалось, - а вдруг в лес въехала большая группа гитлеровцев из Славуты. От дорог, от торных тропинок мы шарахались в сторону, зарываясь в самую чащу. Все кошмары фашистского плена преследовали нас.

Только во второй половине дня мы решились остановиться.

Всех ужасно тревожили приставшие к нам охранники. Если бы мы твердо знали, что это враги, а не люди, которые честной борьбой у партизан хотят искупить свою вину перед советским народом, мы быстро с ними расправились бы...

Надвигался вечер, подкрались сумерки. Мы достали карту, компас, сориентировались, посовещались, как быть дальше. Решено было заночевать здесь и в течение ночи разведать в ближайших деревнях все, что возможно, о немцах и партизанах.

На ум пришла хорошая идея - послать в разведку именно двух охранников. Они, дескать, знают эти места, их одежда не вызовет подозрения.

Кто-то из наших запротестовал, говоря, что посылать их надо только по одному и с нашими людьми. Я успокоил говорившего:

- Не волнуйтесь, товарищ. Задание получите и вы, но самостоятельное.

Мне хотелось этими словами несколько замаскировать подозрительность и недоверие, выказанные по отношению к охранникам нашими людьми. Но, вероятно, охранники и сами понимали, что мы можем их только ненавидеть.

Уж не знаю, в общем, что они думали, но внешне держались так, словно бы и не замечали недоброжелательства. Я же про себя решил: как только они отойдут на значительное расстояние, мы

сейчас же сменим стоянку. Это будет самая безболезненная форма расставания с этими подозрительными людьми.

Так и сделали. Едва беглецы-охранники удалились на почтительное расстояние и мы убедились, что они за нами не наблюдают, мы снова двинулись в глубь леса в направлении большого озера, которое привлекло наше внимание на карте еще на чердаке второго блока лагеря.

Стемнело, идти стало много трудней. Быстро двигаться теперь можно было только по дорогам и тропам, а они петляли, уводя нас с нужного направления.

Подул северный ветер, пошел снег с дождем. От ветра нас лес еще кое-как защищал, но укрыться от ледяных крупинок снега было невозможно. Немудрящая наша одежонка стала быстро намокать. Остановились на ночлег. Как ни хотелось костер разжечь, обогреться хоть немного, - не решились.

Все-таки точно на местности мы сориентироваться не могли, кто есть в лесу - не знали, оружия не было,

В плену каждый из нас наслышался о том, как люди, убежавшие из лагерей, снова попадались гитлеровцам из-за простой неосторожности.

Жались друг к другу, мерзли, но костра не зажигали. Скоро услышали голоса петухов. Поняли, что наступила полночь и где-то поблизости от нас деревня, но кто там? Могла быть там засада немцев или полиции, а может, и наши хорошие люди живут. Будь у нас оружие, мы бы, не задумываясь, рискнули пойти ночью в деревню, хоть бы от непогоды укрыться. Но у нас, кроме суковатых палок и песка, ничего не было.

Да и песок-то пришлось выбросить. В карманах он намок и уже не мог сослужить службу.

Всю ночь, как когда-то во дворе тюрьмы, мы "проплясали" на холоде, прижимаясь спинами друг к другу.

В деревню все-таки не пошли. К утру снег и дождь прекратились, мы снова тронулись в путь. Небольшой запас сухарей каждый съел еще вчера, хотелось есть, позднее захотелось и пить, а вода не попадалась. Но вскоре мы подошли к тому озеру, которое значилось в наших планах. За все это время никаких следов партизан мы не заметили.

Расположились под большим дубом. Удивительная тишина стояла в предутреннем лесу, озеро большое, спокойное. Каждый, кто хоть немного любит природу, залюбовался бы ее чарующей красотой. Но наше положение было слишком незавидно. Все сидели молча, озираясь по сторонам, и каждый думал свою тяжелую думу.

Вдруг послышался треск сучьев, легкий шум в кустах.

Первая мысль: "Немцы! Живьем хотят захватить". Кто где сидел, так и залег.

Из кустов вышла косуля, остановилась, чуть подняв голову, спокойно поглядела по сторонам. Какой-то миг мы любовались великолепным животным. Потом кто-то стал подкрадываться к нежданной гостье. Наивно, конечно! Косуля, почуяв опасность, мгновенно повернула обратно в кустарник и скрылась.

Все рассмеялись.

- Ружье бы! Хорош был бы шашлычок на завтрак.

Только на рассвете следующего дня, голодные и предельно усталые, решились мы подойти к небольшой деревушке, как позднее выяснилось, - Хоровице. Подошли крадучись. Постучались в окно, спросили прямо, - кто в деревне? Нам ответили, что ни немцев, ни полиции нет. Мы попросили хозяина к выходу!

Вышел пожилой украинец, поглядел на нас и сразу, конечно, понял, что мы беглые.

- Хлопци, а де ж ваше оружие? - спросил он.

- Наше оружие в лесу, говорим. А сами опять расспрашиваем его о немцах да о партизанах. Хозяин опять оглядел нашу одежду, палки.

- Хиба ж вы не партизаны?

- Будущие партизаны, - сказал кто-то из наших. - А пока просто голодные люди.

Хозяин пригласил нас в хату.

Хозяйка молча поставила на стол кувшин молока и положила буханку черного хлеба. У хозяина глаза округлились, когда он увидел, как набросились люди на еду, как, еле прожевывая, глотают они хлеб.

- Наталка, нэсы последний кувшин, - сказал он, - а вы зовите и остальных в хату.

Женщина замялась, стараясь встретиться глазами с мужем.

- Нэсы! - строже добавил он, не глядя на жену. - Сами как-нибудь перебьемся.

Нам принесли второй кувшин молока и еще одну буханку хлеба.

- Кушайте, товарищи, - сказал хозяин. - Дали б больше, да больше у нас нет. Есть картошка, так ее варить, надо.

Мы поблагодарили.

В разговоре выяснилось, что ночью в селе были партизаны. Хозяин сказал нам об этом, подумал, вроде бы что-то вспомнил. "Погодите, - говорит, - может, и не все ушли", - и вышел из хаты.

У нас мороз по коже прошел. Думаем - не то бежать, не то к бою готовиться. Вдруг смотрим, наш хозяин возвращается с

каким-то узбеком.

Узбек был в немецкой форме, с винтовкой на плече. Совершенно так же одевали гитлеровцы охранников, ловивших партизан.

Мы схватились за палки и готовы были кинуться на хозяина и на узбека, когда услышали его совершенно спокойный голос:

- Здравствуйте, товарищи!

Он спросил нас, уж не помню о чем - нервы все же были слишком напряжены, и сказал:

- Пойдем к нам.

Вместе с ним мы снова вошли в лес, вначале в молодой, где между тонкими стволами пробивалось утреннее солнце, а потом в густой, глухой бор. Тревога как бы не доставили нас в руки немцев - не проходила. Мы обступили узбека, смотрели в оба и ждали - если увидим, что он нас к гитлеровцам привел, вцепимся ему в горло, отберем винтовку, а там - будь что будет.

Томимые тревогой, не, доверяя человеку в немецкой форме, мы двигались лесом. По пути задавали всяческие вопросы, узбек отвечал сдержанно, не обращая на нас особого внимания. Его беспечность, с одной стороны, успокаивала, с другой - настораживала. Лесная тропа кончилась, мы свернули влево и снова молча зашагали по лесу. Минут через сорок - пятьдесят из кустов бесшумно появились несколько вооруженных человек. Со всех сторон на нас глядели винтовки, автоматы.

Однако узбек сказал какой-то пароль, и нас повели в партизанский лагерь. Кроме провожатого, только один человек и пошел с нами к командиру отряда.

Мы переглядывались, шагали молча, все еще не в силах поверить, что дошли, что - на свободе, что - среди своих.

Минут через десять - пятнадцать нас ввели в небольшую землянку. Все уместиться в землянке не смогли. Часть людей осталась снаружи.

Высокий стройный молодой человек поздоровался с нами и спокойно сказал:

- А мы вас ждали.

Искренне удивленный, я спросил:

- Откуда же вы могли о нас знать? Он так же спокойно пояснил:

- Вчера наши люди доставили двух охранников, они говорили, что двигались вместе с вами, да растерялись...

В землянке было темновато, посреди горел небольшой огонек, лежала гитара и рядом - винтовка и автомат. Странное это сочетание мне чем-то понравилось уверенно люди живут, как дома.

Хозяин расспросил коротко, кто мы и что мы, и сказал автоматчику, находившемуся в землянке:

- Федор, разведи товарищей по землянкам, скажи, чтоб накормили, и пусть поспят. Мне и Роману он предложил:

- Оставайтесь здесь. Когда люди отдохнут, надо будет соорудить пару новых землянок.

Но меня не землянки сейчас тревожили. Оружие бы достать! Я сказал об этом командиру. Тот ответил:

- С оружием у нас плохо. Несколько винтовок мы вам дадим, а остальное вместе добывать придется.

К вечеру мы получили четыре винтовки и штук тридцать патронов.

Так началась наша новая партизанская жизнь.

В первый раз после долгих месяцев люди наелись досыта, напились горячего чая. С непривычки даже тяжело стало. Казалось, вот теперь-то и выспаться вдосталь. Все улеглись, попробовали заснуть, прийти в себя от всего пережитого, но нервы были так взбудоражены, что сон не шел.

Я встал, мы побеседовали немного с командиром отряда и несколькими партизанами. Люди были хорошие, как видно, боевые и смелые.

Товарищ Иван Музылев - так звали командира отряда - на слова был скуп, больше слушал, расспрашивал о побеге из лагеря, о жизни в плену. Мы с ним осмотрели Лагерь, подошли к повозкам, на которых партизаны подвозили продовольствие. Белая лошадь флегматично посмотрела на нас и снова принялась обгрызать повозку. Музылев любовно потрепал ей гриву и сказал:

- Придется тебе до вечера подождать сена, а может, и до ночи, а там покормим не только сеном, но и овсецом.

На павозке стоял пулемет максим, покрытый какой-то дерюгой. Я осведомился - почему пулемет стоит на повозке? Музылев рассказал:

- Неисправный. Недавно его откопали. Спрятан был в земле. Наши части, когда отходили летом в 1941 году, оставляли не только пулеметы, но и пушки и другое оружие. Мужики подбирали и прятали. Иной зароет и забудет, заржавеет оружие. Этот пулемет почти исправный, только внутри у него чего-то не хватает. Сам-то я, жаль, не пулеметчик.

Я в гражданскую войну был начальником пулеметной команды на фронте и знал пулеметы разных систем. Осмотрел максим. Пулемет действительно был весь исправный, не хватало только в замке боевой пружины и хвост ладышки был сломан. Я разъяснил Музылеву в чем дело. Он сказал, что попытается эти части достать.

Мы поговорили о людях. Я спросил Музылева о двух охранниках, доставивших нам накануне столько хлопот:

- Не опасно ли держать их в отряде? Музылев сказал просто:

- А мы их проверим.

- Как?

- А на операции. У нас каждый в бою проверяется, это хороший способ проверки. Другой проверки, скажем - бумажной, у нас нет. Мы думаем, что проверка в бою надежнее, чем анкета, в которой всякое можно написать. Тут каждый рискует жизнью, своей головой, а не просто пишет, кем был его дедушка или какое тавро стояло на бабушке.

Проверили мы сторожевые посты. Вот и без отдыха, без сна, а с каждым часом возвращались ко мне силы, хозяйское чувство уверенности, с которым прожил я всю жизнь на родной советской земле. Я рассказал Музылеву о своем прошлом, о том, как более десятка лет прослужил на различных границах, как бились мы под Севастополем, как попали в плен и как в плену каждый из нас хватил горя не на одну, а на несколько жизней.

Вечером партизаны уходили на операцию, надо было добывать оружие, продовольствие, фураж. К утру группа вернулась и кое-что привезла. На следующую ночь пошли на операцию и наши люди, принесли две винтовки и один наган.

В лесу мы освоились быстро. На операции ходили часто, через несколько дней все бежавшие из лагеря были уже с оружием. У меня, кроме винтовки, появился еще наган и к нему штук десять патронов. Вдобавок после одного удачного налета на полицию товарищи подарили мне гранату - русскую "лимонку", с которой я не расставался ни днем ни ночью.

Правда, граната эта усугубила мое почти катастрофическое положение с обмундированием. Она лежала постоянно в левом кармане брюк, а мои солдатские брюки и без того уже расползлись, потому что срок им, как говорится, кончился еще в 1942 году. Может быть, теперь это и странным покажется, но надеть штаны немца или полицейского я прямо-таки не мог, физическая брезгливость не позволяла.

Иван Музылев однажды, приглядевшись ко мне попристальнее, сказал:

- Найдем обязательно штаны, военные свои или, на крайний случай, гражданские. А то прямо конфуз.

Хоть и в неказистых поначалу костюмах, а пользу партизанскому отряду наши люди принесли. Все-таки среди нас было немало настоящих военных специалистов, и знания их в лесу оказались чрезвычайно нужными.

С нашим приходом отряд вскоре перестроился, больше

военного появилось и в его организации и в требованиях дисциплины. Мы решили специализировать людей, создали разведывательный, диверсионный, медицинский и хозяйственный взводы.

Это помогло нам укрепить отряд, лучше обучить людей. Вскоре по району о нашем отряде заговорили.

Почти каждый день прибывали в лес новые силы, отряд разрастался. Народ шел отовсюду. Шли мужчины, женщины, девушки и подростки, гонимые нуждой и насилием фашистов. Шли с оружием и без него. Некоторые сообщали, где можно достать оружие, взрывчатку. Их принимали, проверяли на практической работе. Случалось, что попадались и такие, которые мололи всякую чепуху, чувствовалось, что это "не наши". Но они у нас долго не задерживались, распознавали их быстро.

О славных делах партизан в Великой Отечественной войне написано немало хороших книг, и я не стану повторяться, рассказывая в подробностях о том, как жил и боролся наш отряд, как день ото дня совершенствовали свое боевое уменье, закалялись в борьбе с врагом наши бойцы.

Остановлюсь лишь на некоторых эпизодах.

После того как о нашем отряде прошел слух, из деревень к нам стали поступать жалобы на полицаев - совсем, дескать, распустились, порят народ, все забирают и тащат в район немцам.

Мы решили научить деревенскую полицию вежливости. Продумали план операции и выставили засаду.

Полиция в деревнях была храбрая только днем, на ночь полицаи уезжали в район и там отсиживались вместе с немцами. Наши товарищи подкараулили полицейских. Под вечер полицаи мирно ехали в район, развалившись на двух розвальнях. Партизаны преградили им путь и скомандовали:

- Стой! Хенде хох!

Двое из них выскочили и схватились за оружие. Эти были убиты на месте, а остальные четверо сдались. Партизаны забрали оружие, патроны, сняли с полицаев одежду и обувь и, всыпав каждому горячих шомполов, босиком, в одном белье пустили в район, скомандовав:

- Бегом, изверги, и без оглядки, а то пуля!

Полиция трусцой тронулась босиком по снегу.

Во время порки полицаев спрашивали, знают ли они, за что их бьют.

Каждый отвечал по-разному, но все они клялись, что больше фашистам служить не будут. Так были проучены деревенские властелины. Партизаны вернулись в лагерь с оружием и патронами, привезли три тулупа, полицейскую одежду, обувь и

доложили:

- Задание выполнено!

Каждую ночь выходили наши группы в села, на железную дорогу, обстреливали воинские эшелоны, с немалым успехом уничтожали немецкие обозы.

Помню, однажды утром сравнительно небольшая группа партизан возвращалась с операции в лагерь. Двигалась она неподалеку от опушки. Вдруг дозорные заметили на шоссе - на Шепетовку - большую автоколонну немцев. Машины были крытые, рассмотреть, что именно везут гитлеровцы к фронту, было невозможно, но партизаны все равно открыли по машинам огонь.

Нападение оказалось совершенно неожиданным, на шоссе поднялась невообразимая суматоха. Многие из немцев были ранены и убиты.

Фашистов было больше, чем "лесных жителей", и наши, естественно, укрылись в глубине леса. Когда гитлеровцы добрались до опушки, партизан там уже не было. На месте остались только стреляные гильзы.

Спустя несколько дней мы узнали подробности этого налета. Оказалось, автоколонна везла на фронт летчиков. Тридцать из них полегли на шоссе.

На этот раз партизаны вернулись без трофеев. Надо было срочно добывать огнеприпасы и оружие. Чтобы пополнить наш боекомплект, решили напасть ночью на полицейский участок.

Дело было во второй половине декабря 1943 года, дул пронзительный северный ветер, метель выла, люди боялись нос из дверей хаты высунуть. В такую ночь к полицейскому участку подошли партизаны.

Наружный пост был снят без шума, но участок охранялся и внутри. Дверь была заперта, пришлось открыть огонь. Затрещали пулеметы, в окна комендатуры полетели гранаты, вспыхнул пожар. Операция закончилась успешно.

Интересно, что снять наружный пост, охранявший полицию, было поручено тем самым бывшим охранникам, которых мы когда-то встретили за рекой Горынью. В бою они вели себя дерзко, мужественно и стойко. В этой операции один из них был ранен в ногу.

После операции Иван Музылев сказал:

- Вот и проверили. Теперь можно сказать, что они стали партизанами.

Как известно, продовольствие, оружие, взрывчатку мы добывали только от гитлеровцев. Товарищи так и шутили: немцы - наш "отдел снабжения". Надо учесть при этом, что мы старались

при всякой возможности хоть чем-нибудь помочь и обобранным гитлеровцами крестьянам.

Прошел слух, что немцы на спиртном заводе поставили на откорм штук двадцать пять свиней. Завод охраняют гитлеровцы и полиция. Охрана вооружена автоматами, есть один или два пулемета.

Решено было навестить "фрицев" и взять то, что нам нужно. В селение послали разведку с задачей: выяснить систему охраны днем и ночью, порядок и время смены часовых; узнать, где отдыхают часовые, какова система допуска их на завод, где находятся оружие и патроны. Необходимо было найти на заводе своего человека, завязать связь со сторожами и рабочими.

Требовалось, наконец, уточнить, когда поставлены свиньи на откорм и к какому времени они отъедятся. Смешно же брать с бою тощих животных.

Когда были собраны все сведения и установлены связи, наши разведчики и хозяйственный взвод вышли на операцию. Готовились к ней тщательно, но зато и прошла она очень удачно. С нашей стороны не было ни одной жертвы.

Партизаны вошли на завод по пропускам, и в первом часу ночи по сигналу красной ракеты каждый выполнил порученную ему задачу. Прихватили у гитлеровцев даже кое-что "сверх плана".

В результате налета к утру в лагерь прибыл целый обоз: штук двадцать откормленных свиней, корова, пулемет, несколько автоматов, больше десятка винтовок с патронами, несколько бочек спирта-сырца и мука.

Теперь отряд был на долгое время обеспечен пищей. Мы смогли помочь крестьянам, которые были с нами связаны, и особенно солдаткам, чьи мужья ушли с частями Красной Армии.

Среди населения мы вели агитацию против гитлеровских захватчиков не только делом, но и словом.

Агитация наша была немудреной, но доходчивой. Для выступления мы брали живые, всем известные факты: увод скота, порка в гестапо и деревнях, увоз зерна и картофеля в Германию. Называли точные даты, деревни и фамилии пострадавших и спрашивали: "Доколе, товарищи мужики, бабы, молодежь, вы будете терпеть насилие врага, неволю, издевательства и глумление фашистов? Красная Армия наступает, уже освободила сотни городов и тысячи сел, взят Киев, а многие из вас продолжают терпеть нужду и голод. Бейте фашистов, не давайте грабить, не позволяйте издеваться над вами, нападайте сами, захватывайте оружие и патроны у врага!

А там, где не хватит у вас сил, скажите нам - поможем. Уходите в лес - мы вас примем, укроем и защитим от врага!"

Обычно небольшая листовка или устное выступление заканчивались призывом: "Товарищи, все к оружию - смерть оккупантам, долой фашизм, да здравствует Советская власть!"

Кажется, какие простые слова! Нужно только помнить, в какое время, в каких условиях писались они и произносились, тогда станет понятно, сколь важно было их значение для людей.

Все, кто бежали в лес честно, кто прошли проверку боем, - врастали в нашу жизнь. Разумеется, тем, которые приходили с оружием или приносили ценные сведения о враге, мы были особенно рады.

Мы имели своих надежных товарищей в селах, в районе, на железнодорожных станциях, в мастерских, на мельницах, куда нередко отвозили молоть пшеницу и рожь.

К нам приходили за советом, а иногда и за практической помощью не только местные жители, но и партизаны из соседних отрядов.

Надо сказать, что к этому времени кипучую деятельность развил Роман Лопухин. В медицинском взводе у него появились инструменты для операций, медикаменты, перевязочный материал.

Однажды явился к нам партизан из диверсионной группы. Очень взволнованный, он рассказал:

- Мы подрывали воинский эшелон, ночью все были на операции, а когда возвращались в лес, напоролись на засаду, нас обстреляли. Командир группы ранен, очень мучается, а врачей у нас нет. Товарищи, выручите и помогите!

Мы сидели в это время у костра и беседовали. Стоял ясный морозный день. Для партизан такие дни опасны. В лесу могут появиться немцы.

Роман Александрович был с нами и все слышал. Он выжидающе посмотрел на Музылева, перевел взгляд на меня.

Я сказал:

- Роман Александрович, по-моему, надо помочь. Надо сказать, что, когда какое-либо дело касалось нас, сравнительно недавно сбежавших из лагеря, Музылев держался подчеркнуто деликатно, почти никогда не разговаривая в тоне приказа. К другим-то "старым" партизанам или новичкам он бывал весьма строг, требователен, случалось и соленым словцом благославлял.

Вот и сейчас он не отдавал приказа Роману, но поглядел на него явно одобрительно, когда тот стал собираться и набивать свою медицинскую сумку.

Мне не хотелось отпускать Романа одного, я сказал, что поеду с ним, чему он очень обрадовался. Мы сели в санки и покатили к раненому командиру.

Небольшая деревушка расположилась почти на самой опушке леса. Когда мы вошли в хату, раненый стонал и ругался. Рана оказалась опасной. Роман занялся операцией, а я пошел осмотреться, чтоб в случае опасности не "засыпаться". Возница, наш партизан, остался у хаты на посту в готовности в случае чего драться до последнего или с нами на санках двинуть в лес. С партизаном диверсионной группы мы вышли на опушку. В двух или трех километрах от леса виднелось большое селение. Партизан сказал;

- А вот в том большом селе стоит отряд СС, каратели, всего человек триста.

- А вас? - спросил я. Диверсант флегматично ответил:

- А нас дюжина.

- Почему же вы остановились под боком у немцев?

- Эсэсовцы по бедным деревням не ходят. А если Пойдут, в лес уйдем. Сами видите - сняться нам не долго, у нас ни землянок, ни больших обозов, как птицы подвижны.

Мы вернулись к хате, где шла операция. Посмотрел я, стало трогательно и забавно. Роману помогали два молодых партизана-диверсанта. Видно, нелегко давалась им эта непривычная работа, оба бледные, в поту. Я подумал: "Вот кончится война, вернутся эти парни домой, будет о чем рассказать! И как эшелоны под откос пускали, и как хирургу ассистировали".

В свой лагерь мы вернулись вечером. По дороге довольный Роман Александрович рассказывал:

- Ну и крепыш! Операция сложная, а держался прекрасно.

- А исход? - спросил я.

- Думаю, поправится...

Прошло некоторое время. Больной действительно поправился.

День ото дня рос наш отряд. Он объединил теперь патриотов самых разных национальностей и специальностей, были у нас инженеры, шоферы, радисты, медицинские работники. Группы в десять и более человек уходили на задания тщательно подобранные, готовые к любым действиям.

В конце года немцы усилили движение по дорогам. На фронт шли танки, самолеты, перебрасывались войска; в тыл гитлеровцы увозили зерно, угоняли скот, вывозили лес, мебель, машины, даже необмолоченные снопы пшеницы и ржи. Часто проходили на запад поезда с ранеными.

На день мы теперь часто высылали дозоры к большакам, железным дорогам. Партизаны собирали очень ценные сведения.

Отряд наш постепенно вынес свои действия за пределы района.

Помню, однажды вечером мы с Музылевым долго изучали у костра карту, намечая маршрут в Проскуров, выписывали названия деревень и сёл, по которым нужно пробираться нашим диверсантам. Когда все было готово, позвали партизан на общий инструктаж. В землянке собрались все, кто уходил на узловые железнодорожные станции. Каждому командиру диверсионного звена объявили, кто куда пойдет, и дали маршрут. Одно звено направлялось в Проскуров, другое - на станцию Шепетовку.

Операция эта нами тщательно готовилась, обещала большой успех, настроение было бодрое, боевое.

Следующие двое суток бушевала вьюга. У партизан в такую погоду на душе радостно. Делай что хочешь, - немец в лес не пойдет.

Хороший выдался у нас один вечер... В землянке тепло и тихо - все молчат. Только высокий, стройный партизан играет на баяне и поет. Несмотря на поздний час, в землянку набилось много народу, встать негде, не то что сесть. Все слушают как зачарованные:

...До тебя мне дойти не легко,

А до смерти - четыре шага.

Когда высокий баянист замолк, его просили петь снова и снова, и опять неслись из землянки в заснеженный лес хорошие слова и хорошая музыка.

Наверное, все вспоминали в эти минуты о любимых, о близких. Так повеяло мирным временем, так потянуло домой!

Я тоже думал о жене, о сыновьях. Как-то они там, получили ли обо мне весточку, знают ли, что не пропал я без вести и не в плену уже, а снова в строю рядом с русскими людьми...

Дело в том, что в декабре отряд отправил через линию фронта в штаб партизанского движения группу партизан за взрывчаткой и оружием. Многие партизаны, воспользовавшись случаем, готовили письма. Товарищи и мне посоветовали написать письмо жене.

В первый раз наша группа не смогла пройти через фронт. Шоссейные дороги были забиты немцами, на фронт беспрерывно шли пополнения. Но на следующий день партизанам пройти удалось. Побывав в Киеве, группа недели через две благополучно вернулась к нам со взрывчаткой и оружием.

Партизан Вася пришел ко мне и сказал:

- А письмо ваше, Иван Федорович, я сам опустил в Киеве в почтовый ящик. Дойдет наверняка!

Не могу не сказать здесь спасибо Васе и нашей почте - дошло письмо!

Скоро из Шепетовки вернулась наша группа, и мы с

гордостью узнали, что гитлеровский воинский эшелон врезался на станции в эшелон с боеприпасами произошла крупная катастрофа.

Недели через две и из Проскурова вернулись люди, к сожалению, не все. Там нашими партизанами воинский эшелон был пущен под откос.

И еще хочется рассказать об одном, чрезвычайно взволновавшем меня событии, которое произошло в последние недели моей партизанской жизни.

Морозным утром начала 1944 года в лагерь возвращался с ночной операции взвод партизан. Они уже углубились было в лес, когда услышали неожиданно лай собак и шум моторов.

Партизаны замаскировались неподалеку от дороги и стали наблюдать.

Скоро глазам их предстала печальная картина. По дороге из Славуты на запад медленно двигались два броневика, за ними - охрана и большая колонна пленных, измученных, истощенных, кое-как одетых людей.

У наших хлопцев мгновенно созрело решение - конечно, напасть! Не позволить угнать наших людей на запад.

Но как это сделать? Немцев во много раз больше...

Все-таки решились.

Пропустив броневики подальше вперед, партизаны из леса открыли огонь по конвойным. Два немца были убиты сразу. Это внесло панику. Растянутая по обеим сторонам колонны, охрана открыла беспорядочную стрельбу из автоматов. Дорога была узкая, броневики быстро развернуться не могли, а конвоиры, боясь растерять пленных, не решались преследовать партизан. Пленные же, воспользовавшись суматохой, стали разбегаться по лесу. Охрана открыла по ним огонь.

Операция эта была закончена быстро, партизаны постепенно отходили в глубь леса, немцы их не преследовали, а конвоиров, пытавшихся ловить убегавших, наши люди сдерживали своим огнем. Только вечером вернулся партизанский взвод, зато привел человек пятьдесят пленных, В течение ночи были доставлены в лагерь еще восемь человек.

Утром перед строем так счастливо освободившихся людей я выступил с небольшой речью, поздравил их с удачным побегом и сказал:

- Сегодня часть из вас получит оружие, те, кто раздеты, - одежду и обувь, в дальнейшем все необходимое надо будет добывать у врага самим. Товарищи, на пищу сразу не набрасывайтесь, при вашем истощении неделю обязательно надо в еде себя ограничивать, чтоб не заболеть. А вообще-то пища у

нас добротная, воздух свежий, быстро окрепнете. Это я по себе знаю.

Люди смеялись, радовались как дети, послышались аплодисменты, кто-то пытался даже крикнуть "ура".

Мы пожелали новичкам успеха в борьбе с врагом, пригласили их поесть, а перед едой поднесли каждому небольшую толику разведенного спирта.

И вот после завтрака ко мне подошел бывший пленный из числа пришедших к нам этой ночью и сказал:

- А я вас немного знаю.

Как будто и мне почудилось в нем что-то знакомое, Я спросил:

- А где мы встречались? Он улыбнулся чуть виновато.

- Встречались мы на чердаке второго блока славутского "Гросс-лазарета", перед побегом.

Сказал он - и сразу вспомнилось: полутемный чердак, простор из чердачного окна и страшная наша тревога в день, вернее в ночь побега, дыра подземелья, в которую я никак не мог пролезть... Видно, слишком живо было все это, потому что мне горло сдавило и я долго не мог вымолвить слова.

- Так чего ж вы не ушли с нами в ноябре? - чуть не крикнул я, справившись, наконец, с собой. И вспомнил опять, как мы ждали отставших перед внешним забором...

Он объяснил, что, когда люди в подкопе стали задыхаться, те, кто были сзади, испугались удушья и поползли обратно в блок. Попав в корпус, разошлись кто куда. . | А утром нагрянули гитлеровцы и всех, кто был мало-мальски здоров, угнали в Германию.

Некоторые из наших "новых" партизан и Романа Лопухина узнали. Как же благодарили люди этого прекрасного человека за его добрые дела в "Гросс-лазарете"! Теперь-то уж можно было говорить громко и откровенно. Немцы не подслушивали.

Пожалуй, что немцам в эти дни было уже не до подслушивания. Гитлеровская армия отходила на запад, ее преследовали части Красной Армии, а по ночам в гер-ма-нском "тылу" партизаны нападали на обозы, на автоколонны, пускали под откос поезда, жгли бензохранилища, помогая советским войскам освобождать родную землю.

Снова в армии

В двадцатых числах января 1944 года я с двумя товарищами из бывших пленных отправился в Славуту. Славута только что была освобождена.

Мы побывали в штабе полка, рассказали о себе и сообщили данные о противнике, имевшиеся в нашем отряде.

Нас тут же отправили к командиру дивизии, а оттуда в штарм.

Вскоре мне выдали военную форму, сапоги, папаху.

В марте я снова ехал на фронт в 18-ю армию. Командарм, помнится, поговорил коротко, а вот начальник политотдела армии Леонид Ильич Брежнев задержался со мной значительно дольше. Леонида Ильича интересовала не только наша Севастопольская оборона и горькая история плена, но и вся дальнейшая наша судьба, жизнь и борьба в партизанском отряде. Светлое, большое впечатление оставила во мне эта беседа.

Узнав о том, что я назначен заместителем командира 317-й стрелковой дивизии, Леонид Ильич сказал:

- Могу подвезти вас. Минут через тридцать я еду в эти края.

Мы сели в машину, выехали на шоссе и покатили к фронту.

Вечером следующего дня я добрался до командного пункта 317-й стрелковой дивизии.

Поселили меня в небольшой хатенке, связисты быстро провели телефон, принесли ужин. Где-то неподалеку на западе полыхало зарево пожара и слышался гул артиллерийских разрывов. Как все это было знакомо и как спокойно я себя здесь чувствовал - на своем месте, в строю!

Этой же ночью я проверил готовность двух стрелковых батальонов, а на рассвете наши части освободили город Литин. Это был мой первый бой в рядах армии после Севастопольской обороны.

Летом мы наступали на Львов. Затем форсировали Вислу, долго вели тяжелые бои на сандомирском плацдарме. Меня наградили орденом Красного Знамени. Первая награда после плена! Трудно представить и описать, какая это была для меня радость.

Осенью 1944 года у меня произошла знаменательная встреча. Меня принял командующий 4-м Украинским фронтом генерал Петров Иван Ефимович, в прошлом командующий Приморской армией под Севастополем, с которым мы виделись последний раз в конце июня 1942 года в бою.

Прошло немало месяцев войны, но Иван Ефимович выглядел сейчас много лучше, чем в Севастополе.

Когда я вошел в его кабинет, генерал встал и какой-то легкой, молодой походкой пошел навстречу. Он долго не выпускал моей руки, внимательно меня рассматривая. Потом сказал:

- Выглядите неплохо, но постарели, конечно.

- Плен не красит.

Иван Ефимович долго расспрашивал меня о подробностях

событий на берегу Черного моря после оставления нами Севастополя, о борьбе наших людей в плену. Беседа наша затянулась. Я понял, что генерал хорошо осведомлен и о поведении моем в гитлеровском лагере, и о моих действиях на 1-м Украинском фронте.

В конце беседы Иван Ефимович спросил неожиданно:

- А в горы хотите?

Я ответил согласием, хотя еще и не догадывался, что значит этот вопрос. Генерал сказал:

- Жду вас завтра к семи утра.

На другой день в назначенный час я явился. Командующий с карандашом в руке стоял у большой топографической карты. Поздоровавшись, он подозвал меня к карте. За условными обозначениями дивизий и корпусов легко было представить себе всю мощь нашей, теснящей противника армии. Генерал показал карандашом на карте города - Ужгород и Мукачев.

- Надо их освободить. Главное - Ужгород. Столица Закарпатской Украины!

В тот момент оба эти города были удалены от позиций наших войск на значительное расстояние и находились в глубоком тылу врага.

Я всматривался в рельеф горной местности, перерезанный узкими ленточками шоссейных, железных дорог и рек. Всматривался и раздумывал: воевать здесь будет явно нелегко. Особенно трудно будет протащить через горы на Мукачев и Ужгород тяжелую артиллерию и танки. Но раз нужно - значит протащим!

Командующий сказал:

- Запишите! Мотоотряд 18-А, гвардейская танковая бригада, самоходный артиллерийский полк, истребительный противотанковый артиллерийский полк, армейский зенитный полк - все это составит подвижную группу 18-й армии. Командовать группой назначаю вас.

Подготовка длилась недолго. Начались тяжелые походы и бои в Карпатских горах и ущельях. Трудно было с танками, пушками и самоходками преодолевать Главный Карпатский хребет. Вместе с другими частями 18-й армии мы с боем заняли город Мукачев, отсюда подвижная группа, сбив прикрытие врага, направилась на Ужгород. Движения были быстры, бои с врагом - дерзки.

Помнится жаркая боевая схватка с гитлеровцами днем двадцать шестого октября. Она разыгралась вскоре после того, как мы вышли на оперативный простор. Противник пытался замедлить наше движение, заставить нас развернуться, но эта затея немцам не удалась. С ходу, прямо с дороги, по противнику

открыли огонь танки, самоходки и автоматические пушки зенитной артиллерии. Минут через двадцать - двадцать пять бой был окончен, на поле осталась масса трупов, были взяты в плен сотни солдат и офицеров. Не стану рассказывать о подробностях, скажу лишь, что в плен были захвачены три офицера - представители двух генеральных штабов, немецкого и хортистекого, координирующие действия между двумя армиями.

В 18 часов я доносил командующему: "Сбил противника с северной окраины Мукачева и к 17.00 с боем овладел Койданово. Противник бросает технику, пленных..."

В 22 часа того же числа наша подвижная группа захватила около двух тысяч пленных солдат и офицеров с оружием, исправными пушками, взяла обозы, даже не дав противнику времени вступить с нами в бой.

Мы вошли в большое селение, когда солдаты и офицеры противника спокойно разошлись по домам местных жителей, готовился ужин, пушки стояли вместе с обозом. Хортисты, удаленные на десятки километров от позиции, не допускали и мысли о возможности нашего появления, потому и были так беспечны.

Запомнилась забавная картина. Входим в дом, денщики суетятся у стола, готовя офицерам ужин, два или три офицера любезничают с молодыми женщинами, кто-то на гитаре играет и... вдруг - мы, советские офицеры, автоматчики.

На другой улице у походных кухонь мирно выстроилась очередь солдат с котелками, повара раздают пищу, вдруг появляются наши танки. Пусть не посетуют на нас те, кто остались в этот вечер без ужина!

В 20 часов 25 минут двадцать шестого октября 1944 года командующий фронтом писал: "Тов. Хомич! Продолжайте напряженно двигаться на Ужгород. 30-С. К. с севера овладел Перечни. 2 гв. сд. из района Турьян - Пасика спускается на юг в район Середне. Ив. Петров. Мукачев".

Указания командующего и ориентировка позволили нам не опасаться за наш тыл. Мы были не одни, с гор спускались наши дивизии, которые в случае надобности могли поддержать нас в беде. Мы ускорили движение и усилили натиск. Вся ночь прошла в подготовке налета на столицу Западной Украины Ужгород. Многие местные жители, днем побывавшие в Ужгороде, рассказывали нам, что к вечеру в городе началось сильное волнение. Немцы ставили заграждения на улицах, движение было запрещено, многих галичан прямо с улиц забирали в гестапо.

Медлить было нельзя. Я заявил представителю Военного совета 18-й армии, что к утру необходимо взять город. Тем более,

что командующий фронтом нам ясно сказал: "Продолжайте напряженно двигаться на Ужгород".

Всю ночь мы выясняли, уточняли у местных галичан и пленных данные об Ужгороде, а в пять часов утра двинулись на город и с боем заняли столицу Закарпатской Украины, захватив тысячи пленных, много железнодорожных составов, большие склады с продовольствием, боеприпасами и обмундированием.

Я радировал командующему: "Ужгород освобожден, галичане ликуют. Захвачены тысячи пленных, склады, подвижные составы. В отдельных частях города враг еще оказывает сопротивление, при отступлении был взорван мост, подожжены бензосклады".

Вечером мощный салют в Москве возвестил всему народу - Ужгород освобожден!

Дальше мы двигались ночью с открытыми фарами. Казалось, лавина огня обрушивается с гор на противника, оглушая шумом сотен моторов и лязгом гусениц.

У гитлеровцев началась паника, многие их операции были на ходу приостановлены. А с гор все спускались и спускались наши дивизии и корпуса.

Хорошо действовали в этих боях танкисты, самоходчики, артиллеристы, автоматчики, саперы и спецрота, наполовину укомплектованная бывшими военнопленными.

Пропавшие без вести вернулись в строй!

Примечания

{1}Условное обозначение.

{2}Сообщения Советского информбюро, т. III, стр. 9.

{3}Сообщения Советского информбюро, т. III, стр. 10.